

ISSN 2072-8522
ISSN (online) 2310-7278



Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия *Русская филология*

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ
ПРЕДЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ОПЕРАТОР *САМЫЙ*

ПОНЯТИЯ ПРОСПЕКЦИИ И РЕТРОСПЕКЦИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
И.А. БУНИНА)

АНГЛИЯ И АНГЛИЧАНЕ В «ПИСЬМАХ
РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА

ПРИНЦИП И СМЫСЛ ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ
В СТИХОТВОРЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПАРУС» (1832)



2016 / № 4

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8522 (print)

2016 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

серия

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Научный журнал основан в 1998 г.

«Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» включён в «Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание учёной степени доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по Филологическим наукам: группы специальностей Литературоведение (10.01.00) и Языкознание (10.02.00).

The academic journal is established in 1998

«Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Philological Sciences: Literary Studies (10.01.00) and Linguistics (10.02.00).

ISSN 2072-8522 (print)

2016 / № 4

ISSN 2310-7278 (online)

series

RUSSIAN PHILOLOGY

BULLETIN OF THE MOSCOW STATE
REGIONAL UNIVERSITY

Учредитель журнала «Вестник Московского государственного областного университета»:

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области

Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционно-издательский совет «Вестника Московского государственного областного университета»

Хроменков П.Н. – к.филол.н., проф., ректор Московского государственного областного университета (председатель совета)

Ефремова Е.С. – к. филол. н., начальник Информационно-издательского управления Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Клычников В.М. – к.ю.н., к.и.н., проф., проректор по учебной работе и международному сотрудничеству Московского государственного областного университета (зам. председателя)

Антонова Л.Н. – д.пед.н., академик РАО, Комитет Совета Федерации по науке, образованию и культуре

Асмолов А.Г. – д.псх.н., проф., академик РАО, директор Федерального института развития образования

Климов С.Н. – д.ф.н., проф., Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ)

Клобуков Е.В. – д. филол. н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Маноило А.В. – д.пол.н., проф., МГУ им. М.В. Ломоносова

Новоселов А.Л. – д.э.н., проф., Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова

Пасечник В.В. – д.пед.н., проф., Московский государственный областной университет

Поляков Ю.М. – к. филол. н., главный редактор «Литературной газеты»

Рюмцев Е.И. – д.ф.-м.н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

Хухуни Г.Т. – д.филол.н., проф., Московский государственный областной университет

Чистякова С.Н. – д. пед. н., проф., член-корр. РАО

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. – 2016. – № 4. – 184 с.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-26173

**Индекс серии «Русская филология»
по Объединенному каталогу «Пресса России» 40718**

© МГОУ, 2016.

© ИИУ МГОУ, 2016.

**Адрес Отдела по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного
областного университета»**

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (доб. 1740)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; сайт: www.vestnik-mgou.ru

Редакционная коллегия серии «Русская филология»

Ответственный редактор серии:

Лекант П.А. – д.филол.н., проф., МГОУ

Заместитель ответственного редактора серии:

Шаповалова Т.Е. – д.филол.н., проф., МГОУ

Ответственный секретарь серии:

Самсонов Н.Б. – к.филол.н., доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Алексеева Л.Ф. – д.филол.н., проф., МГОУ; **Аношкина В.Н.** – д.филол.н., проф., МГОУ; **Леденёва В.В.** – д.филол.н., проф., МГОУ; **Киселёва И.А.** – д.филол.н., доц., МГОУ; **Копосов Л.Ф.** – д.филол.н., проф., МГОУ; **Шаталова О.В.** – д.филол.н., проф., МГОУ; **Воропаев В.А.** – д.филол.н., проф., МГУ им. М. В. Ломоносова; **Моторин А.В.** – д.филол.н., проф., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого; **Нагорный И.А.** – д.филол.н., проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет; **Петров А.В.** – д.филол.н., доц., Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск); **Рацибурская Л.В.** – д.филол.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; **Супрун В.И.** – д. филол. н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет; **Аврамова В.Н.** – доктор филологии, проф., Шуменский университет имени Епископа Константина Преславского (Болгария); **Вегвари В.** – к.п.н., доц., Печский университет (Венгрия); **Гусман-Тирадо Р.** – д.филол.н., проф. Гранадский университет (Испания); **Догнал Й.** – к.филол.н., д.философии, доц., Институт славистики Университета им. Масарика (Чешская Республика); **Колларова Е.** – д.философии, проф., Католический университет в Ружомберке (Словакия); **Норман Б.Ю.** – д.филол.н., проф., Белорусский государственный университет (Республика Беларусь); **Финк-Арсовск Ж.** – д.филол.н., проф., Загребский университет (Хорватия); **Шеншина В.А.** – д.филол.н., Хельсинкский университет (Финляндия)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru)

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение редколлегии серии может не совпадать с точкой зрения автора. Рукописи не возвращаются.

Founder of journal «Bulletin of the Moscow State Regional University»:

Moscow State Regional University

Issued 5 times a year

Series editorial board «Russian philology»

Editor-in-chief:

P.A. Lecant – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Deputy editor-in-chief:

T.Ye. Shapovalova – Doctor of Philology, Professor, MSRU

Executive secretary of the series:

N.B. Samsonov – Ph.D. in Philology Sciences, Associate Professor, MSRU

Members of Editorial Board:

L.F. Alekseyeva – Doctor of Philology, Professor, MSRU;

V.N. Anoshkina – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.V. Ledeneva** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **I.A. Kiseleva** – Doctor of Philology, Associate Professor, MSRU; **L.F. Kopusov** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **O.V. Shatalova** – Doctor of Philology, Professor, MSRU; **V.A. Voropayev** – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University; **A.V. Motorin** – Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University; **I.A. Nagorny** – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State National Research University; **A.V. Petrov** – Doctor of Philology, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; **L.V. Ratsiburskaya** – Doctor of Philology, Professor, N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; **V.I. Suprun** – Doctor of Philology, Professor, VSPU; **V.N. Avramova** – Doctor of Philology, Professor, University of Shumen Bishop Konstantin of Preslav (Bulgaria); **V. Vegvari** – Ph.D. in Pedagogical Sciences, Associate Professor, University of Pécs (Hungary); **R. Guzmán Tirado** – Doctor of Philology, Professor, University of Granada (Spain); **J. Dohnal** – Ph.D. in Philological Sciences, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Institute of Slavonic Studies, Masaryk University (Czech Republic); **E. Kollarova** – Doctor of Philosophy, Professor, Catholic University in Ruzomberok (Slovakia); **B.Yu. Norman** – Doctor of Philology, Professor, Belorussian State University (Republic of Belarus); **Ž. Fink Arsovi** – Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia); **V.A. Shen-shina** – Doctor of Philology, Helsinki University (Finland)

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Moscow State Regional University (www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of «Bulletin of the Moscow State Regional University» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Publishing council «Bulletin of the Moscow State Regional University»

P.N. Khromenkov – Ph. D. in Philology, Professor, Principal of MSRU (Chairman of the Council)

E.S.Yefremova – Ph. D. in Philology, Chef of information and editorial management of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

V.M. Klychnikov – Ph.D. in Law, Ph. D. in History, Professor, Vice-Principal for academic work and international cooperation of MSRU (Vice-Chairman of the Council)

L.N. Antonova – Doctor of Pedagogics, Member of the Russian Academy of Education, The Council of the Federation Committee on Science, Education and Culture

A.G. Asmolov – Doctor of Psychology, Professor, Member of the Russian Academy of Education, Principal of the Federal Institute of Development of Education

S.N. Klimov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University of Railway Engineering

E.V. Klobukov – Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.V. Manoylo – Doctor of Political Science, Professor, Lomonosov Moscow State University

A.L. Novosjolov – Doctor of Economics, Professor, Plekhanov Russian University of Economics

V.V. Pasechnik – Doctor of Pedagogics, Professor, MSRU

Yu. M. Polyakov – Ph.D. in Philology, Editor-in-chief of «Literaturnaya Gazeta»

E.I. Rjuntsev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Saint Petersburg State University

G. T. Khukhuni – Doctor of Philology, Professor, MSRU

S.N. Chistyakova – Doctor of Pedagogics, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education

ISSN 2072-8522 (print)

ISSN 2310-7278 (online)

Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Russian Philology. – 2016. – № 4. – 184 p.

The series «Russian Philology» of the Bulletin of the Moscow State Regional University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 0С77-26173

Index series «Russian Philology» according to the union catalog «Press of Russia» 40718

© MSRU, 2016.

© MSRU Publishing house, 2016.

The Editorial Board address:

Moscow State Regional University

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 (add. 1740)

e-mail: vest_mgou@mail.ru; site: www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Абрамова И.Ю.</i> СОСТАВНЫЕ НОМИНАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОДЕЖДА»).....	8
<i>Бурская Е.А.</i> ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА).....	18
<i>Гунтарева Е.Е.</i> ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЦИКЛЕ «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ» С.А. ЕСЕНИНА	27
<i>Кириллина Н.В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭНАНТИОМОРФИЗМЕ КАК СУЩНОСТНОМ КАЧЕСТВЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОППОЗИЦИЙ.....	32
<i>Коробко Л.В.</i> КОНЦЕПЦИЯ МУЗЫКИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Л.Н. ТОЛСТОГО	42
<i>Лекант П.А.</i> СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПРЕДЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЕРАТОР САМЫЙ	50
<i>Малинская Т.В.</i> ПОНЯТИЯ ПРОСПЕКЦИИ И РЕТРОСПЕКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА)	58
<i>Мурзина Н.В.</i> О КНИЖНОЙ СПРАВЕ МАКСИМА ГРЕКА НА ПРИМЕРЕ ПСАЛТИРИ 1552 ГОДА	64
<i>Харина М.С.</i> ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В «ЖИТИИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО» (НА МАТЕРИАЛЕ СПИСКОВ XV–XVI ВВ.)	70
<i>Чекунова М.А.</i> ПРИЗНАКИ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ.....	77
<i>Черных М.А.</i> НОМИНАЦИИ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА (ИТОГИ ЛИНГВОАССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА).....	85

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Белоусова Е.В.</i> РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВАЖНОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ Л.Н. ТОЛСТОГО.....	92
---	----

<i>Джанумов С.А.</i> АНГЛИЯ И АНГЛИЧАНЕ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА.....	108
<i>Киселева И.А.</i> ПРИНЦИП И СМЫСЛ ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В СТИХОТВОРЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПАРУС» (1832).....	120
<i>Литвиненко Н.А.</i> ДОКУМЕНТ И ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ В ТЕКСТЕ И КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	127
<i>Михайлова И.П.</i> ЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ И.А. КУПЧИНСКИЙ (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ)	136
<i>Осипова Е.А.</i> СЛАВЯНОФИЛЫ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К «СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ»	142
<i>Поташова К.А.</i> О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ РИСУНКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ЛИРА» (1829)	150
<i>Салова О.И.</i> ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ А.Т. АВЕРЧЕНКО: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ	156
<i>Сорокина Г.А.</i> «КИТАЙСКИЕ» СТИХОТВОРЕНИЯ Е.И. ВАСИЛЬЕВОЙ – ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ВЛИЯНИЯ.....	166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Батурова Т.К.</i> ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ – 2016.....	175
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Шапвалова Т.Е.</i> РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ С.М. КОЛЕСНИКОВОЙ «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. МОРФОЛОГИЯ» (М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЮРАЙТ», 2015. 297 С.)	180
---	-----

CONTENTS

SECTION I. LINGUISTICS

I. Abramova. COMPOUND NOMINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF 21st CENTURY (ON THE MATERIAL OF THE THEMATIC GROUP «CLOTHES»)	8
E. Burskaya. PHONO-SEMANTIC OPPOSITIONS IN THE POETRY OF THE SILVER AGE (BASING ON I. SEVERYANIN'S WORKS)	18
E. Guntareva. PROPER NAMES IN THE CYCLE OF «PERSIAN MOTIFS» BY S. YESENIN	27
N. Kirillina. ON THE QUESTION ABOUT ENANTIOMORPHISM AS ESSENTIAL QUALITY OF CONCEPTUAL OPPOSITIONS	32
L. Korobko. THE CONCEPT OF MUSIC IN L. TOLSTOY'S LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD	42
P. Lekant. THE SEMANTIC-GRAMMATICAL CATEGORY OF LIMIT IN THE RUSSIAN LANGUAGE: THE OPERATOR <i>САМЫЙ</i>	50
T. Malinskaya. CONCEPTS PROSPECTION AND RETROSPECTION (ON THE MATERIAL OF I. BUNIN'S WORKS)	58
N. Murzina. ON MAXIMUS THE GREEK'S BOOK CORRECTIONS ON THE EXAMPLE OF PSALMS 1552	64
M. Kharina. LEXICAL-MORPHOLOGICAL VARIANTS IN "THE LIFE OF SERGIUS OF RADONEZH" (BASING ON THE LISTS OF THE 15-16TH CENTURIES)	70
M. Chekunova. SIGNS OF THE BUSINESS TEXT IN MODERN POLITICAL-ADMINISTRATIVE MEDIA-COMMUNICATION IN THE INTERNET	77
M. Chernykh. NOMINATIONS OF PERSONS BY PROFESSION IN THE MINDS OF RUSSIAN LANGUAGE SPEAKERS OF THE 21ST CENTURY (THE RESULTS OF LINGUISTIC ASSOCIATION EXPERIMENT)	85

SECTION II. LITERARY STUDIES

E. Belousova. REFLECTIONS ON THE IMPORTANCE OF BIOGRAPHICAL RESEARCH METHOD OF N. TOLSTOY'S LIFE AND LITERARY WORK	92
S. Dzhanumov. ENGLAND AND ENGLISHMEN IN N. KARAMZIN'S "LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELLER"	108

I. Kiseleva. THE PRINCIPLE AND SENSE OF THE REVERSE PERSPECTIVE IN M. LERMONTOV'S POEM «SAIL» (1832).....	120
N. Litvinenko. DOCUMENT AND DOCUMENTARY IN THE TEXT AND THE CONTEXT OF THE FRENCH HISTORICAL NOVEL OF THE EARLY 19TH CENTURY	127
I. Mikhailova. KURSK FORGOTTEN WRITER I. KUPCHINSKIY (MATERIALS FOR BIOGRAPHY)	136
E. Osipova. SLAVOPHILES AND THEIR ATTITUDE TOWARDS THE SLAVIC QUESTION.....	142
K. Potashova. ON POSSIBLE SOURCES OF M. LERMONTOV'S PICTURE «LYRE» (1829)	150
O. Salova. IMAGES OF CHILDREN IN A. AVERCHENKO'S STORIES: TO THE QUESTION OF POSSIBLE CLASSIFICATION	156
G. Sorokina. «CHINESE» POEMS BY E. VASILYEVA – LITERARY CONNECTIONS AND IMPACTS.....	166

SCIENTIFIC LIFE

T. Baturova. DAY OF SLAVIC WRITTEN LANGUAGE AND CULTURE – 2016	175
--	-----

REVIEW

T. Shapovalova. REVIEW OF THE TEXTBOOK «MODERN RUSSIAN LANGUAGE. MORPHOLOGY» (M.: PUBLISHER YURAYT, 2015. 297 PP.)	180
--	-----

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-8-17

СОСТАВНЫЕ НОМИНАЦИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ОДЕЖДА»)*

Абрамова И.Ю.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, Российская Федерация*

Аннотация. В настоящем исследовании предложена попытка классификации тематической группы «Одежда» на основе анализа новейших 95 единиц – составных номинаций, извлечённых из более чем 1500 контекстов, представленных в печатных СМИ, интернет-изданиях и лексико-грамматических источниках. В основу классификации положен релеятивный принцип, позволяющий выделить три классификационные группы составных номинаций, относящихся к тематической группе «Одежда». Особое внимание в настоящем исследовании уделяется сочетанию интралингвистических и экстралингвистических особенностей функционирования анализируемых единиц в современной русскоязычной дискурсивной практике XXI века.

Ключевые слова: русский язык XXI века, тематическая группа «Одежда», составные номинации, классификация.

COMPOUND NOMINATIONS IN THE RUSSIAN LANGUAGE OF 21ST CENTURY (ON THE MATERIAL OF THE THEMATIC GROUP «CLOTHES»)

I. Abramova

*Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University
87 Gorky St., Vladimir, Russian Federation, 600000*

Abstract. The research proposes an attempt to classify the thematic group «Clothes» basing on the analyses of 95 newest units – compound nominations taken from more than 1500 contexts presented in mass media, internet, lexical-grammatical sources. The classification is

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 15-24-01007 а(м) «Общеславянские ценности в зеркале региона (Владимирщина и Витебщина): язык как главная духовная ценность»

© Абрамова И.Ю., 2016.

based on the relative principle which made it possible to select three compound nominations groups related to the thematic group «Clothes». Special attention in this research is paid to the combination of intra and extra linguistic features of the analyzed units functioning in modern Russian discursive practices of 21st century.

Keywords: Russian language of 21st century, thematic group «Clothes», compound nominations, classification.

Для определения национальной специфики, культурных и языковых особенностей современного общества широко используется лексика бытовой сферы, в частности – номинации одежды. В современной лингвистике актуальны исследования, посвящённые социально-политическим, культурно-просветительским, экономическим вопросам национального развития, поскольку каждая ступень этого развития отражается в речевом поведении. В целом понятие языковой личности XXI века неотделимо от таких явлений действительности, как, с одной стороны, культурная самобытность, а с другой – межкультурное взаимодействие, поскольку «в контексте современного глобализирующегося мира информационно-коммуникационное пространство заметно расширяется, ставя перед индивидом новые задачи и вопросы» [26, с. 15]. В рамках настоящего исследования мы имеем дело с ярким примером того, как экстралингвистический фактор – развитие индустрии одежды, которая в XXI веке является не только социально-бытовой сферой, но и культурным феноменом, – обогащает язык, является ярким примером «сложных взаимоотношений языка и мышления» [17, с. 7].

Целью представленной работы является описание составных номинаций тематической группы «Одежда» с учётом анализа интра- и экстралингвистических факторов, влияющих на

особенности функционирования указанных единиц в русском языке XXI века. Анализ языкового материала с точки зрения определения закономерностей во внутрисловной парадигме составных наименований позволяет установить характер отношений между структурно-семантическими элементами рассматриваемых единиц (мотивирующими словами). С учётом вышеизложенного выделяется ряд отвечающих цели задач, среди которых: а) классификация существующих в русском языке XXI веке элементов выбранной тематической группы; б) выявление особенностей представления изучаемых номинаций в современных словарях.

К настоящему моменту тематическая группа «Одежда» рассматривалась лингвистами с точки зрения выявления особенностей функционирования в различных языковых картинах мира, отражающих ментальность и описывающих культурно-исторические процессы жизни разных наций [см., например: 7; 16]. Тематическая группа «Одежда» исследовалась в рамках индивидуально-авторского видения мира [см., например: 11], «ассоциативно-деривационных связей лексем обозначенной группы и особенностей их функционирования в составе фразеологических единиц, рассмотренных с точки зрения этнокультурной информативности» [20, с. 4]. Кроме того, наименования тематической группы «Одежда» изуча-

лись с позиции отражения в языке национальной самобытности (например, при рассмотрении свадебного обряда) [см., например: 21; 23].

Необходимо заметить, что функционирование изучаемых единиц в русском языке XXI века не было предметом специального монографического исследования. Вместе с тем вполне очевидно, что рассматриваемая тематическая группа под влиянием внешне-экономических и межкультурных связей современного общества количественно пополняется, видоизменяется и представляет собой неисследованное лингвистическое пространство. В настоящей статье внимание сосредоточено на изучении новейших 95 составных номинаций тематической группы «Одежда», извлечённых из более чем 1500 контекстов средств массовой информации, лексикографических материалов и дискурсивной речевой практики XXI века.

Стоит отметить, что в современном русском языке составные номинации являются объектами пристального внимания и изучения лингвистов, выражающих идею о том, что функционирование этих языковых единиц, обладающих «компактной структурой и семантической ёмкостью», является следствием потребностей общества «к удобным формам выражения» [6, с. 148] в различных коммуникативных ситуациях. Такого рода подход требует рассмотрения настоящего языкового явления на словообразовательном, структурно-семантическом, синтаксическом уровнях, причём не изолированно, а в тесной взаимосвязи всех перечисленных аспектов.

Интересен тот факт, что словообразовательное значение составных

номинаций «вытесняется» лексическим, репрезентирующим «иные реалии внеязыковой действительности», возникшим в результате «устойчивой сочетаемости составляющих частей», представляющим «органически целостное, качественно новое единство, которое <...> одновременно полностью сохраняет семантическую ясность компонентов» [4, с. 360]. Значения мотивирующих слов при таком типе словообразования свободно функционируют в различных контекстах, но появляется новое «синтезированное» в сознании человека значение, отражающее другую реалию окружающей действительности.

В целом в зависимости от смысловых отношений между структурными компонентами составной номинации предлагается следующая **классификационная парадигма составных наименований тематической группы «Одежда»:**

1) между компонентами-мотиваторами выявляются отношения сравнения: по внешним признакам первый компонент номинации похож на второй компонент, каждый из которых относится к тематической группе «Одежда» (А как Б): *рубашка-поло, свитер-туника, юбка-пачка, платье-рубашка, платье-бюстье, пальто-халат, куртка-плащ*. Так, например, номинация *платье-бюстье* определена следующим образом: «*платье без бретелей, открывающее плечи*» [5]. *Платье* как «женская одежда, верхняя часть которой, соответствуя кофте, составляет одно целое с нижней частью, соответствующей юбке» [19, с. 136] по форме верхней части напоминает *бюстье* (от франц. *buste* – грудь) – «*короткую открытую блузку, уменьшенную до размеров бюстгалтера*» [5], таким об-

разом, *платье* (элемент А), названное через составную номинацию *платье-бюстье*, похоже на *бюстье* (элемент Б) тем, что в дефиниции определено через дифференциальные семы '*без бретелей*', '*открывает плечи*';

2) между компонентами-мотиваторами выявляются отношения «образной трансформации» (метафоризация), которые обусловлены «сопоставлением разноплановых (семантически далёких) понятий» [12, с. 327] (А похоже на Б): *платье-тюльпан*, *платье-русалка*, *брюки-бананы*, *брюки-дудочки*, *юбка-колокол*, *юбка-баллон*. Наименование *платье-русалка* как единица **второй** классификационной группы обозначает следующий предмет одежды – «элегантное цельнокроеное облегающее платье длиной «в пол», имеющее юбку в виде хвоста рыбы или русалки» [15]. В приведённом примере языковое явление метафоризации, выраженное наличием в слове *платье-русалка* семы '*юбка в виде хвоста рыбы или русалки*', «стимулируется свойствами реалии», объект описания (платье), существующий в действительности, в языке фиксируется с учётом картины мира его носителей, обусловлен «ходячими представлениями <...> о действиях, о соотношениях различных предметов, образующими коннотации слова» [3, с. 140];

3) компоненты составных номинаций соотносятся друг с другом как словосочетание конструкции «существительное как стержневой компонент + несогласованное определение», где первый элемент принадлежит тематической группе «Одежда», а второй компонент – абстрактное имя существительное, обозначающее понятие «стиль данного предмета одежды» как совокупность каких-либо харак-

терных признаков, особенностей, ему свойственных: *блузка-пеплум*, *платье-ампир*, *брюки-карго*, *брюки-кюлоты*, *юбка-годе*, *джинсы-бойфренды*. Единица **третьей** группы *блузка-пеплум* может быть представлена как словосочетание «*блузка в стиле пеплум*», в котором элемент «*пеплум*» (*perplos*) – гречизм, обозначающий «*верхнюю одежду древних гречанок и римлянок из лёгкой ткани в складках без рукавов, надевавшуюся поверх туники*» [14]. Определение «*древний*» сообщает о том, что указанное наименование относится к денотату, который в качестве одежды неактуален в настоящий момент времени. Однако для воссоздания определённого исторического периода, колорита древних эпох возможно использовать детали такого одеяния (как стиль) в современной действительности, но уже вне зависимости от национальности и культурных традиций.

С точки зрения лексикографического описания составные номинации в составе тематической группы «Одежда» представлены в различных аспектных словарях и отраслевых специальных энциклопедиях [см., например: 2, 13, 24] и др. В современных нормативных словарях XXI века такая узкоспециализированная лексика зафиксирована лишь несколькими примерами единиц, давно закреплённых в сознании носителей языка. Среди элементов **первой** классификационной группы это *блуза-рубашка*, *юбка-брюки*, *платье-костюм*. Другие наименования не отражаются в словаре под влиянием ряда факторов, представляющих не столько конечный результат, сколько процесс постоянного влияния общественных процессов на собственно языковую систему:

1) в структуре составных номинаций появляются элементы-экзотизмы, являющиеся языковым выражением других национальных картин мира (*блузка-кимоно, платье-ципао, платье-сафари*);

2) какой-либо предмет одежды, как и его языковое описание, только «входит» в массовую культуру (*платье-бюстье, платье-пальто*);

3) сфера производства предметов одежды как объектов повседневного потребления испытывает влияние других сфер социокультурной деятельности, являющихся узкопрофильными, а не массовыми, например, таких, как балет (*юбка-пачка*), спортивно-развлекательные игры (*брюки-гольф, брюки-поло*);

4) активизируется интерес массового потребителя к стилю субкультур (*куртка-косуха*).

Перечисленные наблюдения фиксируют изменения, происходящие в обществе и, как следствие, в языке последних нескольких лет. В зависимости от того, как будет развиваться, «приживаться» в массовой культуре то или иное нововведение, зависит и его непосредственное отражение в словаре.

Некоторые элементы *второй* классификационной группы зафиксированы в толковых словарях русского языка, но лишь как единица (второй элемент), которая семантически идентична составному наименованию (*брюки-дудочки – дудочки, брюки-бананы – бананы*). Описываемые единицы, обозначающие определённые фасоны брюк, представлены грамматической формой множественного числа (по аналогии с устойчивой грамматической формой слова *брюки*), так как представляют название предмета, со-

стоящего из парных однородных частей. Кроме того, посредством такого рода грамматической репрезентации указанных единиц номинации предмета одежды отграничиваются от семантически далёких понятий (ср. в ед. ч. *банан, дудочка*). Стоит отметить, что во *второй* классификационной группе наблюдается такое языковое явление, как полиноминативность, отражающее непрерывную когнитивную деятельность человеческого сознания, постигающего и фиксирующего реалии окружающей действительности. Номинация *платье-русалка* не является единственным в обозначении разновидности женской одежды; для её наименования могут использоваться такие единицы, как *платье-рыбка, платье-тромпет, платье-труба, платье-годе*. Кроме того, в качестве примера описываемого явления можно привести наименование *брюки-дудочки*, семантически идентичное номинациям типа *брюки-сигареты* и *брюки-трубочки*.

В современном лексикографическом описании зафиксировано большинство наименований *третьей* классификационной группы, однако в качестве словарной единицы приводится не составное наименование, а слово – второй элемент, включающий в лексико-семантическую структуру значение первого элемента, который для коммуникативной ситуации становится факультативным: *брюки-карго (карго), брюки-капри (капри), брюки-бермуды (бермуды), брюки-кюлоты (кюлоты), юбка-татьянка (татьянка), рубашка-ковбойка (ковбойка)*. Наименование *брюки-капри* называет определённый фасон брюк, при этом элемент *капри* является семантическим историзмом,

обозначающим реалию действительности 50-х годов XX века, а именно «удобный вариант одежды для рабочих» [9]. Сема 'строгое назначение одежды' в указанном примере в современном русском языке меняется на сему 'стиль одежды' ('внешний вид', 'покрой брюк'). К настоящему моменту с социально-общественной точки зрения такая одежда полифункциональна, к тому же произошли изменения на гендерном уровне – подобная форма брюк стала вполне приемлема для женщин.

Стоит отметить, что среди наименований *первой* группы, основанных на отношении сравнения между мотивирующими единицами, замена на второй элемент является неверной. Структура составной номинации представлена семами, характеризующими первый элемент через второй элемент мотивирующей базы, следовательно, они находятся в тесной взаимосвязи и именно таким образом фиксируются в сознании носителя языка. Примером таких наблюдений может служить номинация *юбка-брюки*, характеризующаяся как «вид *поясной одежды*», в которой «*брючный покрой заметен только при ходьбе, т. к. скрывается глубокими складками*» [25]. Дифференцирующая сема 'покрой' в структуре первого элемента *юбка* представлена непосредственно через название второго элемента мотивирующей базы – *брючный*.

Первый элемент может быть уточняющим, но не обязательным только в названии таких предметов одежды *первой* классификационной группы, как *куртка-косуха* и *брюки-слаксы*. В номинации *куртка-косуха* второй элемент – *косуха* – включает в своё значение сему 'куртка', является результатом

словообразовательной цепочки, элементами которой выступают мотивирующая основа прилагательного *косая* и регулярный словообразовательный суффикс *-ух-*, выделяющийся в именах существительных женского рода, характеризующихся непосредственно мотивирующим словом [8, с. 490-491]: «*косуха – модель кожаной куртки*», *получившая своё название за «косую застёжку»* [10]. В составной номинации *брюки-слаксы* второй элемент включает в лексическое значение сему 'брюки', так как является лексической калькой с англоязычного *slacks* – «широкие брюки» и означает «*разновидность брюк со штанинами, расширенными в бёдрах и суженными внизу*» [18].

Таким образом, в процессе работы над тематической группой «Одежда», широко представленной в современном русском языке в аспекте составных номинаций, нами была предложена попытка классификации и системного анализа единиц с учётом следующих положений: а) составные номинации представляют собой результат соединения «двух узуальных слов, в результате которого возникает новообразование, обозначающее сложное понятие» [6, с. 148]; б) в представленных единицах наряду с «семантико-функциональной близостью к слову» наблюдаются «расчленённость формы», определённые синтагматические отношения [22, с. 162]; в) с учётом данных типов отношений за словом закрепляется «синтезированное» – лексико-словообразовательное значение мотивированного слова – составной номинации; г) особый интерес представляют единицы третьей классификационной группы, которые можно отнести к синтаксиче-

скому структурному типу, «развернув» как словосочетание, где существительное в функции стержневого компонента характеризуется с точки зрения формы, внешнего вида посредством несогласованного определения (А в стиле Б). Подобного рода языковой процесс – переход от словосочетания к составной номинации – отражает тенденцию к «спаянности» языковых единиц в рамках словоупотребления в какой-либо социальной сфере деятельности общества (помимо наименований одежды, примерами служат названия профессий, текстильное производство, пищевая промышленность и т. д.). Кроме того, уместно говорить о процессе терминологизации указанных номинаций, так как за ними закреплена определённая сфера деятельности, устойчивая дефиниция и воспроизводимость в речи. Это один

из наиболее динамичных процессов в современном русском языке, в рамках которого «устойчивые терминологические или тяготеющие к терминологии обозначения новых предметов и явлений образуют самую обширную группу» [8, с. 43].

Появляющиеся новые единицы – результат процесса «объективного развития» языка, изменения в котором «соответствуют социальным преобразованиям современного общества» [26, с. 7], представляют тот или иной «социальный заказ, когда в нём есть действительная необходимость» [1, с. 6]. Активное функционирование в различных коммуникативных ситуациях составных номинаций, относящихся к тематической группе «Одежда», является прямым следствием социального обусловленных, культурно значимых процессов современного общества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абрамян К.Ш. Языковая картина мира в ракурсе современного словообразования // Иностранные языки в высшей школе. 2014. № 1. С. 5-8.
2. Андреева Р.П. Энциклопедия моды. СПб.: Изд-во «Литера», 1997. 416 с.
3. Арутюнова Н.Д. Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина. М., 1979. С. 140-141.
4. Ашурова С.Д. Семантические особенности составных субстантивных наименований // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7. С. 360-362.
5. Дрога М.А., Дрога А.А. Биномины, обозначающие лиц по профессии // Вестник Омского университета. 2014. № 3. С. 148-151.
6. Ермоленко Г.М. Лингвокультуреми тематической группы «Одежда»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 29 с.
7. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка: ок. 1900 словообразов. единиц, 2-е изд., испр. М.: АСТ: Астрель, 2005. 636 с.
8. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Изд-во КомКнига, 2005. 224 с.
9. Куликова Н.В. Наименования одежды в языке А.С. Пушкина (лексикографический и функционально-стилистический аспекты): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2000. 24 с.
10. Одинцов В.В. Сравнение // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ф.П. Филина. М., 1979. 327 с.
11. Орленко Л.В. Терминологический словарь одежды. М., 1996. 344 с.
12. Полякова Г.М. Анализ лексико-семантического поля «Одежда» в русском, английском, немецком языках в аспекте сопоставительной лингвокультурологии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 19 с.

13. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с.
14. Словарь русского языка в четырёх томах / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 3, М., Изд-во «Русский язык», 1987. 752 с.
15. Тихомирова А.В. Ассоциативно-деривационная и фразеологическая семантика наименований одежды в русской языковой традиции: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2013. 28 с.
16. Тихомирова А.В. Символика наименований одежды и обуви в русской диалектной лексике и фразеологии свадебного обряда // Вестник Пермского университета. Серия: Российская и зарубежная филология. 2013. № 1 (21). С. 43-50.
17. Чепкова Т.П. Лингвистический статус составных наименований // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. Челябинск, 2007. С. 162-168.
18. Шамигулова А.Т. Лексика одежды и украшений в башкирском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2015. 27 с.
19. Юдина Н.В. Русский язык в XXI веке: кризис? эволюция? прогресс? : монография. М., Гнозис, 2010. 293 с.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ:

20. Бюстье [Электронный ресурс] // Словарь моды и одежды [сайт]. URL: <http://www.moda-dic.ru/html/b/b7st5e.html> (дата обращения: 06.12.2015).
21. Женские брюки-капри [Электронный ресурс] // Мастерская Ксении Штиль [сайт]. URL: <http://www.ask4style.ru/woman-styles-pants/pants-capri-style.html> (дата обращения: 06.12.2015).
22. Косуха [Электронный ресурс] // Русскоязычная женская энциклопедия WomanWiki [сайт]. URL: <http://womanwiki.ru/w/Косуха> (дата обращения: 06.12.2015).
23. Пеплум [Электронный ресурс] // Энциклопедии. Словари [сайт]. URL: <http://enc-dic.com/crossword/Peplum-48055.html> (дата обращения: 30.01.2016).
24. Платье [Электронный ресурс] // Русскоязычная женская энциклопедия WomanWiki [сайт]. URL: <http://womanwiki.ru/w/Платье> (дата обращения: 06.12.2015).
25. Слаксы [Электронный ресурс] // Энциклопедии. Словари [сайт]. URL: <http://enc-dic.com/fwords/Slaksy-34137.html> (дата обращения: 16.01.2016).
26. Энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sarafan.ru/san/Ms/FashionVoc/article189.html>.
27. Юбка-брюки [Электронный ресурс] // Энциклопедия моды [сайт]. URL: <http://www.moda-dic.ru/html/7/7bka-br7ki.html> (дата обращения: 16.01.2016).

REFERENCES

1. Abramyan K.S.H. Yazykovaya kartina mira v rakurse sovremennogo slovoobrazovaniya [Language picture of the world in the perspective of modern word formation] // Inostrannye yazyki v vysshei shkole. 2014. no. 1. pp. 5–8.
2. Andreeva R.P. Entsiklopediya mody [Encyclopedia of fashion]. SPb., Izd-vo «Litera», 1997. 416 p.
3. Arutyunova N.D. Russkii yazyk. Entsiklopediya [Russian language. Encyclopedia]. M., 1979.
4. Ashurova S.D. Semanticheskie osobennosti sostavnykh substantivnykh naimenovaniy [Semantic features of compound noun names] // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2011. no. 7. pp. 360–362.
5. Droga M.A., Droga A.A. Binominy, oboznachayushchie lits po professii [Binomynes, indicating persons by profession] // Vestnik Omskogo universiteta. 2014. no. 3. pp. 148–151.
6. Ermolenko G.M. Lingvokul'turemy tematicheskoi gruppy «Odezhdа»: avtoref. dis. ...

- kand. filol. nauk [Linguocultural thematic group "Clothes": abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Pyatigorsk, 2009. 29 p.
7. Efremova T.F. Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinits russkogo yazyka: ok. 1900 slovoobrazov. edinits [Dictionary of word-formation units of Russian language: approx. 1900 word-form. units]. 2nd ed., rev. M., AST: Astrel', 2005. 636 p.
 8. Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost' [Word-formation as an activity]. M., Izd-vo KomKniga, 2005. 224 p.
 9. Kulikova N.V. Naimenovaniya odezhdy v yazyke A.S. Pushkina (leksikograficheskii i funktsional'no-stilisticheskii aspekty): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Names of clothes in the language of A. Pushkin (the lexicographic and functional-stylistic aspect): abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. M., 2000. 24 p.
 10. Odintsov V.V. Sravnenie // Russkii yazyk. Entsiklopediya [Comparison // Russian language. Encyclopedia]. M., 1979. 327 p.
 11. Orlenko L.V. Terminologicheskii slovar' odezhdy [Glossary of clothing]. M., 1996. 344 p.
 12. Polyakova G.M. Analiz leksiko-semanticheskogo polya «Odezhda» v russkom, angliiskom, nemetskom yazykakh v aspekte sopostavitel'noi lingvokul'turologii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The analysis of the lexico-semantic field "Clothing" in the Russian, English, German languages in the aspect of comparative linguistics: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. M., 2012. 19 p.
 13. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaya lingvistika [Cognitive linguistics]. M., AST: Vostok-Zapad, 2007. 314 p.
 14. Slovar' russkogo yazyka v chetyrekh tomakh. T. 3 [Dictionary of the Russian language in four volumes. Vol. 3]. M., Izd-vo «Russkii yazyk», 1987. 752 p.
 15. Tikhomirova A.V. Assotsiativno-derivatsionnaya i frazeologicheskaya semantika naimenovaniy odezhdy v russkoi yazykovoii traditsii: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Associative-derivational and phraseological semantics of the items of clothing in the Russian linguistic tradition: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Ekaterinburg, 2013. 28 p.
 16. Tikhomirova A.V. Simvolika naimenovaniy odezhdy i obuvi v russkoi dialektnoi leksike i frazeologii svadebnogo obryada [Symbolism of items of clothing and shoes in a Russian dialect vocabulary and phraseology of the wedding ceremony] Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya [Perm University Bulletin. Series: Russian and foreign Philology]. 2013. pp. 43-50
 17. Chepkova T.P. Lingvisticheskii status sostavnykh naimenovaniy [The linguistic status of compound names] Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Iskusstvovedenie [Bulletin of the Chelyabinsk state University. Series: Philology. Art history]. Chelyabinsk, 2007. pp. 162-168
 18. Shamigulova A.T. Leksika odezhdy i ukrashenii v bashkirskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Clothes and jewelry vocabulary in the Bashkir language: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Ufa, 2015. 27 p.
 19. Yudina N.V. Russkii yazyk v XXI veke: krizis? evolyutsiya? progress? : monografiya [The Russian language in the 21st century: crisis? evolution? progress? : monograph]. M., Gnozis, 2010. 293 p.

ELECTRONIC SOURCES

20. Byust'e [Elektronnyi resurs] [Bustier [E-source]] // Slovar' mody i odezhdy [sait] [Dictionary of fashion and clothing [website]]. URL: <http://www.moda-dic.ru/html/b/b7st5e.html> (request date 06.12.2015)

21. Zhenskie bryuki-kapri [Elektronnyi resurs] [Women capri pants [E-source]] // Masterskaya Ksenii Shtil' [sait]. [Workshop Ksenia Shtil' [website]]. URL: <http://www.ask4style.ru/woman-styles-pants/pants-capri-style.html> (request date 06.12.2015)
22. Kosukha [Elektronnyi resurs] [Biker jacket [E-source]] Russkoyazychnaya zhenskaya entsiklopediya WomanWiki [sait]. [Russian women]. URL: <http://womanwiki.ru/w/Косуха> (request date 06.12.2015)
23. Peplum [Elektronnyi resurs] [Peplum [E-source]] // Entsiklopedii. Slovarei [sait]. [Encyclopedia. Dictionaries [website]]. URL: <http://enc-dic.com/crossword/Peplum-48055.html> (request date 30.01.2016)
24. Plat'e [Elektronnyi resurs] [Dress [E-source]] // Russkoyazychnaya zhenskaya entsiklopediya WomanWiki [sait]. [Russian women encyclopaedia [website]]. URL: <http://womanwiki.ru/w/Платье> (request date 06.12.2015)
25. Slaksy [Elektronnyi resurs] [Slacks [E-source]] // Entsiklopedii. Slovarei [sait]. [Encyclopedia. Dictionaries [website]]. URL: <http://enc-dic.com/fwords/Slaksy-34137.html> (request date 16.01.2016)
26. Entsiklopediya [Elektronnyi resurs]. [Encyclopedia [E-source]]. URL: <http://www.sarafan.ru/san/Ms/FashionVoc/article189.html>.
27. Yubka-bryuki [Elektronnyi resurs] [Culottes [E-source]] // Entsiklopediya mody [sait]. [Encyclopedia of fashion [website]]. URL: <http://www.moda-dic.ru/html/7/7bka-br7ki.html> (request date 16.01.2016)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Абрамова Инга Юрьевна – аспирант кафедры русского языка педагогического института Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых;

e-mail: ingaabramova2011@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Inga Abramova – postgraduate student of Russian language department of Institute of Pedagogy of Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University;

e-mail: ingaabramova2011@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Абрамова И.Ю. Составные номинации в русском языке XXI века (на материале тематической группы «Одежда») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 8-17.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-8-17

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Abramova. Compound nominations in the Russian language of 21st century (on the material of the thematic group «clothes») // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 8-17.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-8-17

УДК 811.161.1 + 813 .143 + 813.223
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-18-26

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЕ ОППОЗИЦИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА)

Бурская Е.А.

*Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
117997, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36, Российская Федерация*

Аннотация: В статье выявляются и анализируются особенности фоносемантических противопоставлений в неологизмах Игоря Северянина; рассматриваются лексико-семантические микрополя новообразований поэта. Впервые устанавливаются взаимоотношения между тремя аспектами значения слова в рассматриваемых антонимичных парах: логико-понятийным, коннотативно-признаковым и фоносемантическим. Общая звукодержательная картина исследуемого материала даёт представление о структуре фоносемантических отношений: в абсолютном большинстве не только антонимичных пар, но и лексико-семантических микрополей фоносемантика явно и чётко поддерживает логико-понятийный аспект.

Ключевые слова: неологизмы, антонимические парадигмы, фоносемантическая оппозиция, звукоизобразительная система, лексико-семантические микрополя.

PHONO-SEMANTIC OPPOSITIONS IN THE POETRY OF THE SILVER AGE (BASING ON I. SEVERYANIN'S WORKS)

E. Burskaya

*Plekhanov Russian University of Economics
36, Stremyanny lane, Moscow, Russian Federation, 117997*

Abstract. The paper identifies and analyses characteristics of phono-semantic oppositions within neologisms found in the poetry of Igor Severyanin. Furthermore, it examines lexical semantic units in these neologisms. The article establishes an unprecedented connection between the three aspects of word's meaning in the researched pairs antonyms: denotative, connotative and phono-semantic. The researched material does not contradict the common structure of phono-semantic relations. In the majority of examples given by the author, phono-semantic components of pairs of antonyms support their conceptual aspects.

Keywords: neologisms, antonymic paradigms, phono-semantic oppositions, onomatopoeic system, lexical semantic units.

Интерес к **фоносемантике** в языкознании в последние тридцать лет постоянно возрастает: появились научные исследования, в которых рассматриваются теоретические и практические проблемы *фоносемантического пространства*

языковых единиц (см.: А.П. Журавлёв, А.Б. Михалев, С.С. Шляхова, Л.Н. Санжаров и др.).

Для анализа звуковой содержательности текста нами избраны антонимические парадигмы в неологизмах Игоря Северянина, поскольку противопоставления помогают создать наиболее полный художественный образ, передать весь объём эмоций, переживаний как героев, так и самого автора.

Основными рабочими понятиями для нас служат термины: «антонимические парадигмы», «фоносемантические отношения», «фоносемантическая антонимия».

Фоносемантические отношения в антонимичных новообразованиях, созданных Игорем Северяниным, позволяют провести более точный содержательный анализ художественно-поэтического текста, выявить особенности языковой личности мастера слова, ярчайшего представителя поэзии Серебряного века – «короля поэзии». Подобных исследований в современной лингвистической науке ещё не проводилось.

Фоносемантика отдельно взятого слова, у которого есть антоним, устанавливает наличие / отсутствие соответствия между *логико-понятийным* (ЛПА) и *фоносемантическим* (ФСА) аспектами через *коннотативно-признаковый* (КПА) аспект в каждом из неологизмов Игоря Северянина, а в **опозиционных** лексемах выявляет *отношения* между перечисленными аспектами (ЛПА – КПА – ФСА) и внутри пар этих слов.

В ходе лингвистического эксперимента нами было обнаружено, что почти в 67% оппозиционных пар (из общего числа 600 единиц разнокорне-

вой антонимии) фоносемантика поддерживает противопоставление по *логико-понятийному аспекту* (ЛПА) и *качественно-признаковому аспекту* (КПА) значения [2]. Для нас также важным является определить, существует ли *фоносемантическая* поддержка ЛПА и в лексике, отражённой в Словаре неологизмов Игоря Северянина ([10] – далее Словарь).

Качественно-признаковый аспект значения (КПА) слова наиболее близок к *логико-понятийному аспекту* (ЛПА) – ядру – и представляет собой *градуально-оценочный* (в самом широком смысле) **компонент** значения, в котором указаны дополнительные, коннотативные, сопутствующие оттенки.

Фоносемантическая антонимия нами определяется как **противопоставление по содержательности звучания слов**. **Содержательность звучания слова** выявляется по компьютерной программе, разработанной А.П. Журавлёвым [3]. В ходе анализа *взаимоотношений* между аспектами слова мы используем определённую терминосистему: «**языковая оппозиция**», «**противопоставление**», «**контрастность признаков**», «**антитеза**», «**антонимия**», «**оппозитивность**». Данные термины употребляются как синонимичные, что не оспаривается подавляющим большинством лингвистов (Л.А. Новиков, Ю.Д. Апресян и др.). Однако отметим, что мы разделяем точку зрения, при которой объём понятия «**оппозиция**» шире, чем объём понятия «**антонимия**», воспринимаемая нами как *мероним* (**составная часть** другого явления) по отношению к *холониму* (**целое** над другим понятием) «**языковая оппозиция**». Таким об-

разом, устанавливается определённая терминологическая иерархия.

Около 60 неологизмов И. Северянина вступают в антонимические отношения. Это слова, относящиеся к различным **частям речи**: именам существительным (*ближница – далёчница, деревенка – эстетка, грёзовиденье – безгрёзье*), именам прилагательным (*поэзный – прозный, скудомысленный – мыслевый, поснежный – предснежный*), глаголам и глагольным формам (*ночь – утро, осень – весна*); причастиям – *осенеющий – весенеющий, остариненный – оновенный*), наречиям (*слёзово – бесслёзно, поцелуйно – беспоцелуйно*). Отметим, что, несмотря на принятие нами **межчастеречной антонимии**, она не была зафиксирована в Словаре, который послужил основой для отбора лексики.

Рассмотрим фоносемантику в парах неологизмов на примерах противопоставлений *деревенка – эстетка*. См.:

– *Вообрази себя опять эстеткой, / а не грубой бабой...* («Наперекор», 1919) [4];

– *Изящница, очаровалка, венка, / Пред кем и герцогиня – деревенка, / В ней что-то есть особое совсем!* («Сонет XXXI», 1919) [7].

Ср., данные ЛПА в Словаре: *Деревенка* – это «крестьянка, женщина из деревни». *Эстетка* – «изящная дама, женщина, любящая прекрасное, эстетику» [10].

Нами установлены **шкалы оценочных градаций** (ср.: Н.Д. Арутюнова, С.М. Колесникова), по которым проводится описание ФСА (*фоносемантического аспекта*) и КПА анализируемой пары слов (в данном случае оценочные шкалы для обоих аспектов совпадают см. табл. 1):

Таблица 1

<i>деревенка</i>	<i>эстетка</i>
активный 2.3	(пассивный) 3.5
(низменный) 3.0	величественный 2.2
весёлый 2.4	(грустный) 3.0
(быстрый) 2.7	медленный 3.5

Скобки, в которые заключены некоторые из признаков, означают, что их *градуальные оценки* попадают в *нейтральную зону*. Если бы мы рассматривали фоносемантику только слова, например, *деревенка*, то пришлось бы констатировать **отсутствие** чётко выраженных соответствий по шкалам *низменный* и *быстрый*; в результате включения слова *деревенка* в антонимичную пару *деревенка – эстетка* выявляется поддержка противопоставлений *понятийного* и *качественно-признакового аспектов* фоносемантикой. **Наличие противопоставлений** по этим **шкалам** становится очевидным.

В паре *солнечность – лунность* обнаружено соответствие по всем трём аспектам значений: «*Я знал вас в солнечности, в лунности, / гляделся в вашу полынью...*» («Стихи о реках», 1920–1940-е гг.) [10, с. 149]. Для описания КПА / ФСА этих слов выделяются следующие шкалы: *светлый – тёмный, горячий – холодный, быстрый – медленный, весёлый – грустный, подвижный – медлительный*. См. таблицу 2:

Таблица 2

<i>солнечность</i>	<i>лунность</i>
светлый 2.4	(тёмный) 3.2
(горячий) 2.8	(холодный) 3.4
(быстрый) 2.8	медленный 3.6
(весёлый) 2.6	(грустный) 3.3
(подвижный) 2.8	медлительный 3.5

Несмотря на то что подавляющее число **признаков** попадает в *нейтральную* зону (они заключены в скобки), явное **противопоставление** их по всем выбранным **шкалам** и поддержка ФСА *понятийного* аспекта очевидны.

В представленном фрагменте проанализированы авторские неологизмы, имеющие один антоним. Но, как известно, лексико-семантическая структура русского языка включает в себя и более сложные *антонимические отношения*. Подобные отношения передают **опозиты**, которым **противопоставлены два и более слов**, образующие целые *синонимические ряды*. Такое противопоставление существует не только на уровнях КПА и ЛПА, но и в большинстве случаев по линии ФСА. См.:

С ухмылкой на лице, полуоткрывши рот,

Дыханье затаив, аляповатым строкам

Внимали жители Запустья и пророком

Считали стиходелку. О, кроты!
(«Винтик», 1909) [6].

В данном четверостишии неологизм **стиходелка** носит *презрительный* характер и трактуется в Словаре как «тот, кто делает стихи, **бездарный** поэт». В нижеприведённой цитате неологизм **музник** употреблён в противоположном значении – «**любимец муз, поэт**»:

*Когда берёт художник в долг
У человека развитого,
Тот выполняет лишь свой долг,
Художнику давая в долг,
Оберегая, чтобы толк
Не тронул музника святого,
Берущего в несчастье в долг
У человека развитого...
(«Триолеты, 12», 1923) [4].*

В том же 1923 году были написаны и «Триолеты, 13», в которых вводится обращение **музарь**, также характеризующееся как «**любимец муз, поэт**» [10]:

*Остерегайся, музарь, брать
Поддержку для себя от хама... [4]*

В «Стихах о Нужде и Достатке», созданных также в 1923 году, обращает на себя внимание неологизм *поэтиша*, определяемый в Словаре как *синоним* к перечисленным новообразованиям (с пометой «разг.»), и семантизируется как «*девушка / женщина-поэт*»:

*Мой юный дух стал к лету ветше
От нескончаемой нужды,
От расточаемой вражды
Людской вокруг, и я поэтише*

Своей сказал: «Что ж, якоря поднимем мы, да за моря!» [4].

Неологизму **стиходелка** противопоставлены три антонима – **поэтиша**, **музник**, **музарь**, образующие лексико-семантическое поле. См.:



Для того чтобы выяснить, существует ли в данных словах **поддержка** фоносемантикой *логико-понятийного* и *коннотативно-признакового* аспектов, сопоставим *градуальные оценки* рассматриваемых слов по соответствующим **шкалам градаций**: *хороший, сильный, красивый, величественный*. Слова по этим и другим шкалам оцениваются по 5-балльной системе: от 1 до 5; цифры в диапазоне от 2.5 до 3.5 попадают в *нейтральную* зону. В данном случае компьютерная программа (интернет-ресурс Psi-technology [11]) в графе «**выраженность признака**» даёт **качественную характеристику «не выражен»**. Однако сопоставление *градуальных оценок* антонимов по любой из шкал внутри *ней-*

тральной зоны также позволяет обнаружить **соответствие или противоречие признаков (хотя и не столь явное)**.

Все оценки по выбранным шкалам для слова *стихodelка* попадают в *нейтральную* зону, т. е. фоносемантика его **не выражена**. У слова *поэтиша* все **качественные признаки-характеристики** чётко **выявлены**: *хороший* (2.2), *сильный* (2.4), *красивый* (2.2), *величественный* (2.3). При соединении рассматриваемых слов в *антонимичную пару* обнаруживается **противопоставление по всем трём аспектам** значения. В новообразованиях-синонимах *музник*, *музaрь* *градуальные* оценки по выбранным **шкалам** попадают в *нейтральную* зону и практически совпадают. Ср. (таблица 3):

Таблица 3

<i>музник</i>	<i>музaрь</i>
<i>хороший</i> 2.7	<i>хороший</i> 2.7
<i>сильный</i> 2.9	<i>сильный</i> 2.8
<i>красивый</i> 3.0	<i>красивый</i> 3.2
<i>величественный</i> 3.2	<i>величественный</i> 3.1
<i>величественный</i> 3.2	<i>величественный</i> 3.1

Совпадение оценок звуковой содержательности представленных синони-

мов является весьма интересным фактом для семантической интерпретации поэтического текста Игоря Северянина.

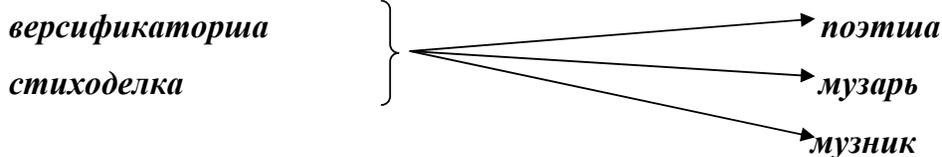
В лексико-семантическом поле *стихodelка* выявлен ещё один синоним: *версификаториша* – «сочинительница бездарных стихов». Оба слова имеют в Словаре помету «презрит.», и понятийный аспект представленных слов описывается одинаково. Например:

*Могло бы это продолжаться
До бесконечности, но раз
Пришлось заночевать остаться
Версификаторише у нас.*

(«Невесомая. Рассказ в стихах И.С.», 1924) [5].

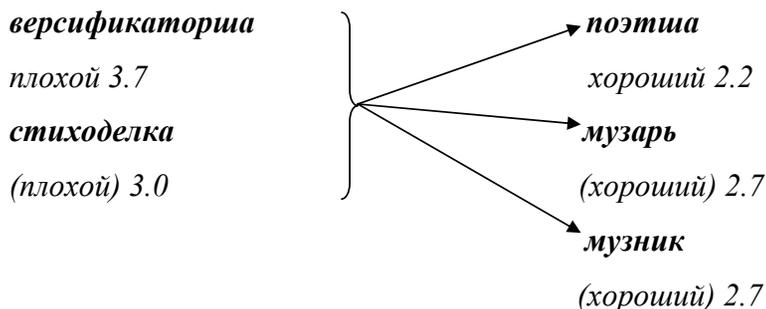
Все оценки ФСА для этого слова попадают в **значимую зону** (только по шкале признаков *красивый* – *отталкивающий* – фоносемантическое противопоставление не выявляется – оценка 3.1), ср.: *плохой* 3.7, *слабый* 3.7, *низменный* 3.7.

При расширении лексико-семантического поля *стихodelка* путём включения новообразования-синонима *версификаториша* его структура выглядит следующим образом:



В данном микрополе (слева – две языковые единицы: синонимы *версификаториша* и *стихodelка*; справа – три синонима: *поэтиша*, *музaрь*, *музник*) представлены *синонимические ряды* слов, являющихся одновременно *антонимами* к словам из противоположного ряда. Такая структура

была выявлена нами в ходе анализа *понятийного аспекта*. Однако отметим, что нас интересует и то, **как выстраиваются взаимоотношения** всех аспектов (ЛПА и КПА – ФСА) данных неологизмов. Рассмотрим эти взаимоотношения на примере *шкалы* *хороший* – *плохой*. См.:



В каждой паре фоносемантического фрагмента лексико-семантического поля наблюдаются те же гармоничные *отношения* между **звучанием** и **значением**, которые просматриваются по всей цепочке связей, но **разной степени фоносемантической выраженности**.

В паре *версификаторша* – *поэтиша* оценки каждого из антонимов попадают в **значимые зоны, отклонения оценок от нейтрального** деления шкалы (как для одного, так и для другого ореола) происходят разнонаправленно: для слова *версификаторша* оценки отклоняются в «**плохую**», **отрицательную**, зону, а для антонима *поэтиша* – в «**хорошую**», **положительную**, зону. Заметим, что **признаки «нечто хорошее»** и «**нечто плохое**» для этой пары оппозитивов **являются** не только **коннотативными**, но и отражают существенные **гранд-признаки** (по С.М. Колесниковой) **логики-понятийного** ядра анализируемых слов.

Данные результаты демонстрируют **соответствие всех аспектов семантики** для каждого из рассмотренных выше слов и **поддержку понятийной оппозитивности оппозитивностью фоносемантической**, а также **противопоставленность** неологизмов не только по **значению**, но и по **звучанию**.

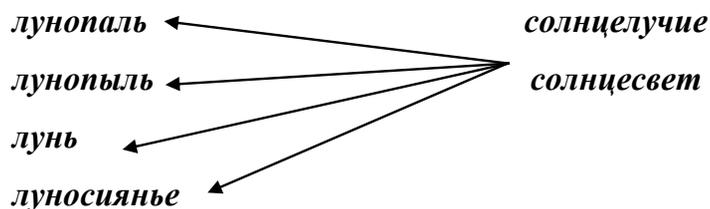
Однако далеко **не всегда** при объединении слов в *антонимичные* пары можно наблюдать очевидную **противопоставленность признаков** по результатам оценок. В ряде случаев подобная **противопоставленность** выражена не так **явно**. Например: в парах *стиходелка* – *музник*, *стиходелка* – *музари* оценки по шкале «**хороший–плохой**» попадают в *нейтральные* зоны; выражение **качества признаков** проявляется **только при соединении их в пары**. «Разнесённость» оценок существует и внутри *нейтральной* зоны, в данном случае поддерживая **понятийную противопоставленность**.

Даже «ограниченный» анализ языковых единиц из художественно-поэтических текстов Игоря Северянина позволяет говорить о **наличии** в авторских неологизмах *фоносемантической мотивированности*, и не только в *антонимических* парах, но и в выстроенной авторской лексической системе (*антонимический* и *синонимический* уровни) с различными *семантическими отношениями*.

В ходе комплексного описания структуры **оппозитивных связей** в авторских новообразованиях художественно-поэтического пространства Игоря Северянина обнаруживается возможность построения и других

лексико-семантических полей. Рассмотрим выстроенное нами лексико-семантическое поле авторского не-

ологизма *лунопаль* – «блики лунного света»; букв.: «опавшая лепестками луна» [10]:



В данном лексико-семантическом поле *отношения* между *логико-понятийным, коннотативно-признаковым и фоносемантическим аспектами* слов-антонимов проявляются **по-разному: от полного их соответствия до противоречия** между ними.

Таким образом, **общая звукодер- жательная** картина исследуемого материала не противоречит принятым

представлениям о структуре *фоносемантических отношений*: в абсолютном большинстве оппозитивных пар **фоносемантика явно и чётко вступает в соответствие с понятийным аспектом**, поддерживает его; при создании неологизмов поэтическое «чутьё» Игоря Северянина, его языковая личность отражают коллективное бессознательное носителей языка.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бурская Е.А. О латентной содержательности звуковой формы слова // Время учиться в России: Материалы межвузовской научно-практической конференции. М.: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2009. С. 33-36.
2. Бурская Е.А. Фоносемантический аспект антонимии: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 1990. 205 с.
3. Журавлёв А.П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 152 с.
4. Игорь Северянин. Классические розы. Том 4. [Электронный ресурс] // Библиотека Траума: [сайт]. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/page/severyanin-ss05-04.html> (дата обращения: 07.07.2016).
5. Игорь Северянин. Невесомая [Электронный ресурс] // Вся Поэзия.ру: [сайт]. URL: <http://www.allpoetry.ru/?s=17003> (дата обращения: 07.07.2016)
6. Игорь Северянин. Винтик. 1909 [Электронный ресурс] // Игорь-Северянин: [сайт]. URL: <http://web.zone.ee/severjanin/text/Vintik/vintik.htm> (дата обращения: 07.07.2016)
7. Игорь Северянин. Менестрель. 4. [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова: [сайт]. URL: <http://www.lib.ru/POEZIQ/SEWERYANIN/menestrel.txt> (дата обращения: 07.07.2016)
8. Колесникова С.М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке. М.: Прометей, 2012.
9. Колесникова С.М. Градуальная лексика в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2006. № 2. С. 63-64.
10. Никульцева В.В. Словарь неологизмов Игоря Северянина. М.: «Азбуковник», 2008. 380 с.
11. <https://psi-technology.net/> [сайт].

REFERENCES:

1. Burskaya E.A. O latentnoi sodержatel'nosti zvukovoi formy slova [On the latent content of a sound form of words] *Vremya učit'sya v Rossii: Materialy mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. [Time to study in Russia: materials of the interuniversity scientific-practical conference]. M., REU im. G.V.Plekhanova, 2009. pp. 33–36.
2. Burskaya E.A. Fonosemanticheskii aspekt antonimii: diss. kand. filol. nauk: 10.02.01 [Phonosematic aspect of antonymy: thesis of candidate of Philological sciences: 10.02.01]. M., 1990. 205 p.
3. Zhuravlev A.P. Foneticheskoe znachenie [The phonetic meaning]. L., Izd-vo LGU, 1974. 152 p.
4. Igor' Severyanin. Klassicheskie rozy. Tom 4. [Elektronnyi resurs] [Igor Severyanin. Classic roses. Volume 4. [E-source]] Biblioteka Trauma: [sait]. [Traum library: [website]]. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/page/severyanin-ss05-04.html> (request date 07.07.2016)
5. Igor' Severyanin. Nevesomaya [Elektronnyi resurs] [Igor Severyanin. Weightless [E-source]] // Vsyaz Poeziya.ru [sait]. [All Poetry [website]]. URL: <http://www.allpoetry.ru/?s=17003> (request date 07.07.2016)
6. Igor' Severyanin. Vintik. 1909 [Elektronnyi resurs] [Igor Severyanin. Cog. 1909 [E-source]] // Igor' Severyanin [sait]. [Igor Severyanin [website]]. URL: <http://web.zone.ee/severyanin/text/Vintik/vintik.htm> (request date 07.07.2016)
7. Igor' Severyanin. Menestrel'. 4. [Elektronnyi resurs] [Igor Severyanin. Minstrel. 4. [E-source]] Biblioteka Maksima Moshkova: [sait]. [Maxim Moshkov's library [website]]. URL: <http://www.lib.ru/POEZIQ/SEWERYANIN/menestrel.txt> (request date 07.07.2016)
8. Kolesnikova S.M. Gradual'nost': sistemnye svyazi i otnosheniya v russkom yazyke [Gradual: system of relations in the Russian language]. M., Prometei, 2012.
9. Kolesnikova S.M. Gradual'naya leksika v sovremennom russkom yazyke [Gradual vocabulary in the modern Russian language] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. no. 2. M.: Izd-vo MGOU, 2006. pp. 63–64.
10. Nikul'tseva V.V. Slovar' neologizmov Igorya Severyanina [Dictionary of neologisms of Igor Severyanin]. M., «Azbukovnik», 2008. 380 p.
11. <https://Psi-technology.net> [website]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурская Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры речи Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
e-mail: burlena12@yahoo.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Burskaya – candidate of Philological Sciences, associate professor at the departments of Russian language of G. Plekhanov Russian University of Economics;
e-mail: burlena12@yahoo.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Бурская Е.А. Фоносемантические оппозиции в творчестве поэтов Серебряного века (на материале поэтических текстов Игоря Северянина) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 18-26.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-18-26

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Burskaya. Phono-semantic oppositions in the poetry of the silver age (basing on I. Severyanin's works) // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 18-26.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-18-26

УДК 81

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-27-31

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ЦИКЛЕ «ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ» С.А. ЕСЕНИНА

Гунтарева Е.Е.

Смоленский государственный университет

214000, г. Смоленск, ул. Пржевальского, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. В настоящей статье рассмотрен фрагмент системы имён собственных в лирике одного из самых известных русских поэтов XX века – С.А. Есенина. На примере цикла «Персидские мотивы» показана роль онимов-ориентализмов, использованных автором для воспроизведения яркого колорита Востока, занимавшего важное место в последние годы его жизни. Рассмотрены антропонимы – имена лирических героев и топонимы – названия географических объектов.

Ключевые слова: С.А. Есенин, поэтический текст, имя собственное, ориентализм, функции антропонимов, функции топонимов, поэтический текст.

PROPER NAMES IN THE CYCLE OF «PERSIAN MOTIFS» BY S. YESENIN

E. Guntareva

Smolensk State University

4, Przhevalsky st., Smolensk, Russian Federation, 214000

Abstract. The article describes a fragment of the system of proper names in the poems of one of the most famous Russian poets of the 20th century – S. Yesenin. The cycle “Persian motifs” shows the role of oriental onyms used by the writer to reproduce the brightness of the East that occupied an important place in the last years of the poet’s life. The paper dwells on such anthroponyms as names of lyrical characters, place names and geographical names.

Keywords: S. Yesenin, poetic text, proper name, oriental onyms, functions anthroponyms, place names, poetic text.

Интерес к Востоку в русской культуре и, в частности, в литературе характерен для русского менталитета, для русского сознания оказалось свойственным ещё с XII века стремление сродниться с Востоком, понять его. В литературном процессе России постоянно появляются произведения, ориентирующие читателя на описание и восприятие так называемых «восточных мотивов», близких и волнующих. Таким образом, ориентализм в литературе – определённая тенденция, опирающаяся по ряду признаков на экзотические относительно самой этой традиции особенности, свойственные восточному мировоззрению в тех или иных его формах.

Современные исследователи определяют ориентализм как одну из основных мифологем европейского (и, естественно, русского) сознания, географически,

исторически и этнографически сочетающей многие культурные традиции в своём общем, едином развитии, что выражается в тех или иных их проявлениях: от лингвистики, этнографии, религии – до архитектуры [1, с. 12].

Русский ориентализм как художественная система сложился примерно к 20-м годам XIX века и наиболее ярко проявился в лирической поэзии и романтической поэме. Характерными чертами ориентализма явились яркие приметы восточного стиля: наличие восточного образа, красочные картины восточного быта, нравов, природы и т. д. Восточный ориентализм стал составной частью идейных и эстетических поисков таких поэтов, как В.К. Кюхельбекер, Ф.Н. Глинка, В.А. Жуковский, В.Ф. Одоевский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов [2; 3].

В художественной литературе традицию ориентализма продолжил и С.А. Есенин. В творчестве поэта выделяется цикл стихотворений «Персидские мотивы», который был написан в 1924-1925 гг. во время пребывания на Кавказе. Сергей Есенин в то время хотел отправиться в Персию или Турцию, но по ряду причин поездка не состоялась. Однако обострённая тяга поэта к восточным странам проявилась в работе над циклом «Персидскими мотивами», в который вошли 20 стихотворений.

Целью данной статьи является выделение имён собственных в цикле «Персидские мотивы» и выяснение роли ориентализмов в содержательной и образной структуре текста С.А. Есенина.

Методом сплошной выборки стихов цикла «Персидские мотивы» С.А. Есенина составлена картотека онимов (57 словоупотреблений).

Онимы, используемые Есениным, мы разделим на следующие группы:

1. Антропонимы, обозначающие реальных людей, представленных в женских образах: Шаганэ, Лала, Гелия.

Ключевой оним **Шаганэ** имеет 11 словоупотреблений.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому что я с севера, что ли,

Я готов рассказать тебе поле,

Про волнистую рожь при луне.

«Шаганэ ты моя, Шаганэ!...», 1924 [8, с. 224].

Я б порезал розы эти,

Ведь одна отрада мне –

Чтобы не было на свете

Лучше милой Шаганэ.

«Ты сказала, что Саади...», 1924 [8, с. 225].

Можно предположить, что имя Шаганэ появилось в творчестве Есенина в результате реального факта из его биографии. В зимние месяцы 1924/25 гг., когда Есенин жил в Батуме, он познакомился там с молодой женщиной, тогда учительницей — Шаганэ Нерсесовной Тальян. Они несколько раз встречались, Есенин подарил ей свой сборник с дарственной надписью. Но с отъездом поэта из Батума знакомство оборвалось, и в последующие месяцы он никаких усилий к его возобновлению не прилагал, однако любимое имя Шаганэ вновь возникло в стихах, написанных в марте, а потом в августе 1925 г.

Обратим внимание на антропоним Лала (5 словоупотреблений).

Так спросил я, дорогая Лала,

У молчащих ночью кипарисов,

Но их рать ни слова не сказала,

К небу гордо головы завывсив.

«Отчего луна так светит тускло...», 1925 [8, с. 236].

*Месяца жёлтые чары
Льют по каштанам в пролесь.*

Лале склонясь на шальвары,

Я под чадрую укроюсь.

Глупое сердце, не бейся.

«Глупое сердце, не бейся...», 1925 [8, с. 237].

Прототип этого образа не определён, хотя он явно существовал [6]. Лала значит «тюльпан», кроме того, Есенин мог просто придумать имя, произведя его от старинного «лал» (драгоценный камень, яхонт).

Имя Гелия, производное от мужского Гелий – «солнечный» [5, с. 153], (3 словоупотребления) – появилось в стихах потому, что так называла себя по имени какой-то актрисы шестилетняя дочь П.И. Чагина Роза, с которой Есенин любил играть.

Дорогая Гелия, прости.

Много роз бывает на пути,

Много роз склоняется и гнётся,

Но одна лишь сердцем улыбнётся.

«Голубая да весёлая страна...», 1925 [8, с. 239].

На творчество Есенина, как и любого поэта, сильно влияли его литературные вкусы и пристрастия. Он предпочитал произведения восточных классиков – таких, как Саади, Омар Хайям, Фирдоуси, поэтому не случайно их имена встречаются в стихотворениях цикла «Персидские мотивы».

Оним Хайям употребляется 2 раза.

Спой мне песню, моя дорогая,

Ту, которую пел Хаям.

«Свет вечерний шафранного края...», 1924 [8, с. 228–229].

Фирдуси также встречается в цикле 2 раза.

Голубая родина Фирдуси,

Ты не можешь, памятью простыв,

Позабить о ласковом урусе.

«Голубая родина Фирдуси...», 1925 [8, с. 239].

Оним Саади встречается 3 раза.

Вмиг отразится во взгляде

Месяца желтая прелесть,

Нежность, как песни Саади.

«Воздух прозрачный и синий...», 1925 [8, с. 230].

Так, в частности, один из знакомых Есенина по Тифлису вспоминал: «...подвернулся мне томик — „Персидские лирики X–XV веков“ в переводе академика Корша. Я взял его домой почитать. А потом он оказался в руках Есенина, который уже не хотел расставаться с ним. Что-то глубоко очаровало поэта в этих стихах. Он ходил по комнате и декламировал Омара Хайяма» [3, с. 221].

2. Топонимы, обозначающие реальные географические названия.

Среди топонимов цикла «Персидские мотивы» можно отметить следующие: Шираз (7 словоупотреблений), Хороссан (4 словоупотребления), Персия (3 словоупотребления).

Шираз – город на юге Ирана, родина Саади и Хафиза. 8 апреля 1925 г. Есенин писал Г.А. Бениславской: «Я хочу проехать даже в Шираз и, думаю, проеду обязательно. Там ведь родились все лучшие персидские лирики. И недаром мусульмане говорят: если он не поёт, значит, он не из Шушу, если он не пишет, значит, он не из Шираза» [3, с. 233]. Эту поговорку Есенин использовал в стихотворении «Руки милой — пара лебедей...».

У всего своя походка есть:

Что приятно уху, что – для глаза.

Если перс слагает плохо песнь,

Значит, он вовек не из Шираза.

«Руки милой – пара лебедей...», 1925 [8, с. 235].

Хороссан (Хоросан) – провинция на северо-востоке Персии (Ирана).

В Хороссане есть такие двери,

Где обсыпан розами порог.

Там живёт задумчивая пери.

«В Хороссане есть такие двери...», 1925 [8, с. 232].

Есенин, интересуясь и восхищаясь Востоком, немало почерпнул сведений о нём из рассказов о Персии тех своих бакинских и тифлиских приятелей и знакомых, которые бывали там. В частности, с 1923 г. работал в Персии В.И. Болдовкин. В своих воспоминаниях он рассказывал: «Сергей с жадностью интересовался памятниками старины. Знаменитая Девичья башня, старый дворец очень интересовали Сергея. Осматривая памятники старины, Сергей задавал мне множество вопросов о Персии. Я почувствовал,

что Персия не даёт ему покоя, тянет к себе».

Итак, рассмотрев систему антропонимов и топонимов в цикле стихотворений Есенина «Персидские мотивы», мы можем сделать выводы о роли ориентализмов – имён собственных в этом особом поэтическом тексте; экзотические именованья помогают поэту:

1) в создании женских образов;

2) в отражении собственных литературных вкусов и пристрастий, позволяющих поэту воспеть восточную культуру;

3) показать Восток через реальные места, где жили лирические герои Сергея Есенина;

4) представить читателю неординарную личность великого русского мастера слова.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абдалкарем Н.Д. К истории ориентального влияния на язык русской художественной литературы Пушкинской эпохи: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Воронеж, 2015. 161 с.
2. Галиуллин К.Р. Ориентализмы в произведениях русских писателей XIX века // А.С. Пушкин и взаимодействие национальных литератур и языков: тез. межд. науч. конф., посвящ. 200-летию со дня рожд. А.С. Пушкина. Казань: УНИПРЕСС, 1998. С. 105-107.
3. С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 1. / Вступ. ст., ред. и комм. А.А. Козловский. М.: Художественная литература, 1986. 529 с.
4. Классическое востоковедение и классический ориентализм / под ред. С.И. Лунева. М.: Аспект Пресс, 2003. 128 с.
5. Суперанская А.В. Словарь русских личных имён. М.: Изд-во «ЭКСМО», 2006. 544 с.
6. Солнцева Н.М. Сергей Есенин. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. (Серия «Перечитывая классику»). М.: МГУ, 2000. 80 с.
7. Тропа к Есенину // Молодёжный курьер. Рязань, 26 декабря 1991.
8. Есенин С.А. Собрание сочинений. В 3-х тт. Т. 1. / Под ред. Е.А. Есениной, А.А. Есениной, С.А. Васильева и др.; сост. и примеч. А.А. Козловского, Ю.Л. Прокушева. М., 1970. 383 с.

REFERENCES:

1. Abdalkarem N.D. K istorii oriental'nogo vliyaniya na yazyk russkoi khudozhestvennoi literatury Pushkinskoi epokhi: dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01 [The history of the Oriental influence on the language of Russian literature of the Pushkin epoch: thesis of candidate of Philological sciences]. Voronezh, 2015. 161 p.

2. Galiullin K.R. Orientalizmy v proizvedeniyakh russkikh pisatelei XIX veka [The orientalisms in the works of Russian writers of the 19th century] A.S. Pushkin i vzaimodeistvie natsional'nykh literatur i yazykov: tez. mezhd. nauch. konf., posvyashch. 200-letiyu so dnya rozhd. A.S. Pushkina [A. Pushkin and interaction of national literatures and languages: A. Pushkin 200th anniversary proc. int. scientific. internat. conf.]. Kazan, UNIPRESS, 1998. pp. 105-107
3. Yesenin v vospominaniyakh sovremennikov: v 2-kh t. T. 1. / Vstup. st., red. i komm. A.A. Kozlovskogo [Yesenin in the memoirs of contemporaries: in 2 vols. Vol. 1. / Introd. art., ed. and notes by A. Kozlovsky]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1986. 529 p.
4. Klassicheskoe vostokovedenie i klassicheskii orientalizm [Classical Oriental studies and classical Orientalism]. M., Aspekt Press, 2003. 128 p.
5. Superanskaya A.V. Slovar' russkikh lichnykh imen [Dictionary of Russian personal names]. M., Izd-vo «EKSMO», 2006. 544 p.
6. Solntseva N.M. Sergey Yesenin. V pomoshch' prepodavatelyam, starsheklassnikam i abiturientam (Seriya "Perechityvaya klassiku") [Sergey Yesenin. To help teachers, pupils and students. (Series "Rereading the classics")]. M., MGU, 2000. 80 p.
7. Тропа к Yeseninu [Way to Yesenin] // Molodezhnyi kur'er [Youth courier], 1991, 26 Dec.
8. Yesenin S.A. Sobranie sochinenii. V 3-kh tt. T. 1. // [Works. In 3 vols. Vol. 1.] / Under the editorship of E.A. Yesenina, A.A. Yesenina, S.A. Vasiliev, and others; comp. and notes by A.A. Kozlovsky, Yu.L. Prokushev. M., Pravda, 1970. 383 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гунтарева Елена Евгеньевна – аспирант кафедры русского языка и методики его преподавания Смоленского государственного университета;
e-mail: iguntarieva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Guntareva – the post-graduate student, chair of Russian language and its methodology, Smolensk State University;
e-mail: iguntarieva@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Гунтарева Е.Е. Имена собственные в цикле «Персидские мотивы» С.А. Есенина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 27-31.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-27-31

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Guntareva. Proper names in the cycle of «Persian motifs» by S. Yesenin // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 27-31.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-27-31

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-32-41

К ВОПРОСУ ОБ ЭНАНТИОМОРФИЗМЕ КАК СУЩНОСТНОМ КАЧЕСТВЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОППОЗИЦИЙ

Кириллина Н.В.*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Данная статья посвящена актуальной в современном языкознании теме, касающейся исследования зоны пересечения оппозиционно представленных концептов *добро – зло*, которые являются доминантами русской культуры. На материале лирики А.А. Ахматовой раскрывается содержание данной диффузной зоны, делаются попытки систематизации её свойств и характеристик. Зона пересечения рассматривается как некое единое целое, которое вербально актуализируется, прежде всего, в художественной среде, синтезируя культурно-исторические, философские, религиозные слои концепта.

Ключевые слова: оппозиция, концепт, добро, зло, энантиоморфизм, лирика А.А. Ахматовой.

ON THE QUESTION ABOUT ENANTIOMORPHISM AS ESSENTIAL QUALITY OF CONCEPTUAL OPPOSITIONS

N. Kirillina*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. This paper is devoted to the actual in modern linguistics topic related to the study of intersections area of oppositional presentation of the concepts “good and evil”, which are the dominants of the Russian culture. On the material of A. Akhmatova’s poems, the author reveals the contents of this diffuse zone, attempts to systematize its features and characteristics. The area of intersection is considered as a single entity, which is verbally actualized primarily in the artistic environment, synthesizing the cultural-historical, philosophical, and religious layers of the concept.

Keywords: opposition, concept, good, evil, enantiomorphism, works of A. Akhmatova.

Характерной чертой современной лингвистики является соединение в одном фокусе научных, философских, религиозных представлений о мире и человеке. Для того чтобы понять смыслы языка культуры, исследователи выявляют константы, состоящие из концептов. Исследование концепта как содержательной единицы картины мира, анализ взаимодействия лингвально-ментальных образований (см. Прохорова Ю.Е., Степанов Ю.С., Стернин И.А. и др.) – путь к её пониманию.

«Все основополагающие концепты в современном языкознании, – как справедливо отмечает Н.В. Фоминых, – должны быть описаны бинарно: жизнь – смерть, любовь – ненависть, добро – зло и т.п.» [16, с. 178]. Вслед за современными философами считаем целесообразным рассматривать их как диалектическое единство: первое непременно предполагает второе, а второе выявляется только на фоне первого.

Для раскрытия и понимания таких доминант русской культуры, как *добро – зло, жизнь – смерть, правда – ложь, любовь – ненависть*, с нашей точки зрения, особый интерес представляет так называемая *зона пересечения* оппозиционно представленных концептов. *Зона пересечения* – это обширная диффузная зона, в которой энантиоморфные разделения единого и слияния противоположного – основа миропонимания. В современном языкознании данное явление изучено мало, хотя является не только перспективной темой исследований, но и ключом для глубинного постижения как языка, так и самой русской ментальности.

Зона пересечения, с нашей точки зрения, является не границей между концептами, находящимися в оппозиции по отношению друг к другу, а неким *энантиоморфным* образованием, сближающим и одновременно различающим полюса оппозиции. «*Энантиоморфизм* (от греч. – *enantios* противоположный и *morphe* – форма) – свойство некоторых кристаллов существовать в модификациях, являющихся зеркальными отражениями друг друга (правая и левая модификации). Энантиоморфизм возможен в кристаллах, не имеющих центра сим-

метрии, плоскостей и зеркальных осей симметрии. Пример – кварц» [13].

Термин *энантиоморфизм* в отечественное языкознание ввёл Ю.М. Лотман: «Наиболее простым и одновременно распространенным случаем соединения структурного тождества и различия является энантиоморфизм, зеркальная симметрия, при которой обе части зеркально равны, но неравны при наложении, то есть относятся друг к другу как правое и левое. Такое отношение создаёт то соотносимое различие, которое отличается и от тождества, делающего диалог бесполезным, и от несоотносимого различия, делающего его невозможным. Если диалогические коммуникации – основа смыслообразования, то энантиоморфные разделения единого и сближения различного – основа структурного соотношения частей в смыслопорождающем устройстве» [7].

Что же представляет собой, с точки зрения лингвистики, данное образование? Какими содержательными компонентами, свойствами, характеристиками обладает?

Как мы уже говорили, явление это изучено мало: *зоны пересечения* оппозиционно представленных концептов описаны в диссертациях Н.Ю. Моспановой, Н.В. Кириллиной, Е.Ю. Пономарева и др.

Обобщая данные этих исследований, анализируя языковой материал поэтических текстов, а также данных лексикографических источников, попытаемся сформулировать основные *пресуппозиции* для дальнейшего изучения данного феномена и проиллюстрируем их на примере оппозиции *добро – зло* в художественном пространстве А.А. Ахматовой: «идиостиль конкрет-

ного автора является неотъемлемой частью языкового портрета нации. Поэзия – это своего рода доступно изложенная философия; поэтов не просто слушают, им внимают» [11, с. 5].

Глобальные лингвокультурные доминанты также выбраны нами не случайно, «ибо чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его... Поэтому язык ничего не придумывает, а лишь выражает глубинные смыслы бытия» [4, с. 17]. При этом важно, что «поэтическое мышление отражает сложный комплекс аксиологических ориентиров социума в тот или иной период его развития и находится в неразрывной связи с языком, так как изменения мировоззрения отражаются в том числе и на специфике отбора и употребления изобразительно-выразительных средств» [15, с. 44].

– **В центре исследуемой зоны находится человек:** его социальные отношения, моральные, этические, философские и другие феномены. «Разгадать тайну о человеке и значит разгадать тайну бытия», – писал Н. Бердяев. – «Познай самого себя и через это познаешь мир» [3, с. 86]. Сам человек дуален по своей природе, и познание мира человеком, отражение в его восприятии окружающего также двойственны. «Человек – точка пересечения двух миров. Об этом свидетельствует двойственность человеческого самосознания, проходящая через всю его историю. Человек сознаёт себя принадлежащим к двум мирам, природа его двоится, и в сознании его побеждает то одна природа, то другая. И человек с равной силой обосновывает самые противоположные самосознания, одинаково оправдывает их фактами

своей природы. Человек сознаёт своё величие и мощь и своё ничтожество и слабость, свою царственную свободу и свою рабскую зависимость, сознаёт себя образом и подобием Божиим и каплей в море природной необходимости» [3, с. 86-87]. Двойственность заложена в самой природе человека и отражена в той картине мира, которую он вербально объективирует. «Странное существо – двоящееся и двусмысленное, имеющее облик царственный и облик рабий, существо свободное и закованное, сильное и слабое, соединившее в одном бытии величие с ничтожеством, вечное с тленным» [3, с. 87].

– **Контекстуальные синонимия и антонимия являются признаками амбивалентности отношений оппозиционных образований,** поэтому **контекстуальные синонимы** относятся к репрезентантам одного из полюсов оппозиции. Например, в синонимические отношения со словами *добро*, *благо* и их производными в художественном тексте А.А. Ахматовой вступают такие слова, как *песня*: *Долгую песню, льстивая, / О славе поёт судьба* («Дал ты мне молодость трудную...»), *молитва*: *А юность была – как молитва воскресная... / Мне ли забыть её* («Вместо мудрости – опытность...»), *любовь*: *Я на солнечном восходе / Про любовь пою, / На коленях в огороде / Лебеду пою* («Песенка») и др. [6].

Контекстуальными синонимами можно считать лексемы *счастье*, *веселье* в качестве аналога понятия *добра* в значении 'состояние': *И снова чёрный масляничный вечер, / Зловещий парк, спокойный бег коня / И полный счастья и веселья ветер, / С небесных круч слетевший на меня* («Одни глядятся в ласковые взоры...»).

Слово *счастье* и в значении 'удача', 'везение', актуализируя сему 'польза', сближается со словом *добро* в материальной ипостаси концепта: *И часто случалось, что хозяйка / Хутора нового мне кивала, / Кликала издали: «Что не заходишь? / Все говорят – ты приносишь счастье». / Я отвечала: «Приносят счастье / Только подковы да новый месяц...»* («У самого моря»).

Представляется весьма интересным и значительным «переход» столь значимого для поэта понятия *счастья* из концептуального поля *добра* в поле *зла*. Ведь концепты, существующие в языке как полярные оппозиции, обладают своей спецификой: взаимообусловленностью, взаимозависимостью и, как видно из контекстов, взаимопереходом друг в друга [9].

– **Наличие контекстуальных антонимов.** Например, внутри общей оппозиции *добро – зло* в художественном пространстве стихов А.А. Ахматовой возникают частные, обусловленные контекстом и особенностями идиостиля поэта противопоставления: *зло – любовь; злость – жалость; гневный – тихий; весёлый – злой, гневливый; злость – приветливость, благосклонность: Тот день всегда необычаен. / Скрывая скуку, горечь, злость, / Поэт – приветливый хозяин, / Читатель – благосклонный гость* («Из заветной тетради. Выход книги»).

Противоположными *злу, злости, злобе* являются оппозицы с так называемой пассивной валентностью: *спокойствие, робость, кротость, терпение* и др.: *Будешь жить, не зная лиха, / Править и судить, / Со своей подругой тихой / Сыновей растить* («Будешь жить, не зная лиха...»); *Верно, мало для счастья надо / Тем, кто нежен и лю-*

бит светло, / Что ни ревность, гнев, ни досада, / Молодое не тронут чело. / Тихий, тихий, и ласки не просит, / Только долго глядит на меня. / И с улыбкой блаженной выносит / Страшный бред моего забытья («Целый год ты со мной неразлучен...»).

– **Наличие лиминальных образований,** совмещающих в себе признаки обоих полюсов оппозиции (чаще всего именуемых в научной литературе концептами-оппозитами), а именно: энантиосемичные лексемы, фраземы и т. д., пограничные семантические пространства: так *добро* вступает в оппозицию, например, с понятиями *жизнь, судьба, счастье* и т. д., которые, являясь одновременно репрезентантами концепта *добро*, выступают порой на стороне *зла*: *Загорелись иглы венчика / Вкруг безоблачного лба. / Ах! Улыбчивого птенчика / Подарила мне судьба.* («Загорелись иглы венчика...»); и в то же время незадачливость судьбы и враждебность мира раскрывается в следующем контексте: *Я обманут моей унылой, переменчивой, злой судьбой* («Песня последней встречи»). Или: *Радостно и ясно / Завтра будет утро, / Эта жизнь прекрасна, / Сердце, будь же мудро* («Дверь полуоткрыта...»). А в другом стихотворении: *Я пью за разорённый дом, / За злую жизнь мою, / За одиночество вдвоём / И за тебя я пью* («Тост»).

Счастье может стать репрезентантом *зла*, актуализируя его имплицитные свойства, например являясь причиной негативных последствий. В таких случаях сфера концепта *добро* снова пересекается со сферой концепта *зло* в периферийной его части: *Всё глядеть на смуглые главы / Херсонесского храма с крыльца / И не знать,*

что от *счастья* и *славы* / **Безнадёжно дряхлеют сердца** («Вижу выцветший флаг над таможенной...»).

Ярчайшим представителем концепта *добро* в языке лирики А.А. Ахматовой является слово *веселье*. Одно из значений «то, что доставляет удовольствие, счастье» используется поэтом довольно часто: *Как белый камень в глубине колодца, / Лежит во мне одно воспоминанье. / Я не могу и не хочу бороться: / Оно – веселье и оно – страдание* («Как белый камень в глубине колодца...»). Таким образом, воспоминание, приносящее «счастье», является также источником «страдания», употребление данных лексем в одном контексте создаёт «зону пересечения» концептов *добро* – *зло*.

– Исключительную важность, по нашему мнению, имеет наличие **эмерджентных структур**. Эмерджентные свойства – **свойства целостности системы**, т.е. не присущие составляющим её элементам, рассматриваемым отдельно, вне системы [16]. Примером эмерджентных структур в языке могут служить оксюморонные образования. Например, А.А. Ахматова не только передаёт с их помощью противоречивость самого объекта описания, но и даёт ему оценку (иногда также весьма противоречивую) с точки зрения базовых этических категорий – *добра* и *зла*: *Твоя свирель над тихим миром пела, / И голос смерти тайно вторил ей, / А я, безвольная, томилась и пьянела / От сладостной жестокости твоей...* («Твоя свирель над тихим миром пела...»).

Сложное «комбинированное» значение рождается в сочетании слов *сладостная*, то есть ‘в высшей степени приятная’ и *жестокость* – ‘безжалост-

ность, беспощадность’, что говорит оприятии всего, что связано с любимым человеком, даже если он причиняет боль и страдания. В результате подобного синтеза значений возникает дополнительный, имплицитно выраженный, «не озвученный» автором смысл, как бы второй план содержания. Те же семантические «наслоения» можно наблюдать и в следующем контексте: *Взлетевших рук излом больной, / В глазах улыбка испугленья, / Я не могла бы стать иной / Пред горьким часом наслажденья...* («Надпись на неоконченном портрете»).

Существительное *улыбка* трактуется в словаре русского языка как «движение мышц лица (губ, глаз), показывающее расположение к смеху, выражающее привет, удовольствие, насмешку и т. п.» [8, т. 4, с. 488]. В данном случае оно несколько меняет свою семантику, сочетаясь со словом *испугленья*, отражая растерянность и в то же время силу и глубину пережитого человеком потрясения.

Примечательно, что слова, входящие в оксюморонные образования, чаще всего сохраняют свои лексические значения. В результате синтеза, «сплава» этих значений происходит смысловое усложнение и обновление семантики языковых единиц: *Таинственной невстречи / Пустынны торжества, / Несказанные речи, / Безмолвные слова* («Первая песенка»).

Здесь определения *несказанные*, *безмолвные* усложняют смысловую структуру слов *речи*, *слова*: *несказанные речи* – внутренняя речь индивида, который в силу определённых причин её не озвучил; то же следует сказать о *безмолвных словах* – слова, оставленные за кадром речевого акта.

Оксюморонное образование в художественном тексте часто преобразует семантику языковых единиц, его составляющих, заставляет заново осмыслить их внутреннее содержание, например, композит *встреча-разлука* состоит из носителя позитивного начала, лексемы *встреча*, и одновременно несёт в себе трагическое содержание лексемы *разлука*, которое становится доминантным в поэтическом контексте: *Мы были с тобою в таинственной мгле, / Как будто бы шли по ничейной земле, / Но месяц алмазной фелукой / Вдруг выплыл над встречей-разлукой...* (Из цикла «Ташкентские страницы»).

Сложность и многогранность поэтического мира А.А. Ахматовой, «неоднозначность» её чувств и оценок наблюдаем в следующем контексте: *Без котомки, без ребёнка, / Даже без клюки, / Был со мной лишь голос звонкий / Ласковой тоски* («Справа Днепр, а слева клёны...»). Одно из значений лексемы *ласковый* – ‘доставляющий приятное ощущение; нежащий, ласкающий’ [8, т. 2, с. 165] не вступает в противоречие со словом *тоска* – ‘тяжёлое гнетущее чувство, душевная тревога’ [8, т. 4, с. 389], а образует новое сложное, «синтетическое» значение, выражающее одновременно смятение и спокойствие, привычное, а потому не тревожащее душевное томление.

Эмоциональная острота оксюморонных образований придаёт всему поэтическому тексту яркость, содержательная алогичность делает его легко запоминающимся. Эмоции, являясь субъективным основанием оценки, определяют синергичный характер созданного поэтом образа. Например, лексема *пытка*, столь часто встречаю-

щаяся в стихах А.А. Ахматовой (и не только в составе оксюморонных образований) является репрезентантом концепта зло, реализуя сему ‘мучение, терзание’: *Им бы этот же вылить напиток / В их невинно клеветящий рот, / Этим мылым любителям пыток, / Знатокам в производстве сирот* («Из заветной тетради. Защитники Сталина»). Наречие *невинно* и прилагательное *мылый* в качестве синтагматических партнёров намеренно используется автором с лексемой *сироты* (наиболее органично с ними сочетающееся), но определяют слова *клеветящий* и *любители пыток*, усиливая и без того отрицательную коннотацию. Усиление пейоративной функции происходит благодаря слиянию взаимоисключающих значений в рамках одного контекста.

Доля матери – светлая пытка, / Я достойна её не была. / В белый рай растворилась калитка, / Магдалина сыночка взяла («Где, высокая, твой цыганёнок...»). Слово *пытка* в сочетании с прилагательным *светлая* в значении ‘прекрасный, высокий’ [8, т. 4, с. 47] отчасти утрачивает пейоративное значение, приобретая обновлённую семантику: ‘благородная, приносящая радость и счастье, хотя и трудная при этом материнская доля’. Таким образом, являясь средством эпитетации, прилагательное *светлая* участвует в создании нового, в данном случае окказионального, смысла.

И в следующем контексте, который сам транслирует авторскую оценку (слова: *тюрьма, могила*, а также словосочетание *сумасшедший дом* усиливают отрицательную коннотацию, являясь ярчайшими репрезентантами концепта зло), лексема *пытка* претер-

певаёт изменения семантики: *И знала я, что заплачу сторицей / В тюрьме, в могиле, в сумасшедшем доме, / Везде, где просыпаться надлежит / Таким, как я, – но длилась **пытка счастьем*** («Северные элегии. О десятых годах»). Признаковый показатель *пытки* репрезентируется также формой родительного падежа имени существительного, с которым существительное *пытка* находится в подчинительной связи. Сочетание слова *пытка* с существительным *счастье*, отражая внутренние переживания лирической героини, связанные с осознанием «греховности» того, что приносит ей ‘чувство глубокого довольства и радости’ [8, т. 4, с. 320], создаёт необходимую завершённость негативного образа.

Несоответствие внутренних нравственных установок автора и жизненных реалий отражается в оксюморонных сочетаниях, включающих в свой состав не только лексему *счастье*, но и такие слова, как *радость*, *веселье*, *улада*: *Как сияло там и пело / Нашей встречи чудо, / Я вернуться не хотела / Никуда оттуда / **Горькой** было мне **уладой** / **Счастье** вместо долга, / Говорила с кем не надо, / Говорила долго* («Другая песенка»).

Для человека высоконравственного счастье не становится ‘чувством глубокого довольства и радости’, если оно идёт вразрез с исполнением долга, а становится *горькой уладой*, доставляющей лишь муки совести.

Подобное тяжёлое чувство, вызванное глубоким переживанием, страданием, отражено в следующем контексте: *И поёт, поёт **постылый** / Бубенец нижегородский / Незатейливую песню / О моём **веселье горьком*** («Столько раз я проклинала...»). Ис-

пользование в контекстуальном ореоле прилагательного *постылый* с ярко выраженной экспрессивной окраской усиливает отрицательную коннотацию сочетания семантически контрастных единиц *горькое* и *веселье*.

Оксюморон в языке лирики А.А. Ахматовой иногда носит скрытый, имплицитный характер, трансформируя семантическое значение неявно – на уровне ощущений, интуиции: *Пусть он не хочет глаз моих, / Пророческих и неизменных. / Всю жизнь ловить он будет стих, / **Молитву губ моих надменных*** («О, это был прохладный день...»). Истинная молитва для христианки Ахматовой может быть связана с покаянием, смирением, но никак не с «надменностью». Данное несоответствие вскрывает глубинные противоречия в душе лирической героини, да и самой Анны Ахматовой – хоть и истинно верующей, но всё же земной женщины, порой одолеваемой страстями и внутренней борьбой. За противоречивостью объединения лексических компонентов стоит антимичность не только и не столько поэтического образа, сколько самого авторского сознания.

Таким образом, оксюморон в языковом пространстве лирики А.А. Ахматовой передаёт смысловые нюансы явлений, чувств, отношений, порой парадоксальных по своей сути, в которых сливаются два противоположных начала: *добро* и *зло*. Из взаимоисключающих друг друга понятий рождается некая универсалия, которая не относится ни к одному из полюсов оппозиции *добро* – *зло*, но при этом имеет прямое отношение к их единству, что и является **эмерджентным свойством** целостной структуры.

– Важным показателем **амбивалентности отношений оппозиционных образований** является наличие внутри её системы лексем с **энантиемией** (внутрисловной антонимией). Например, в словаре В.И. Даля отмечается, что особенностью дериватов с корнем *добр-* является наличие противоположного значения: «*Добрый человек* – хвала двусмысленная: не видно, есть ли воля и ум. *От добрых людей мир погибает, от потворищиков*»; «*Добровище ср.* пепелище, пожараще, остатки и признаки погибшего добра, имущества; затонувшее судно, побитый градом хлеб и пр.» [5, с. 444]. В поэтических текстах А.А. Ахматовой подобных примеров не зафиксировано, что объясняется достаточно редким употреблением слов с корнем *добр-*.

Безусловно, список признаков, характеризующих энантиоморфное образование может быть расширен,

уточнен. Но само существование *зоны пересечения* концептов-оппозитов даёт основание рассматривать их как некое единое целое, так как именно в этой зоне рождается то бесконечное многообразие понятий, смыслов, образов и т. п., которое вербально актуализируется, прежде всего, в художественной среде (как в поэтическом, так и в прозаическом дискурсах), сплетая в нерасторжимое единство культурно-исторические, философские, религиозные и пр. слои концепта. Больше того, рассматривать концепты-оппозиты следует не как несовместимое, асимметричное противопоставление, состоящее из взаимоисключающих, полярных или разноплановых единиц, а как целостное, нерасторжимое диалектико-полифоническое взаимодействие компонентов единой системы, создающее новое (не названное пока в лингвистике) лингвально-ментальное образование.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахматова А. Сочинения в 2-х т. / Сост. и подгот. текста М.М. Кралина. М.: Правда, 1990.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека (Опыт парадоксальной этики). М., 1993. 253 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. Париж, ИМКА-ПРЕСС, 1985. 238 с.
4. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 336 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1999.
6. Кириллина Н.В. Синонимические отношения в художественном тексте (на материале поэзии А.А. Ахматовой) // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: субъективность, экспрессивность, эмоциональность: Межвузовский сборник научных трудов. М.: МГОУ, 2009. С. 128-132.
7. Лотман Ю.М. О семиосфере [Электронный ресурс]. URL: <http://semiotics.ru/sphere/semiosphere.html>
8. МАС. Словарь русского языка. В 4-х т. М., 1985-1988.
9. Моспанова Н.Ю. Концептуальная оппозиция «ДОБРО – ЗЛО» в фольклорной языковой картине мира (на материале русских народных сказок): дисс. ... канд. филол. наук. Брянск, 2005.
10. Обухова О.Я. Москва Анны Ахматовой // Лотмановский сборник. № 2. М., 1997. С. 695-702.

11. Палеха Е.С. Концепт *добро* в языке поэзии Серебряного века: дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2007. 208 с.
12. Пономарева Е.Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): дисс. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2008.
13. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. 2006 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.profi.ua/dictionary>. (дата обращения 20.02.2016).
14. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://tolkslovar.ru/ie1572.html>. (дата обращения: 20.02.2016).
15. Фадеева Т.М. Сложный эпитет как отражение эволюции художественного сознания // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 44-49.
16. Фоминых Н.В. Концепт, концептор и художественный текст // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 176-179.
17. Экологический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/> (дата обращения: 22.02.2016)

REFERENCES

1. Akhmatova A. Sochineniya v 2-kh t. [Works in 2 vols.]. M., Pravda, 1990.
2. Berdyayev N.A. O naznacheniі cheloveka (Opyt paradoksal'noi etiki) [On the destiny of man (the experience of paradoxical ethics)]. M., 1993. 253 p.
3. Berdyayev N.A. Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniya cheloveka [The meaning of creativity: Experience of justification of man]. Paris, YMCA-PRESS, 1985. 238 p.
4. Vendina T.I. Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka [The medieval man in the mirror of the old Slavonic language]. M., Indrik, 2002. 336 p.
5. Dal' V.I. Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4-kh t. [Explanatory dictionary of the living great Russian language. In 4 vols]. M., 1999.
6. Kirillina N.V. Sinonimicheskie otnosheniya v khudozhestvennom tekste (na materiale poezii A.A. Akhmatovoi) [Synonymic relations in the art text (on a material of poetry of A. Akhmatova)] // Ratsional'noe i emotsional'noe v yazyke i rechi: sub»ektivnost', ekspressivnost', emotsional'nost': Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh trudov [The rational and the emotional in language and speech: subjectivity, expressivity, emotion: interuniversity collection of scientific papers]. M., MGOU, 2009. pp. 128–132.
7. Lotman YU.M. O semiosfere [Elektronnyi resurs]. [On universe of the mind [E-source]]. URL: <http://semiotics.ru/sphere/semiosphere.html>
8. MAS. Slovar' russkogo yazyka. V 4-kh t [SAD. Dictionary of the Russian language. In 4 vols]. M., 1985–1988.
9. Mospanova N.YU. Kontseptual'naya oppozitsiya «DOBRO – ZLO» v fol'klornoj yazykovoi kartine mira (na materiale russkikh narodnykh skazok): diss. ... kand. filol. nauk [The conceptual opposition of «GOOD – EVIL» in the folklore language picture of the world (on the material of Russian folk tales): thesis of candidate of Philological sciences]. 2005.
10. Obukhova O.YA. Moskva Anny Akhmatovoi [Moscow of Anna Akhmatova] // Lotmanovskii sbornik. 1997. no. 2. pp. 695–702.
11. Palekha E.S. Kontsept dobro v yazyke poezii Serebryanogo veka: diss. ... kand. filol. nauk [The concept of good in the language of poetry: thesis of candidate of Philological sciences]. Kazan, 2007. 208 p.
12. Ponomareva E.YU. Kontseptual'naya oppozitsiya «ZHizn' – Smert'» v poeticheskom diskurse (na materiale poezii D. Tomasa i V. Bryusova): diss. ... kand. filol. nauk [The conceptual

- opposition of «Life – Death» in the poetic discourse (on the material of poetry D. Thomas and V. Bryusov): thesis of candidate of Philological sciences]. M., 2008.
13. Komlev N.G. Slovar' inostrannykh slov. 2006 [Elektronnyi resurs]. [Dictionary of foreign words. 2006 [E-source]]. URL: <http://www.profi.ua/dictionary>. (request date 20.02.2016)
 14. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka. [Elektronnyi resurs]. [Explanatory dictionary of the Russian language [E-source]]. URL: <http://tolkslovar.ru/ie1572.html>. (request date 20.02.2016)
 15. Fadeeva T.M. Slozhnyi epiteta kak otrazhenie evolyutsii khudozhestvennogo soznaniya [Complex epithet as a reflection of the evolution of artistic consciousness] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2013. no. 6. pp. 44–49.
 16. Fominykh N.V. Kontsept, kontseptor i khudozhestvennyi tekst [Concept, conceptor and artistic text] // Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki [Methodological problems of cognitive linguistics]. Voronezh, 2001. pp. 176–179.
 17. Ekologicheskii slovar' [Elektronnyi resurs]. [Environmental dictionary [E-source]]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ecolog/> (request date 22.02.2016)
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кириллина Надежда Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры славянской филологии Московского государственного областного университета;
e-mail: aliskir@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nadezhda Kirillina – candidate of Philological Sciences, associate Professor of the Department of Slavic Philology at the Moscow State Region University;
e-mail: aliskir@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Кириллина Н.В. К вопросу об энантиоморфизме как сущностном качестве концептуальных оппозиций // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 32–41.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-32-41

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Kirillina. On the question about enantiomorphism as essential quality of conceptual oppositions // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian Philology. 2016. no. 4. pp. 32–41.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-32-41

УДК 81–139

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-42-49

КОНЦЕПЦИЯ МУЗЫКИ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Л.Н. ТОЛСТОГО

Коробко Л.В.

*Воронежский государственный архитектурно-строительный университет
394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84, Российская Федерация
ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и
Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж)
394000, г. Воронеж, ул. Старых Большевиков, 54А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье анализируется феномен «Музыка», вербализованный в повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната», рассматривается специфика феномена «Музыка» как субъекта в языковой картине мира Л.Н. Толстого. Определяется когнитивно-семантическое содержание данного феномена, анализируются особенности его архитектоники, выявляются концептуальные признаки на основе изучения его составляющих. Установлено, что структура феномена «Музыка» характеризуется дискретной архитектурой, включающей 14 предикатов, обладающих спецификой структурной периферии и отличительным набором когнитивно-эпистемологических составляющих. Когнитивным базисом музыки как агентивной сущности являются дискретность эмоциональных состояний, духовность, интеллектуальная и морально-этическая значимость, коммуникация, физиологическая составляющая.

Ключевые слова: музыка, Л.Н. Толстой, предикат, денотат, десигнат, субъект, языковая картина мира, эмоции.

THE CONCEPT OF MUSIC IN L. TOLSTOY'S LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

L. Korobko

*Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering
84, 20-letiya Oktyabrya St., Voronezh, Russian Federation, 394006
Russian Air Force Military Educational and Scientific Center «N. Zhukovsky and Y. Gagarin
Air Force Academy»
54 A, Starih Bolshevikov str., Voronezh, Russian Federation, 394000*

Abstract. The article explores the phenomenon of «Music», verbalized in the story by L. Tolstoy «The Kreutzer Sonata», it considers the specifics of the phenomenon «Music» as a subject in L. Tolstoy's linguistic picture of the world. It determines its cognitive-semantic contents, analyses its cognitive peculiarities, conceptual features on the basis of analysis of its elements. It is found that the structure of the «Music» phenomenon as a subject is formed by a discrete architectonic, that includes 14 basic predicates that have specific features of structural periphery and are differentiated by various sets of cognitive and epistemological components. The cognitive basis

of music as the active essence is the discretization of emotional states, spirituality, intellectual and moral-ethical importance, communication, physiological component.

Keywords: music, L. Tolstoy, predicate, denotation, designatum, subject, linguistic picture of the world, emotions.

Понятие **картины мира** является базовым понятием, которое отражает специфику человека и его бытия. Картина мира выступает результатом духовной активности человека и возникает у него в процессе контактов с миром [5, с. 110]. Картина мира в художественном тексте создаётся языковыми средствами, при этом она отражает индивидуальную картину мира в сознании писателя и воплощается в отборе элементов содержания художественного произведения, языковых средств, а также в индивидуальном использовании образных средств.

Важно подчеркнуть, что когнитивная лингвистика отличается от традиционной тем, что лингвистическое (от лат. *lingua* 'язык') и логическое (от греч. *logos* 'слово, язык') функционально объясняют друг друга и составляют единое целое. Концепт – это мыслимое содержание в единстве лингвистического и логического, в явном виде представленное своими содержательными формами: образом, понятием и символом одновременно [3, с. 99]. По мнению В.В. Колесова, путей выявления значений, необходимых для построения понятий, всего два: 1) на основе сочетания имени с определением, представляющим конкретное «содержание» понятия («десигнат»); 2) посредством подведения значения слова к общему роду, к «объёму» понятия («денотат») [3, с. 99]. В соответствии с четырьмя содержательными формами концепта, «основание» представляет «концептум» («зерно» первосмысла),

«условие» – цельный образ, «причина» – актуальное понятие, а «цель» – законченный символ [3, с. 99].

Актуальность настоящего исследования обусловлена недостаточной изученностью языкового отражения концепции «музыки» в её восприятии Л.Н. Толстым, в частности, на примере «Крейцеровой сонаты». Языковые средства, объективирующие концепт «Музыка», позволяют выявить понимание феномена «Музыка» в художественном дискурсе Л.Н. Толстого и способствовать определению особенностей отражения эстетических категорий в языковом сознании писателя.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей формирования концепции *музыки* на материале произведения Л.Н. Толстого «Крейцера соната» посредством изучения концептуальных составляющих когнитивно-семантической структуры феномена «Музыка» и в определении специфики функционально-семантического поля музыки как субъекта и др.

Функционально-семантическое поле (ФСП) – «это группировка разноразрядных средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определённой семантической категории» [2, с. 39]. Функционально-семантическое поле **субъекта** формируют семантика самого субъекта, лексическое значение глагола-предиката, форма и значение падежа, оформляющего субъект, соот-

ношение субъекта с членом предложения и др. [4, с. 8].

Субъект – «термин логики, обозначающий предмет, о котором выносятся суждения, соотносится с предикатом. В логических теориях субъект трактуется либо как представление об объекте, либо онтологически – как сам объект действительности» [1, с. 497-498]. В настоящей работе под субъектом понимается деятель, действие которого направлено на какой-либо объект.

В качестве эмпирического материала был использован текст повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната».

Анализ контекстов, репрезентирующих феномен «Музыка», показывает, что среди широкого спектра **субъектных значений** музыки преобладает **музыка как субъект действия, агент** (44%), **субъект-каузатор действия** (36 %); **субъект восприятия** (12%); **субъект-соучастник действия** (4%); **субъект-носитель признака** (4%).

Обратимся к контекстам, категоризирующим феномен «Музыка» в повести Л.Н. Толстого «Крейцерова соната». В большинстве проанализированных контекстов музыка представлена как **субъект действия, агент**. Она воспринимается Толстым как активный деятель, способный воздействовать на сознание людей самыми разнообразными способами. Субъект действия «музыка» употребляется при предикате, выражающем физическое и эмоциональное воздействие «быть направленным против»:

Все было направлено против неё, в особенности эта проклятая музыка [7, с. 65].

В анализируемом контексте музыка представляет собой поток звуков, несущих определённую заложенную

композитором энергетику, направленную **против** слушателя, что позволяет выделить **десигнат** «МУЗЫКА – ПОТОК ЭНЕРГИИ», а также **десигнативный признак: музыка – разрушение**.

Следующую группу составляют контексты, в которых музыка представлена как **субъект-каузатор действия**. Каузирующим действием при субъекте «музыка» служит словосочетание «производить влияние», субъектом каузируемого действия являются «впечатлительные натуры»:

... по сближению, возникающему от совместной игры, по влиянию, производимому на впечатлительные натуры музыкой, особенно скрипкой, что этот человек должен был не то что нравиться, а [...] должен был победить, смять, перекрутить её, свить из неё верёвку, сделать из неё всё, что захочет [7, с. 59].

Денотат «МУЗЫКА – ВЛИЯНИЕ» включает в себя **денотативный признак: музыка – господство**. Данное положение подтверждается рядом однородных членов (*нравиться, победить, смять, перекрутить, свить верёвку, сделать всё, что захочет*), где степень эмоциональной напряжённости каждого последующего глагола выше предыдущего. Степень нарастания интенсивности можно представить следующим образом: *нравиться* → *победить* → *смять* → *перекрутить* → *свить верёвку* → *сделать всё, что захочет* → *кульминация* [10, с. 85]. Лексема «музыка» представлена в форме творительного падежа без предлога.

Субъект восприятия употребляется при глаголах лексико-семантической группы восприятия. Отмечаются три повтора субъекта «музыка» в сочетании с глаголом «дойти», т. е. «про-

никнуть в сознание, вызвать отклик» [6, с. 150]):

Ну, марш воинственный сыграют, солдаты пройдут под марш, и музыка дошла; сыграли плясовую, я проплясал, музыка дошла; ну, пропели мессу, я причастился, тоже музыка дошла, а то только раздражение, а того, что надо делать в этом раздражении, нет [7, с. 67].

В приведённом контексте нами был выделен денотат «МУЗЫКА – ПРОНИКНОВЕНИЕ В СОЗНАНИЕ». **Денотативный признак «музыка – отклик»** объективируется следующими языковыми средствами: *чеканить шаг, плясать, причаститься* и др.

Категория **субъект-соучастник действия** представлена одним контекстом. Субъект выражен существительным в форме «с» + лексема в творительном падеже:

Вот он-то с своей музыкой был причиной всего. <...> На суде так и решено было, что я обманутый муж и что я убил, защищая свою поруганную честь [7, с. 52].

Толстой заявляет, что музыка послужила причиной убийства («*Вот он-то с своей музыкой был причиной всего*»). Лексема «музыка» представлена в форме творительного падежа с предлогом «с», в данном случае выбор формы не является случайным: показан **инструмент действия**. В данном контексте нами был выделен денотат «МУЗЫКА – ИНСТРУМЕНТ ДЕЙСТВИЙ» (**денотативный признак: музыка – орудие провокации**). Музыка определяется Толстым как инструмент, с помощью которого музыкант может оказывать воздействие на слушателей.

Категория **субъект-носитель признака** также представлена одним контекстом:

И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю [7, с. 66].

Прилагательное в составе данного сочетания передаёт десигнат рассматриваемого феномена «МУЗЫКА – ЯВЛЕНИЕ» (**десигнативный признак: музыка – энигма**). Музыка определяется как **страшная вещь**, т. е. актуализируются негативные свойства музыки.

Итак, превалирование примеров, в которых музыка представлена как субъект действия, говорит о том, что Толстой наделяет её качествами действующей сущности, живого существа.

Когнитивная структура вербализованного феномена «Музыка» с мелиоративным содержанием характеризуется дискретностью состава конституирующих его признаков. Архитектоника феномена «Музыка» в художественном дискурсе Л.Н. Толстого состоит из 12 денотатов, инкорпорирующих 15 денотативных признаков, и 2 десигнатов, содержащих 2 десигнативных признака.

Когнитивная модель феномена «Музыка» в художественном дискурсе Л.Н. Толстого на материале повести «Крейцера соната» представлена на рисунке 1.

Итак, выявленные гносеологические детерминанты музыки, формирующие её когнитивную структуру, позволяют выделить 5 дефиниций музыки в концепции Л.Н. Толстого: 1) музыка – это звучащая мелодия как средство коммуникации // в духовном развитии – источник (эстетического) наслаждения; 2) музыка – это звучащая мелодия как поток энергии // трансфер – праздное времяпрепровождение; 3) музыка – это звучащая мелодия как влияние // мотивация – порочная

связь; 4) музыка – это звучащая мелодия как инструмент действий // проникновение в сознание – власть; 5) музыка – это звучащая мелодия как явление // энигма – власть.

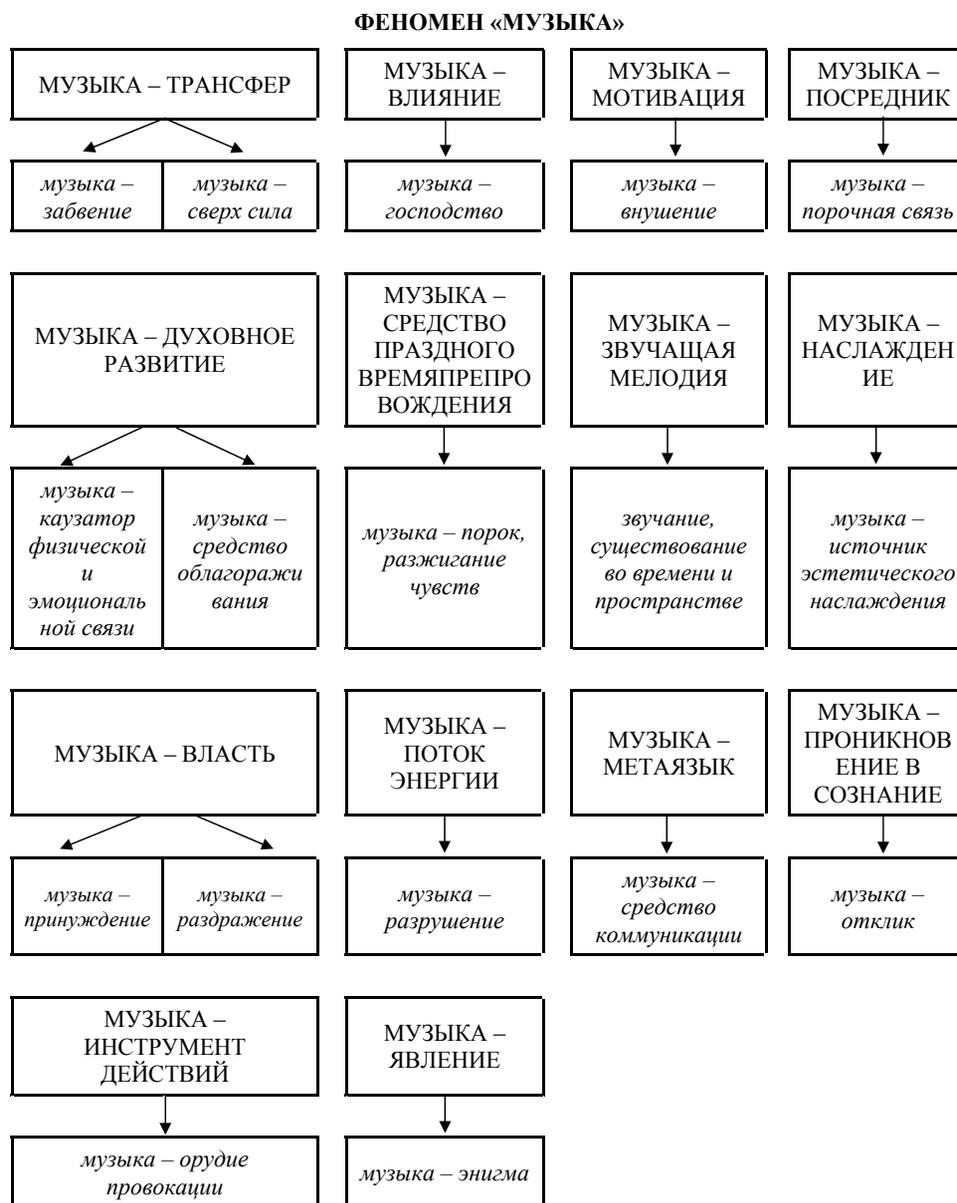


Рисунок 1. Когнитивная модель феномена «Музыка» в художественном дискурсе Л.Н. Толстого на материале повести «Крейцерова соната»

Представленные когнитивно-эпистемологические составляющие музыки дополняются, в свою очередь, 17 концептуальными признаками

исследуемого феномена в художественном дискурсе Л.Н. Толстого. В парадигме негативных признаков, индуцирующих такие эмоциональные состояния, как ненависть, раздражение, порок и деградация, провокация [см. подробное лингвистическое описание эмоций: 8; 9], особое место занимают следующие: 1) музыка культивирует чувство ненависти, отвращения в сознании людей; 2) отрицательно воздействует на эмоциональное и психологическое состояние; 3) является пороком и способствует деградации общества; 4) провоцирует человека на необдуманные поступки; 5) подталкивает к супружеской измене; 6) лишает способности контролировать ситуацию; 7) манипулирует сознанием; 8) лишает способности трезво оценивать полученную информацию; 9) требует безоговорочного выполнения заданной «программы»; 10) представляет опасность для жизни и др.

Среди положительных характеристик *музыки* выделяются её универсальные признаки, в частности, духовное развитие, эстетическое наслаждение, сближение, коммуникация, возможность быть самим собой. Ср.: 1) музыка как средство развлечения, поднятия настроения (рекреационное предназначение музыки); 2) достав-

ляет удовольствие и детерминирует появление положительных эмоций; 3) повод «снять маску»; 4) способна нейтрализовать состояние человека; 5) облагораживает, погружает во внутренний мир, требует строгости и сосредоточения; 6) средство общения; 7) способствует сближению людей.

Таким образом, концепция музыки в повести «Крейцера соната» эксплицирует двойственность музыкального бытия. Л.Н. Толстой показывает, что музыка не только культивирует общечеловеческие ценности, являясь стимулом для нравственного роста, но и нередко служит причиной духовного разложения человека. Музыка в языковой картине мира Толстого репрезентируется как универсальная, метафизическая сила, обладающая амбивалентной природой и высокой степенью экспрессивности. Музыка как субъект соотносится с разнообразными реалиями внешнего и внутреннего мира человека, в частности, ментальной, эстетической, физиологической, физической и др. В то же время в концепции Л.Н. Толстого особую значимость приобретает, прежде всего, корреляция музыки с пейоративно маркированными эмоциями и чувствами человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Субъект // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 497-498.
2. Бондарко А.В. Категориальные ситуации в функционально-грамматическом описании // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сборник статей. Litres, 2014. С. 36-53.
3. Колесов В.В. Причина и цель // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013. №6 (2). С. 98-103.
4. Матаева Ю.А. Субъектно-объектные отношения в деловом языке второй половины XVIII века (по архивным материалам): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01; Челябинск, 2005. 22 с.

5. Меняйло В.В. Динамичность авторской картины мира // *STUDIA LINGUISTICA XVIII* Актуальные проблемы современного языкознания: Сборник. СПб.: Политехника-сервис, 2009. С. 110–118.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2010. 736 с.
7. Толстой Л.Н. Крейцерова соната. Повести. М.: «Искатель пресс», 2013. С. 3-86.
8. Фомина З.Е. Релевантные признаки эмоционально-оценочной лексики как самостоятельного класса слов в лексической системе языка // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки.* 1996. № 2. С. 18-29.
9. Фомина З.Е. Эмоциональные концепты и их вербальная репрезентация в художественной картине мира (на примере русских, немецких, австрийских и швейцарских литературных произведений) // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Современные лингвистические и методико-дидактические исследования.* 2004. № 1. С. 46-65.
10. Фомина З.Е., Коробко Л.В. Особенности вербальной репрезентации феномена «Музыка» в художественном дискурсе Л.Н. Толстого (на материале произведения «Крейцерова соната») // *Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Современные лингвистические и методико-дидактические исследования.* 2015. № 1 (25). С. 74-91.

REFERENCES:

1. Arutyunova N.D. Sub»ekt [The subject] // *Yazykoznanie. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' [Linguistics. Big encyclopedic dictionary].* М., Bol'shaya Rossiiskaya entsiklopediya, 1998. pp. 497–498.
2. Bondarko A.V. Kategorial'nye situatsii v funktsional'no-grammaticheskom opisanii [The categorical situations in functional grammatical description] // *40 let Sankt-Peterburgskoi tipologicheskoi shkole: Sbornik statei [40 years of the St. Petersburg typological school: collected articles].* Litres, 2014. pp. 36–53.
3. Kolesov V.V. Prichina i tsel' [The reason and purpose] // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* 2013. no. 6 (2). pp. 98–103.
4. Mataeva YU.A. Sub»ektno-ob»ektnye otnosheniya v delovom yazyke vtoroi poloviny XVIII veka (po arkhivnym materialam): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.02.01; Chelyabinskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet; nauch. ruk. L.A. Glinkina [The subject-object relationship in the business language of the second half of the 18th century (basing on archival materials): abstr. of thesis of candidate of Philological sciences: 10.02.01; Chelyabinsk State Pedagogical University; scientific. head L. A. Glinkina]. Chelyabinsk, 2005. 22 p.
5. Menyailo V.V. Dinamichnost' avtorskoi kartiny mira [The dynamism of the author] *STUDIA LINGUISTICA XVIII Aktual'nye problemy sovremennogo yazykoznaniiya: Sbornik [STUDIA LINGUISTICA XVIII Actual problems of modern linguistics: Collection].* SPb., Politekhniko-serviz, 2009. pp. 110–118.
6. Ozhegov S.I. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: about 100 000 words, terms and phraseological expressions]. 26th ed., rev. and enl. М., ООО «Izdatel'stvo Oniks», ООО «Izdatel'stvo «Mir i Obrazovanie», 2010. 736 p.
7. Tolstoi L.N. Kreitserova sonata. Povesti [The Kreutzer Sonata. The story]. М., «Iskatel' press», 2013. pp. 3–86.

8. Fomina Z.E. Relevantnyye priznaki emotsional'no-otsenochnoi leksiki kak samostoyatel'nogo klassa slov v leksicheskoi sisteme yazyka [Relevant attributes of emotional and evaluative vocabulary as a separate class of words in the lexical system of language] // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 1996. no. 2. pp. 18–29.
9. Fomina Z.E. Emotsional'nye kontsepty i ikh verbal'naya reprezentatsiya v khudozhestvennoi kartine mira (na primere russkikh, nemetskikh, avstriiskikh i shveitsarskikh literaturnykh proizvedenii) [Emotional concepts and their verbal representation in the artistic picture of the world (on example of Russian, German, Austrian and Swiss literary works)] // Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. 2004. no. 1. pp. 46–65.
10. Fomina Z.E., Korobko L.V. Osobennosti verbal'noi reprezentatsii fenomena «Muzyka» v khudozhestvennom diskurse L.N. Tolstogo (na materiale proizvedeniya «Kreitzerova sonata») [Features of verbal representation of the phenomenon of «Music» in the artistic discourse of L. Tolstoy (basing on the works of «the Kreutzer Sonata»)] // Nauchnyi vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Sovremennye lingvisticheskie i metodiko-didakticheskie issledovaniya. 2015. no. 1 (25). pp. 74–91.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коробко Людмила Владимировна – аспирант кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный архитектурно-строительный университет»; преподаватель кафедры иностранных языков, ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж);
e-mail: l.v.ledeneva@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Liudmila Korobko – post-graduate student of the foreign languages department, at Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering; a teacher of the department of foreign languages, Russian Air Force Military Educational and Scientific Center «N. Zhukovsky and Y. Gagarin Air Force Academy»;
e-mail: l.v.ledeneva@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Коробко Л.В. Концепция музыки в языковой картине мира Л.Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 42-49.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-42-49

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

L. Korobko. The concept of music in L. Tolstoy's linguistic picture of the world // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 42-49.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-42-49

УДК 81'367. 322

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-50-57

СЕМАНТИКО-ГРАММАТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ ПРЕДЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОПЕРАТОР *САМЫЙ*

Лекант П.А.

Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

Аннотация. В статье определяется и обосновывается статус семантико-грамматической категории предельности, формальным оператором которой является *самый*. Из класса местоимений слово *самый* перешло в систему частиц в результате грамматизации. Оно утратило указательное значение, но сохранило формы рода, числа, падежа. В этих формах оно согласуется с именами существительными, которые обозначают время, пространство, процесс. Так образуются формы предельности. Семантика предельности варьируется при участии предлогов, может быть подчеркнута в составе высказывания.

Ключевые слова: превосходство, предельность, интенсивность, метафоризация, фразема.

THE SEMANTIC-GRAMMATICAL CATEGORY OF LIMIT IN THE RUSSIAN LANGUAGE: THE OPERATOR *САМЫЙ*

P. Lekant

Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The article defines and justifies the status of semantic-grammatical category of limit, which formal operator is *самый*. The word *самый* transferred into the system of particles from the class of pronouns as a result of grammatization. It lost its demonstrative meaning, but preserved forms of gender, number, case. In these forms, it agrees with nouns that refer to time, space, process. This is how the forms of limit are formed. The semantics of limit varies with the presence of prepositions, it can be emphasized as a part of a statement.

Keywords: superiority, limit, intensity, metaphORIZATION, phrasem.

Значение предельности и его формальное представление сложились в лексико-грамматической системе русского языка для выражения глобального смысла границы, черты [15, т. I, с. 384], предела – применительно к пространству, ко времени, к процессу действия.

Категориальный статус предельности определяется и оформляется оператором *самый*. Особое положение слова *самый* обосновал и определил В.В. Виноградов при описании аналитической формы превосходной степени имени прилагательного – по его отношению к разряду *местоименно-указательных имён прилагательных* «остаются обособленными формальные слова *самый* и *кото-*

рый. <...> формальное слово **самый** в составе сложной, аналитической формы превосходной степени – *самый неприятный*; ср. вообще для обозначения **степени**: *по самому верху*» [3, с. 201].

Последнее замечание Виноградова про «**вообще**» явилось для нас решительным поводом обосновать и подробно рассмотреть статус формального слова *самый* как **оператора** категории предельности – во всём многообразии её грамматического устройства.

Определение *самый* как формального слова было высказано Виноградовым в грамматическом учении об имени прилагательном как категориально целостной, а семантически разнообразной части речи, которая представлена системой разрядов. По этой системе слову *самый* «полагалось» место, как указано выше, в разряде местоименно-указательных имён прилагательных. Однако его участие в аналитической форме превосходной степени качественных прилагательных несовместимо с указательностью, а является чисто формальным. Цельность аналитической формы превосходной степени Виноградов определил как «грамматический идиоматизм» [3, с. 245]. Однако это меткое, оригинальное определение к «вообще обозначению степени» (*по самому верху*) отнестись невозможно.

Однако само по себе *формальное* слово *самый* далеко не однозначно и очевидно (как и многие не исконно формальные слова). Оно входит в синтагматические сочетания с местоимениями указательными *этот*, *тот* с общим значением тождественности – очень тонким и очень нуж-

ным для семантического окружения. Например: *А что такое в жизни счастье? Вот это самое как раз. – Их двое, близко ли, далёко, В любую часть земли родной, С надеждой ясной и высокой Держащих путь – рука с рукой...* (А. Твардовский); – *Да... что я хотел сказать... да... вот это самое ...* (К. Паустовский); *Всё это звалось той самой Ключевской балкой, питавшейся обильными ключами из-под Верхового уреза, было тем самым низом, по которому проходила дорога* (Е. Носов); *Мать-земля моя родная... Я иду к тебе с востока, Я тот самый, не иной* (А. Твардовский) – значение предельности «поглощается» тождеством. Ср. также фраземы: *тот, этот, я, он – самый и есть*. Следует добавить, что *тот самый* и под. являются компонентом связи сложноподчинённого предложения; например: *Дельный, что и говорить, Был старик тот самый, Что придумал суп варить на колёсах прямо* (А. Твардовский).

Идея В.В. Виноградова о формальном статусе слова *самый* не получила ни признания, ни развития в работах известных грамматистов; см., например: А.И. Ефимов [10, с. 246]; Н.Ю. Шведова [10, с. 151]. Н.Ю. Шведова считает *самый* местоимением, в котором заключён «смысл средоточия, сосредоточенности на одном, данном, единичном». Этот смысл противопоставлен смыслу «всеохватности, всеобщности» [12, с. 17-18]. В этом определении явно не учитывается, можно сказать, игнорируется значение *самый* в форме превосходной степени. Ср.: «В абсолютном употреблении, независимо от сравнения предметов, эта форма (*самый* + имя прилагательное) обозначает *решительное превосходство* качества, *предельную*

степень качества» [3, с. 245] (подчёркнуто мной. – П. Л.).

С.И. Абакумов, хотя и отметил формальную роль *самый* в «описательной» превосходной степени, отнёс это слово к прилагательным [1, с. 108].

Значение предельности, конечно, характеризовало превосходную степень с установлением её в грамматической парадигме имени прилагательного в двух формах – синтетической (простой) и аналитической (составной). Эти формы конкурировали в употреблении, представляли оппозицию и давали возможность выбора. Однако в исследованиях грамматического строя русского литературного языка XIX века отмечена их своеобразная контаминация.

«Аналитические формы превосходной степени: сочетание *самый* и форм превосходной степени на *-ейший* (*-айший*), всё более редкое в книжном употреблении чем ближе к нашему времени, очень обычно в первой половине XIX века и упорно держится в это время... <...> ... *И даже кое-кто из самых юнейших, т. е. из самых бесчиновых чиновников, втихомолочку и под обидный шумок составили орлянку, в углу, у окошка* (Ф. Достоевский), – отмечает Л.А. Булаховский [2, с. 103]; см. также: Шведова Н.Ю.: «Местоимение *самый* может соединяться не только с прилагательным в положительной степени, но также и с формой превосходной степени. Такое употребление было особенно распространено у писателей XIX в.» [10, с. 151].

И оппозиция, и контаминация двух форм превосходной степени подчёркивают тождественность грамматического содержания показателей – формальных суффиксов *-ейш-*, *-айш-* и формального слова *самый*.

Значение предельности, как видно из предварительного обсуждения, имеет чёткое грамматизованное содержание. Выдающийся грамматист, соратник В.В. Виноградова, М.В. Панов, подробно излагая собственное понимание части речи, употребил простое и удивительное словосочетание – *грамматическое понимание*: «Все слова, принадлежащие к одной части речи, объединяет грамматическая идея. Все они представляют свои денотаты; обозначаемые фрагменты действительности (в пределах одной части речи) они рисуют в свете определённого взгляда; подводят изображаемое под определённое грамматическое понимание» [9, с. 117].

Категорию предельности мы рассмотрим далее – за пределами превосходной степени имени прилагательного.

После указания Виноградова на употребление *самый* с именем существительным («по самому верху» – см. выше) с общим значением степени А.И. Ефимов определил круг входящих в сочетание существительных значением – «предел времени и пространства» [10, с. 246].

Сочетания такого рода, имеющие форму свободного словосочетания, строятся и употребляются продуктивно. Например: *В сиреновом душистом кусте под самым окном чуть-чуть перепрыгивали и встряхивались какие-то птички* (Л. Толстой); *Вернувшись домой, он сорвал с себя мокрое пальто и шапку, зашагал вдоль стен и неумолимо шагал до самого утра* (А. Чехов); *Запах – простой, без затей, но в самую грудь, хочется дышать и дышать* (Б. Пантелеймонов); *Перед самым рассветом он увидел во сне раннее весеннее утро, красную зарю над землёй и*

низкий ароматный луг (А. Куприн).

Аналитическая форма предельности не препятствует метафоризации, напротив, усиливает её: *В то время книга у меня стояла над жизнью, а не жизнь над книгой. Нужно было наполнить себя жизнью до самых краёв* (К. Паустовский); *Загорелые, как черти, С картузами набекрень, – Им теперь до самой смерти Не забыть счастливый день* (Н. Заболоцкий); *Поезд мчался с прежним напряженьем Где-то в самых дёбрях мироздания* (Н. Рубцов); *Отправлень. Под самые тучи запущен паровозный гудок* (Р. Рождественский); *Мы никогда не говорили о том, что у нас там, в самой глубине... На сердце...* (В. Некрасов); *Вид у Онисима умный, серьёзный, глядит в самую душу* (Б. Пантелеймонов).

Аналитическая форма предельности максимально грамматизована, так сказать, отшлифована. Грамматическая форма оператора *самый* согласуется в роде, в числе, в падеже с существительным. «... Развитие словосочетания может вести к его грамматикализации либо к его фразеологизации» [4, с. 93]. Этот тезис В.Г. Гака мотивируется аналитическими формами предельности и по первому, и по второму пункту. Отдельные формы предельности имеют черты *фраземы*: цельность и воспроизводимость. Например: *Но солнце уже высоко, теперь самое время сделать привал, закусить* (Б. Пантелеймонов); *Он лежит с лицом землистым, Не моргнёт, хоть глаз коли. В самый срок его танкисты Подобрали, повезли* (А. Твардовский) – общее значение своевременности и положительной оценки в подчёркнуто предельной степени. Эти черты данной аналитической формы предельно-

сти мотивированы лексической семантикой главного компонента – *время, срок*. Обратим внимание на вывод Б.Ю. Нормана: «Когда мы говорили, что каждому компоненту синтаксической модели, каждой её позиции присуще своё обобщённое значение, то из этого следовало (и следует), что ей свойственно и некоторое типическое лексическое воплощение» [8, с. 148].

В составе аналитических форм предельности следует отметить специализированные лексические компоненты, которые могут указывать на *начало, середину, конец* – это временные или пространственные ориентиры. Например: *Москва стоит на горе, в самой середине нашего государства, на семи холмах* (Б. Пантелеймонов); *Широкая деревенская улица была пуста, и только в самом конце её, около церкви, маячила долговязая фигура Ильина* (В. Некрасов); – см. также аналитические формы предельности с именами времени: *в самом начале зимы, до самой середины мая* и т. п.

Другой разряд лексических средств составляют слова, в значении которых может быть отмечена сема «предела» – *край, кромка, горизонт, берег, околица* и др.: *Я обливаюсь колодезной водой и слушаю рожок пастуха – он поёт ещё далеко, у самой околицы* (К. Паустовский); *Море не замёрзло. Снег лежит до самой кромки воды* (К. Паустовский); *Сквозь тучи низко, у самого горизонта, пробилось солнце* (Е. Носов).

В аналитических формах предельности гармонично объединены грамматическое (формальное) и семантическое. Об этом предельно кратко и точно сказал Ю.С. Степанов: «Схема грамматической категории статична, а ход мысли динамичен» [11, с. 124].

Аналитическая форма предельности с оператором *самый* включает те семантико-грамматические частные значения, которые создаются предположно-падежными (тоже аналитическими) формами. Образуется та «сетка» вариантов, которая обслуживает динамичный ход мысли.

Если предлог *у* обозначает в аналитической форме пространственную близость, то, благодаря оператору, эта близость выражена как предельная. Например: *Внезапно у самого борта* лодки вынырнула громадная горбатая спина чёрной рыбы (К. Паустовский); *У самых ног* спереди был берег, под которым бурлил поток (Л. Толстой); *Дом стоит у самого моря* (К. Паустовский); *Скамеечка стояла у самой воды*, между густыми кустами молодого ивняка (А. Чехов).

Различные предположно-падежные пространственные и временные формы при участии оператора *самый* непременно обретают значение предельности. Например: *Над последним* планом висела синеватая дымка. Она протянулась по горизонту *над самой землёй* (К. Паустовский); *Гром* расколол небо и, казалось, одним ударом вогнал домишко в землю *по самую крышу* (К. Паустовский); *Ахнуло над самой головой*, и небо разорвало молнией (Б. Пантелеймонов); *Ноги* тонули в зелёных мхах *по самое колено* (К. Паустовский); *В самый полдень* Марьяна сидела в своём саду (Л. Толстой); *Под вечер* рыба клюёт лучше... *Сижу, брат, здесь с самого утра!* (А. Чехов).

Особо следует остановиться на участии предлога *до* в аналитической форме предельности.

Во-первых, этот предлог, «обернувшись» в приставку *до* в группе наре-

чий, восходящих к предположно-падежным формам кратких прилагательных, оставил след «полноты, предела». Эта сема отмечена словарём С.И. Ожегова в наречиях *добела, доверху, догола, до-полна, допыяна, досуха, дочиста* (перен.), а также *донельзя* [13, с. 147].

Во-вторых, предположно-падежной форме род. пад. с *до* предназначено «обозначение предельной меры <...>, полноты, исчерпанности действия»; это значение Г.А. Золотова иллюстрирует предложением *Кубок мой тёмный до дна испей* (А. Блок) [5, с. 50]; этому значению автор присваивает ярлычок *интенсив*. Мы обозначаем термином *интенсив* особую аналитическую категорию всех знаменательных слов [6, с. 46-52].

Предельная мера, полнота значения данной предположно-падежной формы в составе аналитической формы с оператором *самый* приобретают категориальный статус предельности – в усиленном варианте. Например: *На лиловатых и твёрдых зонтичных* цветках сидят *имели*. Они *сгибают* своей тяжестью эти цветы *до самой земли* (К. Паустовский); *Там, на этой станции, вершина* была. Тёплая вершина. *До самых звёзд* (Р. Рождественский); *Ничего не было видно ни* спереди, ни *сзади до самого горизонта* (Ю. Казаков); *Я сам стою за гражданский брак, да... Но, по-моему, если раз сошлись, то надо жить до самой смерти* (А. Чехов); *До самого вечера* барыня была не в духе (И. Тургенев). Семантика данной аналитической формы предельности поистине динамична: она дополнительно «регулируется» наречиями меры. Например: *Народ* *растянулся от берега почти до самого деревенского взгорья* (Е. Носов); *Села* *я так к окошечку, пригорюнилась*. Си-

дела, сидела, **вплоть до самого вечера** высидела (Д. Мамин-Сибиряк).

Высокая степень превосходства, предельности хранится в этимологически устанавливаемой приставке до- слова *дотла*. В.М. Мокиенко, исследовавший этимологию *тль* – *тло* в русском и в отдельных славянских языках, назвал очерк об *дотла* «До самого тла» [7, с. 122-128].

Устойчивые предложно-падежные формы с *до* – формы-идиомы – хранят в своей семантике значение предела; обратим внимание на толкование такого рода фразеологизмов в словаре И.В. Тимошенко: *до оскомины, до основания, до отказа, до полусмерти* и

др. [14, с. 196-227]. Эти формы-идиомы, как и фразеологизмы вообще, характеризуются непроницаемостью, так что вставить *самый* недопустимо. Впрочем, авторская вольность может оказаться весьма яркой. Например: *Достоевский садился писать, когда времени оставалось в самый обрез* (К. Паустовский).

В нестандартном, определяемом динамичным ходом мысли окружении оператор *самый* неуклонно диктует категориальное значение предельности; ср. также: *Кровь – сосульками. Однако В самый жар вступает драка* (А. Твардовский).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. М.: Советская наука, 1942. 179 с.
2. Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. М.: Учпедгиз, 1954. 468 с.
3. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.-Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с.
4. Гак В.Г. Пределы семантической эволюции слов // Русский язык сегодня. Вып. 2. 2003. С. 88-97.
5. Золотова Г.А. Синтаксический словарь. М.: Наука, 1988. 440 с.
6. Лекант П.А. Аналитические формы и аналитические конструкции в современном русском языке. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 86 с.
7. Мокиенко В.М. Образы русской речи. М.: Флинта: Наука, 2009. 464 с.
8. Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 340 с.
9. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999. 275 с.
10. Современный русский язык. Морфология / под редакцией В.В. Виноградова. М.: Изд. МГУ, 1952. 519 с.
11. Степанов Ю.С. Основы языкознания. М.: Либерком, 2011. 270 с.
12. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник, 1998. 176 с.

СЛОВАРИ:

13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под редакцией Л.И. Скворцова. М.: Мир и образование, 2010. 736 с.
14. Тимошенко И.В. Малый фразеологический словарь: формы-идиомы / под редакцией П.А. Леканта. М.: ИИУ МГОУ, 2014. 410 с.
15. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка. М.: Русский язык, т. I–II, 1993.

REFERENCES:

1. Abakumov S.I. *Sovremennyi russkii literaturnyi yazyk* [Modern Russian literary language]. M., Sovetskaya nauka, 1942. 179 p.
2. Bulakhovskii L.A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka* [Russian literary language the first half of the 19th century]. M., Uchpedgiz, 1954. 468 p.
3. Vinogradov V.V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical teaching about the word)]. M.-L., Uchpedgiz, 1947. 784 p.
4. Gak V.G. *Predely semanticheskoi evolyutsii slov* [The limits of the semantic evolution of words] // *Russkii yazyk segodnya. Vyp. 2* [Russian language today. Iss. 2]. 2003. pp. 88–97.
5. Zolotova G.A. *Sintaksicheskii slovar'* [The syntactic dictionary]. M., Nauka, 1988. 440 p.
6. Lekant P.A. *Analiticheskie formy i analiticheskie konstruksii v sovremennom russkom yazyke* [The analytical form and the analytical constructions in the modern Russian language]. M., IIU MGOU, 2015. 86 p.
7. Mokienko V.M. *Obrazy russkoi rechi* [The images of the Russian speech]. M., Flinta: Nauka, 2009. 464 p.
8. Norman B.YU. *Igra na granyakh yazyka* [The game on the edges of language]. M., Flinta: Nauka, 2006. 340 p.
9. Panov M.V. *Pozitsionnaya morfologiya russkogo yazyka* [Positional morphology of the Russian language]. M., Nauka, 1999. 275 p.
10. *Sovremennyi russkii yazyk. Morfologiya* [Modern Russian language. Morphology]. M., Izd. MGU, 1952. 519 p.
11. Stepanov YU.S. *Osnovy yazykoznaniya* [Foundations of linguistics]. M., Liberkom, 2011. 270 p.
12. Shvedova N.YU. *Mestoimenie i smysl* [The pronoun and the meaning]. M., Azbukovnik, 1998. 176 p.

DICTIONARIES:

13. Ozhegov S.I. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. M., Mir i obrazovanie, 2010. 736 p.
14. Timoshenko I.V. *Malyi frazeologicheskii slovar': formy-idiomy* [Small phraseological dictionary: forms-idioms]. M., IIU MGOU, 2014. 410 p.
15. Chernykh P.YA. *Istoriko-etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. T. I–II* [Historical-etymological dictionary of the Russian language. Vol. I–II]. M., Russkii yazyk, 1993.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лекант Павел Александрович – доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки, заведующий кафедрой современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: kafedralekant@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pavel Lekant – the Doctor of Philological Sciences, professor, the honored worker of science, the head of the department of modern Russian at Moscow State Regional University; *Pavel Lekant* – the Doctor of Philological Sciences, professor, the honored worker of science, the head of the department of modern Russian at Moscow State Regional University;
e-mail: kafedralekant@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Лекант П.А. Семантико-грамматическая категория предельности в русском языке: оператор *самый* // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 50-57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-50-57

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

P. Lekant. The semantic-grammatical category limit in the Russian language: the operator *самый* // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 50-57.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-50-57

УДК 81'42

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-58-63

ПОНЯТИЯ ПРОСПЕКЦИИ И РЕТРОСПЕКЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА)

Малинская Т.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье описаны две категории текста: проспекция и ретроспекция. Речевым материалом для неё послужили прозаические тексты И.А. Бунина. Объективно-авторская и субъективно-читательская ретроспекция / проспекция обусловлены композицией, авторским замыслом и читательским восприятием текста. Понятия ретроспекции / проспекции тесно связаны с пространственно-временным континуумом произведения. В ходе анализа доказывается линейная разорванность текста, которая непосредственно служит связи всех временных аспектов.

Ключевые слова: нарративное время, ретроспекция, проспекция, объективно-авторская и субъективно-читательская ретроспекция, объективно-авторская и субъективно-читательская проспекция.

CONCEPTS PROSPECTION AND RETROSPECTION (ON THE MATERIAL OF I. BUNIN'S WORKS)

T. Malinskaya

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. This article describes two types of text: prospection and retrospection. The prosaic texts of I. Bunin served as a practical material. Objective from author's perspective and subjective from reader's one, retrospection / prospection are caused by composition, the author's intention and the reader's perception of a text. Concepts retrospection / prospection are closely linked to the space-time continuum of the work. The analysis proved the linear fragmentation of the text, which directly serves the connection of all the temporal aspects.

Keywords: narrative time, retrospection, prospection, objective from author's perspective and subjective from reader's one retrospection / prospection.

Объективному времени характерна необратимость, однонаправленность временного потока, его невозможно повернуть в прошлое, оно всегда направлено в будущее. Особенностью нарративного времени является его обратимость и разнонаправленность. Например, в рассказе И.А. Бунина «Сосны» описание начинается с событий вечера в настоящем времени рассказчика, который далее в своём повествовании возвращается к реалиям утра, когда умер Митрофан. Ска-

зочность вечера с описанием дремучего края, занесённого снегом, пургой, бурей, сменяется рассказом о жизни Митрофана. В дальнейшем повествовании настоящее плотно переплетается с воспоминаниями, связанными с умершим крестьянином, его семьёй и смыслом жизни. *Митрофан действительно прожил всю свою жизнь так, как будто был в батраках у жизни. Нужно было пройти всю её тяжёлую лесную дорогу – Митрофан шёл беспрекословно <...> И разладила его путь только болезнь, когда пришлось пролежать больше месяца в темноте избы, – перед смертью* [1, т. 1, с. 359]. **Время** направлено не только из прошлого в настоящее, но и из настоящего в прошлое, оно обратимо в восприятии героем. «Ретроспекция, разрушение временного ряда, смещение последовательности описываемых событий – обычный приём структурной организации сюжета <...>» [6, с. 23]. Проблема ретроспекции и проспекции тесным образом связана с пространственно-временной организацией текста. Их использование – «“передышка” в беге линейного развёртывания текста» [3, с. 105].

И.Р. Гальперин рассматривает **ретроспекцию** как грамматическую категорию текста, которая объединяет «формы языкового выражения, относящие читателя к предшествующей содержательно-фактуальной информации» [3, с. 106]. Термин **ретроспекция** истолкован в «Учебном словаре лингвистических терминов» Л.А. Брусенской, Г.Ф. Гавриловой, Н.В. Малычевой как форма временного континуума, которая останавливает линейное развёртывание текста и благодаря которой читатель проникает в «связь времён»

[2]. И.Р. Гальперин отмечает, что ретроспекция проявляется:

а) когда информация была уже представлена в тексте и автор либо сам читатель к ней возвращается;

б) когда предшествующая информация только репрезентируется, «прерывая поступательное движение текста, то есть происходит перестановка временных планов повествования» [3, с. 106].

Учёный считает, что ретроспекция как категория текста обусловлена целенаправленным действием со стороны автора, который умело вызывает в памяти читателя необходимые сведения. Ретроспекция воплощает такие авторские замыслы:

а) напоминание читателю ранее представленных сведений или описание иных событий, которые произошли в прошлом и в данный момент необходимы для дальнейшего понимания развития событий;

б) подведение читателя к необходимости переосмыслить сведения о прошлом при новых обстоятельствах и в другом контексте;

в) актуализация отдельных частей текста, опосредованно относящихся «к содержательно-концептуальной информации» [3, с. 106].

Различают два вида ретроспекции: **объективно-авторскую** и **субъективно-читательскую**.

Объективно-авторская ретроспекция представляется автором произведения, который преследует определённую цель воздействия на читателя, возвращает к определённым событиям текста. Могут быть использованы такие выражения, как *ему вспомнилось <...>*; *и снова перед ней события прошлого <...>*; *читатель помнит, что <...>*

и подобные. На наш взгляд, только объективно-авторская ретроспекция может быть выражена эксплицитно. Рассмотрим пример. *Ласточка с щебетаньем влетела в сенцы и опять унеслась стрелою на воздух. Гриша вздрогнул и долго следил за ней в небе. **Вспомнилось** нынешнее утро, купальня, балкон, теплица – и всё это вдруг показалось чужим и далёким... Он постоял перед дверью в избу, тихо отворил её* [1, т. 1, с. 275]. Щебетанье птицы напомнило Грише беззаботное утро, но он уже успел окунуться в иной мир, проникнуться взглядами другого человека, поэтому и прошлые события собственной жизни выступают уже в ином свете, ракурсе, будто прошло не несколько часов, а целая жизнь.

Субъективно-читательская ретроспекция – результат «индивидуального творческого восприятия континуума повествования» [3, с. 107]. Данная ретроспекция может возникнуть с помощью авторских композиционных изменений или полностью от мироощущения и восприятия читателем. На наш взгляд, субъективно-читательская ретроспекция всегда выражена имплицитно, без явных указаний и отсылок в тексте. Она зависит от того, что же вызвало в памяти прочитанные строки: «оригинальная мысль или необычная форма изложения, повлёкшая за собой некоторое усилие читателя для адекватного восприятия сообщения, или стилистический приём, или близость описываемого факта личному жизненному опыту читателя, или внезапно возникшая ассоциация» [3, с. 111].

Ретроспекция может репрезентировать себя в эпилоге, послесловии или заключении. «Значение анализируемой категории заключается ещё и в том, что

она интегрирует временные срезы произведения. Иными словами, ретроспекция заставляет рассматривать текст с точки зрения прошлого, настоящего и в определённых условиях – будущего» [3, с. 107]. Такие рассказы, как «Дело корнета Елагина», «Лёгкое дыхание», начинаются с конца. Сначала описан результат, свершившийся факт, а далее автор переносит читателя в прошлое и объясняет поступки героев, описывает события. Сама композиция произведения представляет интересное переплетение временных сдвигов. Рассказ «Лёгкое дыхание» начинается с описания могилы Оли Мещерской, а повествование о её жизни и о причинах, приведших к такому трагическому концу – ретроспекция.

Проспекция – грамматическая категория текста, которая объединяет «различные языковые формы отнесения содержательно-фактуальной информации к тому, о чём речь будет идти в последующих частях текста» [3, с. 112]. Учёный выделяет **объективно-авторскую** и **субъективно-читательскую** проспекцию. Объективно-авторская проспекция эксплицируется с помощью таких выражений, как *забегая вперёд <...>; как будет указано ниже <...>; он и не подозревал, что через несколько дней <...>* и подобных. Приведём пример из произведений И.А. Бунина. *Я разделся и упал в постель с головокружением, но уснул сладко и мгновенно, разбитый счастьем и усталостью, совсем не подозревая, какое великое несчастье ждёт меня впереди, что шутки Сони окажутся не шутками* [1, т. 4, с. 123]. Проспекция настраивает читателя на то, что дальнейшие события будут трагичны и судьбоносны для главного героя. С самого начала рас-

сказа обращается внимание на детали и мелочи, которые так важны для героя. С помощью проспекции и прошедшего времени повествования представляется, что человек уже прожил описываемые события, но они важны и тревожат его душу. Проспекция в данном примере имеет оттенок предвидения и неотвратимости будущего исхода.

Субъективно-читательская проспекция, как и субъективно-читательская ретроспекция, выражена имплицитно, «читатель может предугадать, что последует дальше в связи с отдельными актуализованными частями текста» [3, с. 112]. В связи с этим И.Р. Гальперин рассматривает эффект обманутого ожидания, что считает нарушением субъективно-читательской проспекции, которая возникает в процессе последовательного описания и развёртывания событий. «В таких случаях проспекция вызывает ретроспекцию – стремление обратиться назад к заголовку и к содержательно-фактуальной информации с целью найти причинно-следственные связи в изложении фабулы, ведущие к логическому завершению сообщения» [3, с. 113].

Проспекция представлена в предисловии, прологе, эпиграфе, введении. Например, эпиграф рассказа «Худая трава»: *Худая трава из поля вон! Пословица*. В «Словаре русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова приведено такое толкование: *Худую (дурную, сорную) траву из поля вон*. Кому-либо дурному, вредному и тому подобное не место в коллективе, обществе, от него охотно избавляются [4, с. 346]. Проспекция даёт представление читателю о том, что речь будет идти о лишнем человеке. Рассказ описывает не отрицательного героя, а старика, отжив-

шего свой век и лишнего, ненужного в новое время, ослабевшего и ждущего свой уход в иной мир.

Ретроспекция и проспекция репрезентируется в тексте с помощью неопределённых местоименных наречий *когда-то, некогда, когда-нибудь*. «Наречия с семантикой времени способны давать субъективную, вовсе не конкретную, неопределённую темпоральную оценку действию. Логикопонятийная интерпретация неопределённых местоименных наречий вполне очевидна: они отсылают в другое время» [7, с. 158]. Данные наречия могут употребляться и в ретроспективном, и в проспективном значении, «они могут находиться в синтагматической связи с глаголами и прошедшего, и будущего времени, выражая при этом разные темпоральные отношения» [7, с. 158]. *Но те, пухнувшие от голода, казанские мужики не отделялись от газетных строк; а это не казанские мужики, это истомился и свалился с ног и скончался на холодной печке Мишка Шмырёнок, с которым он **когда-то**, как с родным братом, спал на своей детской кроватке, звонко переключался, купаясь в пруде, ловил головастиков* [1, т. 1, с. 197]. Смерть друга вызывает у героя яркие воспоминания о детстве, проведённом вместе. С помощью ретроспекции автор раскрывает глубину трагедии героя, потерявшего близкого человека; последствия голода становятся не отдалёнными, а оглушающими, глубоко личными. По словам П.А. Леканта, «эмоциональность многогранна, многоцветна» [5, с. 24].

*И ведь главное что? Какой-то там Кай смертен, ergo умру и я, да ведь **когда-то** ещё это будет! Но тут, к сожалению, дело совсем иное: **не когда-то**, а че-*

рез год [1, т. 3, с. 50]. В данном примере наблюдается проспекция, которая вызывает ощущение безысходности, неотвратимости приближающейся смерти.

Черны были палатки таинственных азиатских кочевников, «царей-пастихов», несметной ратью охватившие некогда Египет на целых пятьсот лет [1, т. 2, с. 40]. Ретроспекция возвращает читателя во времена далёкого прошлого, приводится как исторический факт, подтверждающий истинность событий.

Ты, который некогда пройдёшь по могиле поэта, вспомяни поэта добрым словом! [1, т. 2, с. 24]. Проспекция выражается в виде призыва к будущим поколениям, представляет ирреальную модальность побудительного наклонения с невозможностью определения синтаксического времени.

Ему давно хотелось узнать какое-нибудь ремесло и потому, что это полезно для здоровья, и потому, что ког-

да-нибудь будет приятно показать, что вот он образованный человек, умеет работать и простую работу [1, т. 1, с. 273]. В произведениях И.А. Бунина темпоральное наречие *когда-нибудь* употребляется только в проспекции, имеющей значение положительного результата действия, достижение которого займёт неопределённое количество времени.

Как показал предпринятый анализ, понятия ретроспекции и проспекции в художественном произведении тесно связаны с композицией, авторским замыслом и непосредственно с индивидуально-читательским восприятием. Имплицитность и эксплицитность выражения зависит от вида ретроспекции / проспекции. На наш взгляд, интересно сочетание последовательности, разорванности и одновременно связности текста во временном аспекте, к чему приводят ретроспективные и проспективные конструкции.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бунин И.А. Собрание сочинений в 4 томах. М.: Издательство «Правда», 1988.
2. Ретроспекция // Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф., Малычева Н.В. Учебный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. 256 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://metropolys.ru/artic/17/06/t-0308-12461.html> (дата обращения 10.04.2016).
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2007. 144 с.
4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 пословиц и поговорок. 4-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1991. 534 с.
5. Лекант П.А. Образные средства экспрессии и эмоциональности в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2013. № 6. С. 24-27.
6. Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное (На материале английского языка). М.: Высшая школа, 1979. 221 с.
7. Шаповалова Т.Е. О темпоральной семантике конструкций с наречиями КОГДА-ТО, НЕКОГДА, КОГДА-НИБУДЬ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 1. С. 158-160.

REFERENCES:

1. Bunin I.A. Sbranie sochinenii v 4 tomakh [Collected works in 4 volumes]. M., Izdatel'stvo «Pravda», 1988.

2. Retrospektsiya [Retrospection] Brusenskaya L.A, Gavrilova G.F, Malycheva N.V. Uchebnyi slovar' lingvisticheskikh terminov [Elektronnyi resurs] [Brusenskaya L.A., Gavrilova G.F, Malycheva N.V. Study dictionary of linguistic terms [E-source]]. Rostov-on-Don: Feniks, 2005. 256 p. URL: <http://metropolys.ru/artic/17/06/t-0308-12461.html> (request date 10.04.2016)
3. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya [The text as an object of linguistic research]. М., KomKniga, 2007. 144 p.
4. Zhukov V.P. Slovar' russkikh poslovits i pogovorok: okolo 1200 poslovits i pogovorok [Dictionary of Russian Proverbs and sayings: around 1200 Proverbs and sayings]. М., Russkii yazyk, 1991. 534 p.
5. Lekant P.A. Obraznye sredstva ekspressii i emotsional'nosti v poeme M.YU. Lermontova «Demon» [Figurative means of expression and emotionality in Lermontov's poem "Demon"] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2013. no. 6. pp. 24–27.
6. Turaeva Z.YA. Kategoriya vremeni. Vremya grammaticheskoe i vremya khudozhestvennoe (Na materiale angliiskogo yazyka) [The category of time. Grammatical time and artistic time (on a material of the English language)]. М., Vysshaya shkola, 1979. 221 p.
7. Shapovalova T.E. O temporal'noi semantike konstruksii s narechiyami KOGDA-TO, NEKOGDA, KOGDA-NIBUD [On the semantics of temporal constructions with adverbs kogda-to, nekogds, kogda-nibud] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2007. no. 1. pp. 158–160.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малинская Татьяна Владимировна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета;
e-mail: htgytdf@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tatyana Malinskaya – the applicant of department of Modern Russian at Moscow State Regional University;
e-mail: htgytdf@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Малинская Т.В. Понятия проспекции и ретроспекции (на материале произведений И.А. Бунина) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 58-63.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-58-63

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Malinskaya. Concepts prospection and retrospection (on the material of I. Bunin works) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 58-63.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-58-63

УДК 81-112

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-64-69

О КНИЖНОЙ СПРАВЕ МАКСИМА ГРЕКА НА ПРИМЕРЕ ПСАЛТИРИ 1552 ГОДА

Мурзина Н.В.

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается один из аспектов книжной справки Максима Грека на примере Псалтири 1552 года. В этой статье анализируются глаголы в форме прошедшего времени. Также рассматриваются лексические варианты. Представленные разночтения являются ценным материалом для исследования сложных процессов, происходивших в развитии русского литературного языка в период с XVI по XVIII века. Автор привлекает новый языковой материал, подтверждающий вклад переводчика и справщика Максима Грека в процесс отработки стилистических норм русского литературного языка.

Ключевые слова: книжная справка Максима Грека, Псалтирь, совершенные формы, аористные формы, лексические замены.

ON MAXIMUS THE GREEK'S BOOK CORRECTIONS ON THE EXAMPLE OF PSALMS 1552

N. Murzina

*Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
17, Severnaya Dvina emb., 17, Arkhangelsk, Russian Federation, 163002*

Abstract. In the article one of aspects of Maximus the Greek's book corrections on the example of Psalms 1552 is considered. The paper deals with verbs in the form of past tense, as well as lexical options. Presented discrepancies are a valuable material for the study of complex processes in the development of the literary language in the period from 16th to 18th century. The author uses new language material that confirmed Maximus the Greek's contribution as a translator and a corrector to process of working out the stylistic standards of the Russian literary language.

Keywords: Maximus the Greek's book corrections, psalm, perfect forms, aoristic forms, lexical substitutions.

С именем афонского монаха Максима Грека связано понятие первых книжных справ с точки зрения грамматического подхода к языку и тексту. Максим Грек (Максим Святогорец) – русский писатель греческого происхождения, публицист, переводчик, богослов, византийский книжник-энциклопедист. Максим Грек получил филологическую подготовку в Греции и в Италии, переводил и комментировал греческие и латинские тексты в типографии Альда Мануция, в библиотеке

Джованни-Франческо Пико дела Мирандола.

Учёный грек воспринимает церковнославянский текст как несовершенную модель греческого языка, которую следует улучшить, принимая греческий язык за образец, но он не учитывает специфики русского извода церковнославянского языка, считая, что нужно более точно передавать греческий текст в церковнославянском переводе с опорой на греческую грамматику. Учёный следует нормам русского письма, сформировавшимся ещё во второй половине XV в. В текстах этого периода не только в грамматике, но и в орфографии «проявляются южнославянские и греческие черты, так же как и в ранних русских текстах XI в.» [8, с. 120]. Максим Грек считает, что ошибки в богослужебных текстах возникают не только из-за незнания греческого языка переписчиками, но и по причине неумения сопоставить элементы книжного и некнижного языка.

Книжник «стремится к наиболее точной передаче греческого текста в церковнославянском переводе, к воплощению в церковнославянском тексте наибольшего объёма лексической и грамматической информации, содержащейся в греческом первоисточнике» [6, с. 248].

Святогорец применяет для снятия омонимии в глагольной парадигме прошедшего времени 2-ого и 3-его лица ед. числа – аориста и имперфекта – форму 2-ого лица ед. числа перфекта. «Инновация Максима заключается не во введении перфектных форм в функции аориста и имперфекта, но в установлении единообразия глагольных форм 2-ого л. ед. ч. простого прошедшего времени» [6, с. 249]. Е.В. Кра-

вец отмечает: «Введение перфектной формы 3-его л. на месте аористной обусловлено лингвостилистическими причинами – стремлением Максима сблизить книжный и разговорный языки» [6, с. 268].

Данную особенность языка Максима Грека следует рассмотреть на примере списка Псалтири (XVI век), которая находится в РГБ в собрании Троице-Сергиевой лавры, ф. 304. I, № 62. Рукопись написана на бумаге на 216 листах крупным чётким полууставом, в четверть, в столбец в 21-22 строки на листе, одним почерком [4, с. 84]. На первых пяти листах краткое предисловие о Максиме Греке, о переводе данной Псалтири Максимом Греком в 7060 (1552) г. по просьбе монаха Нила Курлятева.

Для анализа языкового материала привлекаются тексты 20 псалмов исследуемого списка Псалтири (3, 4, 5, 8, 9, 10, 11, 15, 16, 17, 20, 21, 22, 29, 30, 31, 34, 35, 37, 38), в которых наблюдается употребление форм перфекта.

В 3 псалме – іако ты порази́лъ еси всѣхъ враждующихъ, съкрѣпи́лъ еси;

в 8 псалме – ты основа́ еси, со́верши́ еси хвалѣ, ѡмѡли́ еси, славою и чѣстїю вѣнча́лъ еси, постави́лъ еси, покори́лъ еси;

в 17 псалме – пологи́ еси лѡкъ мѣднѣи мѡшцы мой, да́лъ ми еси защитенїе спїсенїа, рѡзшири́лъ еси (словообразовательный вариант) стопы моѡ, преподѡсѡлъ мѡ еси, да́лъ ми еси хребетъ, истреби́лъ еси (замена);

в 21 псалме – чего ра́ди оста́вилъ мѡ еси, ізбѡвилъ еси и́, в' перстѣ смѣрти свѣл мѡ еси;

в 29 псалме – іако по́лл мѡ еси, не возвесели́ еси враги моѡ, ісцѣли́ мѡ еси, гдѣи возвелъ еси, сплѡ мѡ еси, да́лъ еси до́броте моѡй силѣ, ѡ́брати́ еси лице, обрати́ еси

сѡрѡвь мою, растерзѡлъ еси вретнице мое, препомсал ма еси веселѣмъ;

в 30 псалме – избѡвилъ ма еси, возненавидѣлъ еси, призрѣлъ еси, спѡслъ еси ѿ нѣ* дшѣ мою, не затвори^а еси в рѣка^х вражѣ^х, поставилъ еси, съкрылъ еси, дѣлалъ еси, оуслыша^а еси;

в 38 псалме – пѡложилъ еси, далъ ма еси, яко ты сотвори^а еси, за беззаконїе наказ^а еси чѣка їста^а еси яко* паучинѣ дшю его.

В остальных псалмах: распространилъ ма еси, далъ еси, вселилъ ма еси, возненавидѣлъ еси, вѣнчалъ еси, сотворилъ еси, сѣлъ еси, запретилъ еси, їма его загладилъ еси (лексическая замена), и грады разорилъ еси (лексическая замена), не остави^а еси, оуслышалъ еси, оумножилъ еси, показалъ ми еси пѣти живота (лексическая замена), далъ еси емѣ, яко превари^а еси вленѣмъ блгости, пѡложилъ еси на главѣ его вѣнѣцъ, далъ еси, оуготова^а еси пре^а мною трапѣзъ, оумастил^а еси елѣо^а главѣ мою, ѡпустилъ еси нечестїе срѣца моего, видѣлъ еси гди, оумножилъ еси, оутвердилъ еси.

Как видно из примеров, автор употребляет глаголы в перфектной форме 2-ого лица ед. числа и не использует глаголы в форме аориста 2-ого лица ед. числа, что свидетельствует об установлении единообразия глагольных форм 2-ого лица ед. числа прошедшего времени Максимом Греком.

Также данная рукопись отличается от других исследуемых нами рукописей лексическими и словообразовательными заменами в данных перфектных формах глагола: в 9 псалме – разорилъ еси вместо разрѣшилъ еси, разрѣшилъ еси, разрѣшилъ еси, в 15 псалме – показалъ еси, показа^а еси вместо сказалъ еси, сказал еси, в 17 псалме – розширилъ еси, ра^ашири^а еси вместо оуширилъ еси, їстребилъ еси вме-

сто потребилъ еси, в 38 псалме – наказа^а еси вместо показалъ еси, показалъ еси.

Лексические замены в Псалтири 1552 года можно отметить не только при переводе глагольных форм, но и при переводе имён существительных. Максим Грек заменяет слово церковь на храмъ: поклонюса къ храмѣ стѡмѣ твоѣмѣ, в прочих рукописях вместо к храмѣ читаем къ цркѣи: поклонюса къ цр^авѣ стѣби твоей. Храмъ – «дом», «хранилище», «вместилище» [9, с. 794], значение слова церковь – «дом Господень», «совокупность всех разумных существ, небесных и земных, т. е. ангелов и людей, под единой главою – Христом», «общество людей, веровавших и верующих во Христа», «общество святых» [9, с. 802].

Такая замена была непривычна для традиционной славянской письменности, так как слово храмъ соответствует греческому τ и не имеет специального религиозного смысла. Но в то время, когда Максим Грек выполнял перевод Псалтири (середина XVI века), у полногласного слова храмъ развивается религиозное значение «место богослужения», что противопоставляется полногласному хоромъ, сохранившему именно первоначальное значение «дом», «ограждённое место».

«Во второй половине XVI в. началось формирование национального литературного языка, поэтому живые связи замен, внесённых переводчиком-справщиком, с общим ходом языкового развития (они проявились достаточно регулярно и отчётливо) дают научные ценные материалы для характеристики этого процесса. Они показывают в какой-то мере, как шла отработка семантических и стилистических норм словоупотребления» [7, с. 127].

Необходимо подчеркнуть большое влияние деятельности Максима Грека на русскую письменную культуру. Взгляды афонского монаха усваивались, защищались и распространялись его последователями, в числе которых был, например, Нил Курлятев. На примере перевода и справ Максима Грека прослеживается история процессов

отработки лексических и стилистических норм русского национального литературного языка в свете эволюции богослужебных книг на церковнославянском языке. Несмотря на то, что у Максима Грека не было прямых продолжателей, его книжная справа во многом предопределила через столетие никоновскую справу.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ваганов И.В. К истории пребывания Максима Грека в России (по материалам русских летописей) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 60. С. 55-61.
2. Журова Л.И. Сочинения Максима Грека в книжной культуре России конца XVI–начала XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 3. С. 3-8.
3. Зайц Н. Неисследованные аспекты сочинений преподобного Максима Грека // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 3. С. 57-58.
4. Записки Отдела рукописей. М.: Изд-во ГБЛ, вып. 22, 1960. С. 84.
5. Кабанков Ю.Н. Максим Грек в контексте русской книжности. Некоторые черты русской книжности конца XV – середины XVI вв. как симптомы кризиса средневекового сознания: автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Владивосток, 2004. 28 с.
6. Кравец Е.В. Книжная справа и переводы Максима Грека как опыт нормализации церковнославянского языка XVI века // Russian Linguistics, XV. 1991. С. 247-279.
7. Ковтун Л.С., Синицына Н.В., Фонкич Б.Л. Максим Грек и славянская Псалтырь (сложение норм литературного языка в переводческой практике XVI в.) // Восточнославянские языки: источники для их изучения. М., 1973. С. 99-127.
8. Ненашева Л.В. Об особенностях русского письма в период так называемого «второго южнославянского влияния» // Филологические науки. 2009. № 3. С. 118-123.
9. Полный церковнославянский словарь / сост. Г. Дьяченко. М., 1993. 1159 с.
10. Синицына Н.В. Рукописная традиция XVI–XVIII вв. собраний сочинений Максима Грека (к постановке вопроса) // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 259-266.

REFERENCES:

1. Vaganov I.V. K istorii prebyvaniya Maksima Greka v Rossii (po materialam russkikh letopisei [To the history of the residence of Maximus the Greek in Russia (on materials of Russian Chronicles)] // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena. 2008. no. 60. pp. 55-61.
2. Zhurova L.I. Sochineniya Maksima Greka v knizhnoi kul'ture Rossii kontsa XVI – nachala XVII v. [Works of Maxim the Greek in the book culture of Russia of the late 16th – early 17th century] // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2008. no. 3. pp. 3-8.
3. Zaits N. Neissledovannye aspekty sochinenii prepodobnogo Maksima Greka [Unexplored aspects of the writings of St. Maximus the Greek] // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. 2013. no. 3. pp. 57-58.
4. Zapiski Otdela rukopisei. Vyp. 22 [Notes of the Department of manuscripts. Iss. 22], Izd-vo GBL, 1960. p. 84.

5. Kabankov Y.U.N. Maksim Grek v kontekste russkoi knizhnosti. Nekotorye cherty russkoi knizhnosti kontsa XV – serediny XVI vv. kak simptomyy krizisa srednevekovogo soznaniya: avtoref. diss ... kand. filolog. nauk. [Maximus the Greek in the context of Russian literature. Some features of the Russian literature of late 15th – the middle of 16th centuries as symptoms of crisis of medieval consciousness: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Vladivostok, 2004. 28 p.
6. Kravets E.V. Knizhnaya sprava i perevody Maksima Greka kak opyt normalizatsii tserkovnoslavlyanskogo yazyka XVI veka [The book corrections and a translation of Maximus the Greek as the experience of the normalization of Church Slavonic language of the 16th century] // Russian Linguistics, XV. 1991. pp. 247–279.
7. Kovtun L.S., Sinitsyna N.V., Fonkich B.L. Maksim Grek i slavyanskaya Psaltyr' (slozhenie norm literaturnogo yazyka v perevodcheskoi praktike XVI v.) [Maximus the Greek and the Slavonic Psalter (the addition of norms of the literary language in the translation practice of the sixteenth century)] Vostochnoslavlyanskii yazyki: istochniki dlya ikh izucheniya [East Slavic languages: the sources for their study]. M., 1973. pp. 99–127.
8. Nenasheva L.V. Ob osobennostyakh russkogo pis'ma v period tak nazyvaemogo «vtorogo yuzhnoslavlyanskogo vliyaniya» [On the peculiarities of Russian letters during the so-called «second South Slavic influence»] // Filologicheskie nauki. 2009. no. 3. pp. 118–123.
9. Polnyi tserkovnoslavlyanskii slovar' / Sost. G. Diachenko [Full Church Slavonic dictionary / Comp. by G. Diachenko]. M., 1993. 1159 p.
10. Sinitsyna N.V. Rukopisnaya traditsiya XVI–XVIII vv. sobranii sochinenii Maksima Greka (k postanovke voprosa) [The manuscript tradition of the 16th–18th centuries of collected works of Maximus the Greek (to the question)] // TODRL [Works of Department of Old Russian Literature]. L., 1971. pp. 259–266.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мурзина Наталья Васильевна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русского языка и речевой коммуникации института филологии и межкультурных коммуникаций Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова г. Архангельска;
e-mail.ru: murzilka135@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalya Murzina – applicant of department of Russian and speech culture at the Institute of Philology and Intercultural Communication of Lomonosov Northern (Arctic) Federal University;
e-mail.ru: murzilka135@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Мурзина Н.В. О книжной справе Максима Грека на примере Псалтири 1552 года // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 64–69.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-64-69

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Murzina. On Maximus the Greek's book corrections on the example of Psalms 1552 // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 64-69.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-64-69

УДК 81-112

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-70-76

ЛЕКСИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ В «ЖИТИИ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО» (НА МАТЕРИАЛЕ СПИСКОВ XV–XVI ВВ.)

Харина М.С.

*Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова
163002, г. Архангельск, набережная Северной Двины, д.17, Российская Федерация*

Аннотация. В данной статье исследуются грамматические формы, которые употребляются в разновременных списках «Жития Сергия Радонежского», написанных в XV и XVI веках. Лексико-морфологические различия могли возникнуть в результате редакторских переделок и правок. Наиболее частые морфологические различия встречаются в именах существительных и в глагольных формах. Авторы текстов стараются избежать повторения во фразах и однокоренных словах, что приводит к разнообразию лексического состава данного произведения. Грамматические варианты имён существительных свидетельствуют о формировании типов склонения и об утрате двойственного числа. Варианты глагольных и причастных форм, замена одних на другие говорят о становлении категории вида в языке писцов.

Ключевые слова: житие, древнерусский язык, морфологические варианты, формы имён существительных, глагольные формы.

LEXICAL-MORPHOLOGICAL VARIANTS IN “THE LIFE OF SERGIUS OF RADONEZH” (BASING ON THE LISTS OF THE 15-16TH CENTURIES)

M. Kharina

*Lomonosov Northern (Arctic) Federal University
17, Severnaya Dvina emb., 17, Arkhangelsk, Russian Federation, 163002*

Abstract. The article investigates grammatical forms used in the lists of “The Life of Sergius of Radonezh” which were written at different times in the 15th and 16th centuries. Lexical-morphological variant readings might have appeared as a result of editing. Morphological differences appear in nouns and verb forms more frequently. Authors of the texts tried to avoid repetition of phrases and cognate words, which leads to the diversity of vocabulary of the work. Grammatical variants of nouns show the formation of declination types and loss of the dual grammatical number. Variants of verb and participle forms, substitution of one kind of forms by others show the appearance of such grammatical category as aspect in the language of writers.

Keywords: hagiography, the Old Russian language, morphological variants, noun forms, verb forms.

«Житие Сергия Радонежского» уже давно привлекает внимание историков, текстологов и литературоведов, поэтому к настоящему времени существует большое число работ, посвящённых исследованию данного произведения. Однако язык древнерусской житийной литературы как таковой не был предметом специального исследования и, таким образом, остался недостаточно изученным историками русского литературного языка.

«Житие преподобного и богоносного отца нашего игумена Сергия чудотворца» Епифаний Премудрый писал в 1317-1418 годах, спустя 26 лет после преставления святого. Известно, что Пахомий Логофет по заказу игумена Троицкого монастыря в 1440-1459 годах переработал «Житие Сергия Радонежского». Это было обусловлено двумя причинами: во-первых, нужно было добавить в текст чудеса, происходящие после обретения мощей святого в 1422 году, во-вторых, текст, созданный Епифанием Премудрым, был слишком велик для литургии и нуждался в сокращении.

Пахомий Логофет переделывал житие несколько раз, количество редакций Пахомия колеблется от двух [7, с. 337] до семи [11]. Также существуют мнения, что первоначальные редакции до нас не дошли [4, с. 145-158; 2, с. 133]. Посмертные чудеса в житии, как считают исследователи, написаны Пахомием Логофетом.

Изучение словарного состава памятников письменности расширяет и обогащает знания о лексике и грамматике русского языка на разных этапах его развития. Лексические варианты (термин Л.П. Жуковской) и лексические и морфологические разночтения

(термин Л.Г. Панина) бывают всегда при создании разных редакций одного памятника письменности [3, с. 88; 10, с. 127]. Причины возникновения лексических разночтений, или вариантов, в каждом конкретном памятнике могли быть своими и зависели от условий бытования произведения: длительности письменной традиции, культурно-языковой среды, редакторских переделок и т. д. В язык переписываемого текста мог целенаправленно вмешаться редактор или писец, или языковые изменения могли появиться в результате различного рода бессознательных ошибок переписчика. Разночтения в списках «Жития Сергия Радонежского» появились, возможно, в результате переделки епифаниевской редакции жития Пахомием Логофетом.

В своём исследовании мы обратились к рукописям и сборникам XV и XVI вв., хранящимся в Отделе рукописей РГБ, в собрании В.М. Ундольского, ф. 310, № 371, а также в собрании библиотеки Троице-Сергиевой лавры, фонд 304/Г, имеющим в своём составе списки «Жития Сергия Радонежского».

Рукопись № 371 написана на бумаге в 4° на 98 листах. Рукопись не датирована. По бумажным знакам можно предположить, что список был создан в третьей четверти XV в. (бумажный знак «голова быка со снежинкой на голове» типа Лихачёв [8] № 511 – 1434 г., № 3851 – 1443 г.; Briquet [12] № 14185 – 1433 г., № 14187 – 1438 г. Встречается также филигрань «кувшин с крестом на крышке» типа Briquet [12] № 12482 – 1474 г.) [9, с. 61-62].

Рукопись № 698 написана чётким полууставом в XVI в., формат в 4° на 182 листах [1, с. 203]. Сборник № 761 также

написан полууставом, в 1487 г. форматом в 8° на 335 листах. Бумажный знак «голова быка» на лл. 277, 286 Piccard [13], XII, № 406 – 1473–1475 гг.; на лл. 23, 24 типа Briquet [12] № 15089 – 1488 г. [1, с. 224]. На листе 334–334об запись, на которой указана дата написания сборника: «В лето 6995 (1487) индикта пятое, на память святых и боговенчаных великих царей и равных Апостолом Костянтина и Елены, матере его, написана книга сия замышлением и старанием раба Божия Феодора Ивановича». «Житие Сергия Радонежского» в данном сборнике находится на листах 28–159 об.

Сборник слов и патериковых повестей № 763 написан полууставом в XV в. форматом в 4° на 422 листах. Рукопись не датирована, предположительно написана около середины или третьей четверти XV в. Бумажные знаки на л. 393 Briquet [12] № 2774 – 1423 г., вар. 1424, 1434, 1435–37, 1436–52, 1439, 1440, 1441, 1443–46, 1447, 1450–56, 1478 гг.; на л. 370 Лихачёв [8] № 975 – 1441 г.; на л. 163, 167 Piccard [13] «голова быка», XIII, № 142 – 1446 г.; на лл. 211, 214 «Мидо и Матто» № 152 – 1446 г.; на л. 271 Лихачёв [8] № 2959 – 1447 г.; на лл. 4, 5 Лихачёв [8] № 2595–2596 – «между 40–50 гг.»; на лл. 27, 28 Briquet [12] № 14823 – 1451 г.; на лл. 90, 91 Лихачёв [8] № 1023 – 1459 г.; на л. 241 Лихачёв [8] № 1022 – 1459 гг.; на л. 39 Лихачёв [8], № 1039 – 1460 г. лл. I–III, 78, 98, 308, 415–419 – XVII в. [1, с. 225]. Житие Сергия и служба святому написана на листах с 1 по 97.

Лексические разночтения, или варианты, вслед за Л.П. Жуковской и Л.Г. Паниным, мы делим на следующие группы: 1) собственно лексические; 2) лексико-фонетические; 3) лексико-морфологические; 4) лексико-сло-

вообразовательные [3, с. 88–110; 10, с. 127–162]. В данной статье исследуются лексико-морфологические варианты, выделенные нами в списках «Жития Сергия Радонежского».

Из особенностей у имён существительных можно отметить варианты форм слова *родитель*, которое употребляется то во множественном числе, то в двойственном, указывая на обоих родителей:

1) в списках № 698 и № 371: и Бга възлюбн и Бго^м спсєнз вы прєвывашє въз всемь повину^ла род^мтелема своима (30–30 об.) – блжєныи же, ѿ чрева м^тре ѡсц^ньныи, прєбываашє въз все^м повину^лася родителемь своимъ (8 об.); род^телїе рекоста (38) – родители оув^тщавал гла (11);

2) в списках № 761 и № 371: ро^мтели (32 об.) – днїє роженїю родїста снз, и нарекоста нма ємѣ Вар^ооломен родителїе (4 об.).

Лексико-морфологические варианты имён существительных встречаются также при употреблении родительного и местного падежей единственного числа, и связано это со становлением склонения основы на **ō*, в которое попадают падежные формы с окончанием -у из склонения основы на **ŷ* в списках № 761 и № 371: въ градѣ Ростовѣ (31) – въ граду^у Ростовоу^у (3 об.), строєние монастырѣ (94 об.) – строєнїє монастырю (47).

В рукописях отмечены варианты в употреблении родительного и винительного падежей единственного числа: надѣася оутѣшенїа прїати (110) – надѣахса оутѣшенїє прїати (24) в списках № 698 и № 371; цѣны не вдасть (112 об.) – цѣнѣ не в'дасть (65) в списках № 761 и № 371.

Чаще всего грамматические варианты встречаются в глагольных фор-

мах, например, использование форм причастия и замена этой формы на глаголы прошедшего времени в других рукописях. Как отмечает В.В. Иванов, «усиление глагольной самостоятельности причастия, ставшего деепричастием, привело к тому, что сочетания с таким деепричастием начали восприниматься в древнерусском языке как самостоятельные предложения <...> и стали соединяться сочинительными союзами с основным глагольным сказуемым: 'Оле́гъ же... оустремиса на Сужда́ль и шедъ Сужда́лю'» [5, с. 377]. Как видно из примера, данные причастные формы воспринимаются как самостоятельные в функции глагола прошедшего времени, то же отмечено и в исследуемых рукописях:

1) в списках № 698 и № 371: варфоломѣа въ сѣмъ крщеніи нарекъ того има (15) – родіста снъ и нарекоста има емѣ Варѣоломен (4 об.), рѣчталъ* его съ многыа прилежаніемъ рѣчаше є. (25) – рѣчитель же его съ многыа прилежаніемъ рѣча (5 об.); а также другие примеры: сѣтворіста (42) – сѣтворше (12 об.), ѿносаѣ (109) – ѿносаще (22 об.), начатъ молебенъ (118) – начаше молѣбенъ (26 об.);

2) в списках № 763 и № 371: шедъ (38) – понде (24), знаманавъ (47) – знаменаетъ (36), познав (62 об.) – позна (64), проценіа проаше (62 об.) – проценіа проса (64), исцелѣ (70 об.) – исцѣлѣвъ (70), исцелѣ (73) – исцѣлѣвъ (82 об.);

3) в списках № 761 и № 371: сѣтворивъ мѣтвѣ (35 об.) сѣтвори мѣтвѣ – (60 об.), дивлахѣса (53) – диващимса (20), шеше (59) – понде (24).

В исследуемых списках писцы заменяют одну глагольную форму на другую:

1) в списках № 698 и № 371: пріидоста (42) – пріидоша (12 об.), двойственное число вместо единственного в форме

аориста; источилъ (108) – источи (21 об.), перфект без связки заменён на аористную форму, обе формы обозначают законченное действие в прошлом;

2) в списках № 763 и № 371: помолимъ (28) – помолю (6), множественное число вместо единственного в форме простого будущего времени; покон малъ пріимаста (32 об.) – малъ покон пріимаахъ (12 об.), двойственное число вместо множественного в форме имперфекта;

3) в списках № 761 и № 371: ми сказѣют (35) – ми сказѣтъ (5 об.), множественное число вместо единственного в форме настоящего времени; источилъ есть (55) – источи (21), перфект со связкой заменён на аорист; презрѣти имат (55) – презри (21), сложная и простая форма будущего времени, въпрошае (64 об.) – въпрошае (27 об.), имперфект заменён на форму настоящего времени.

Глагольные пары с противопоставлением внутри по видовому признаку составляют отдельную группу лексико-морфологических различий, на эту же особенность указывает и Л.Г. Панин [10, с. 137]:

1) в списках № 698 и № 371: змѣли претвараше (81) – претвориса въ змѣи (17), повижеш (110) – подвижаешиса (24 об.), повѣждемъ (127) – повѣжаемъ (41 об.);

2) в списках № 763 и № 371: подвижешиса (38) – подвижаешиса (24 об.);

3) в списках № 761 и № 371: но молимъ (35) – помолю (6 об.), подвижася (42 об.) – подвижаашеся (12), испѣстиса (62) – испѣщаше (25 об.).

Противопоставленность причастных форм разного залога и времени отражают следующие примеры:

1) в списках № 698 и № 371: ѿбѣгъ (112) – бѣгалъ (25 об.), бѣгѣ наказѣющѣ (43) бѣ наказѣа – (85);

2) в списках № 763 и № 371: *согрьвѣзса* (38 об.) – *сзгрьвѣзса* (24 об.), *ѡбъгъз* (39) – *вѣггал* (25 об.), *братъствоу оумножившюса* (52 об.) – *братъствѣ оумножающѣса* (44 об.), *чюдеса часто бываемал* (76 об.) – *чюдеса бывающа* (92);

3) в списках № 761 и № 371: *видевъ* (45 об.) – *видев'ше* (14 об.), *расмотрал* (59 об.) – *расмотривъ* (24 об.).

Оборот «дательный самостоятельный», характерный для книжно-славянского типа литературного языка, в данных агиографических текстах употребляется не всегда, данная синтаксическая конструкция заменяется обстоятельными оборотами:

1) в списках № 763 и № 371: *получившю емоу блгвнѣ* (28 об.) – *полѣчив'ше ѡ него блвеніе* (7), *вы оубо Бгюу попустившю за грѣхи наша, слышано бы* (54) – *вы оубо Бгюу поѣщающюу за грѣхи наша слышано бы* (51), *Бгюу помогшю ти* (55) – *поможеть ти Бъ* (52);

2) в списках № 761 и № 371: *в сен часъ епкпъ Стефанъ градыи пѣтемъ вз гра Москвѣ и противъ монастыра нашего стѣи трѣцѣ поклонѣса* (83 об.) – *вз сен часъ епкпъ Стефануу градѣщюу поутемъ къ градуу Москвѣ и противъ монастыра*

нашего поклонѣса стѣи трѣцѣ (40 об.-41), *вѣтрѣ велію быти в мори* (85 об.) – *вѣтрюу же велію бывшюу в' морѣ* (42 об.). На употребление оборота «дательного самостоятельного» в списках «Жития Сергия Радонежского» указывает и М.В. Иванова [6, с. 158].

Разнообразие форм в употреблении имён существительных: варианты окончаний родительного и местного, родительного и винительного падежей, замена двойственного числа на множественное – свидетельствует о формировании типов склонения имён существительных, причём колебания в падежных окончаниях наблюдаются как в списках XV в., так и в рукописи XVI в. Варианты глагольных и причастных форм в функции предиката и обстоятельства, употребление перфекта без связки вместо аориста, замена оборота «дательный самостоятельный» на обстоятельственные конструкции или простое двусоставное предложение говорят о становлении категории вида в языке, о формировании новых синтаксических отношений, об индивидуальности языка писцов при создании новых редакций «Жития Сергия Радонежского».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Дополнение к печатному описанию: Иларий и Арсений... / Составили С.Н. Травников, Л.В. Тиганова, дополнено Н.Б. Тихомировым. М. 1975. 241 с.
2. Дробленкова Н.Ф. Житие Сергия Радонежского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Вторая половина XIV–XVI вв. Ч. I. А–К. Л., 1988.
3. Жуковская Л.П. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М.: Наука, 1976. 368 с.
4. Зубов В.П. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб: (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского») // ТОДРЛ. Т. 9. М.–Л., 1953. С. 145–158.
5. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
6. Иванова М.В. Древнерусские жития конца XIV–XV веков как источник истории русского литературного языка. М., 1998. 232 с.
7. Колесов В.В. Сергей Радонежский: художественный образ и символ культуры // Жизнь и житие Сергия Радонежского. М. 1991.

8. Лихачёв Н.П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I. 510 с.; Ч. II. 248 с., I–IV; Ч. III. 635 с.
9. Ненасева Л.В. Графические и орфографические особенности памятников русской письменности XV в.: дисс. ... д-ра филол. наук. Архангельск. 2010. 411 с.
10. Панин Л.Г. История церковнославянского языка и лингвистическая текстология. Новосибирск: Изд-во НИИ МИОО НГУ, 1995. 217 с.
11. Яблонский В. Пахомий Серб и его агиографические писания. Биографический и библиографический литературный очерк. СПб., 1908.
12. Briquet C.M. Les filigranes. Amsterdam, 1968. T. I–IV. (Факсимильное издание 1907 г.).
13. Piccard G. Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. Stuttgart, 1996. Bd. 1–3.

REFERENCES:

1. Dopolnenie k pechatnomu opisaniiyu: Ilarii i Arsenii... [Addition to printed description: Hilary and Arsenii...]. M., 1975. 241 p.
2. Droblenkova N.F. Zhitie Sergiya Radonezhskogo [The Life of St. Sergius of Radonezh] // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi. no. 2. Second half XIV–XVI. P. I. A–K. L., 1988.
3. Zhukovskaya L.P. Tekstologiya i yazyk drevneishikh slavyanskikh pamyatnikov [Textual criticism and the language of the oldest Slavic monuments]. M., Nauka, 1976. 368 p.
4. Zubov V.P. Epifanii Premudryi i Pakhomii Serb: (K voprosu o redaktsiyakh «ZHitiya Sergiya Radonezhskogo») [Epiphanius the Wise and Pachomius the Serb: To the issue of editions of the «Life of St. Sergius of Radonezh»] // TODRL. T. 9 [Works of Department of Old-Russian literature. V. 9]. M–L, 1953. pp. 145–158.
5. Ivanov V.V. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka [Historical grammar of the Russian language]. M., Prosveshchenie, 1990. 400 p.
6. Ivanova M.V. Drevnerusskie zhitiya kontsa XIV–XV vekov kak istochnik istorii russkogo literaturnogo yazyka [Old Russian hagiography of the late 14–15th centuries as a source of history of the Russian literary language]. M., 1998. 232 p.
7. Kolesov V.V. Sergii Radonezhskii: khudozhestvennyi obraz i simvol kul'tury [Sergius of Radonezh: the artistic image and character of culture] // ZHizn' i zhitie Sergiya Radonezhskogo [Life and the existence of St. Sergius of Radonezh]. M., 1991.
8. Likhachev N.P. Paleograficheskoe znachenie bumazhnykh vodyanykh znakov. CH. I. 510 s.; CH. II. 248 s., I–IV; CH. III, 635 s. [Paleographic value of paper watermarks. Part I. 510 p.; Part II. 248 p., I–IV; Part III, 635 p.]. SPb., 1899.
9. Nenasheva L.V. Graficheskie i orfograficheskie osobennosti pamyatnikov russkoi pis'mennosti XV v.: dis. ... doktora filol. nauk [Orthographical peculiarities of monuments of Russian literature of the 15th century: thesis of Doctor of Philological sciences]. Arkhangelsk, 2010. 411 p.
10. Panin L.G. Istoriya tserkovnoslavyanskogo yazyka i lingvisticheskaya tekstologiya [The history of the Church Slavonic language and linguistic textology]. Novosibirsk, Izd-vo NII MIOO NGU, 1995. 217 p.
11. Yablonskii V. Pakhomii Serb i ego agiograficheskie pisaniya. Biograficheskii i bibliograficheskii literaturnyi ocherk [Pachomius the Serb and his hagiographic writings. The biographical and bibliographical literature essay]. SPb., 1908.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Харина Мария Сергеевна – ассистент (кафедра русского языка и речевой культуры, Институт филологии и межкультурной коммуникации), Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова;
e-mail: kharina.m@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maria Kharina – assistant at the Department of the Russian language and speech culture, Institute of Philology and Intercultural Communication of Lomonosov Northern (Arctic) Federal University;
e-mail: kharina.m@list.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Харина М.С. Лексико-морфологические варианты в «Житии Сергия Радонежского» (на материале списков XV–XVI вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 70-76.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-70-76

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Kharina. Lexical-morphological variants in “The Life of Sergius of Radonezh” (based on the lists of the 15-16th centuries) // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 70-76.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-70-76

УДК 070

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-77-84

ПРИЗНАКИ ДЕЛОВОГО ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ МЕДИАКОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ

Чекунова М.А.

Российский университет дружбы народов

117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматриваются теоретические и практические основания особенностей эволюции делового общения в современной политико-административной медиакоммуникации с точки зрения нескольких научных дисциплин, приводится анализ научных изысканий по данной проблематике. Автор считает, что, описывая современное развитие политико-административной коммуникации в интернет-пространстве, можно говорить об активной тенденции медиатизации, то есть утраты или ослабления официального начала деловых текстов и усиления медийности, связанных с воздействием новых компьютерно-сетевых технологий и переходом политико-административной коммуникации в информационное медиапространство.

Ключевые слова: деловое общение, медиакоммуникация, политико-административная коммуникация, интернет-пространство, информационное общество.

SIGNS OF THE BUSINESS TEXT IN MODERN POLITICAL- ADMINISTRATIVE MEDIA-COMMUNICATION IN THE INTERNET

M. Chekunova

Russian Peoples' Friendship University

6, Miklukho-Maklay St., Moscow, Russian Federation, 117198

Abstract. In the article, the author gives the theoretical and practical bases of features of evolution of business communication in modern political and administrative media communication from the point of view of several scientific disciplines, and presents the analysis of scientific research on this subject. The author considers that in describing modern development of political and administrative communication in Internet, it is possible to speak about an active tendency of mediatization, that is about loss or weakening of the official beginning of the business texts and intensification of media quality connected with influence of new computer and network technologies and transition of political and administrative communication into information media space.

Keywords: business communication, media communication, political and administrative communication, Internet space, information society.

Традиционно административные коммуникативные акты являются разновидностью официально-деловой коммуникации, которая занимает сегодня весьма существенное место в коммуникационном пространстве и охватывает широкий спектр коммуникативных ситуаций.

Исторически деловая речь в основном реализовалась в письменном формате, изучение которого и стало началом её научного освоения в трудах В.В. Виноградова, А.А. Шахматова, И.И. Срезневского, П.Я. Черных, Б.А. Ларина и др. Стилистические аспекты деловой речи привлекали внимание А.А. Потебни, А.Н. Веселовского, С.Т. Аксакова, Ф.И. Буслаева, Г.О. Винокура, Л.А. Булаховского, Д.Н. Овсяннико-Куликовского и др. Различным отдельным аспектам официально-деловой речи посвящены работы И.С. Вольской, К.А. Логиновой, Т.М. Веселовской, А.Ф. Журавлёва, М.Ю. Федосюка.

Исследователей интересуют лингвостилистические особенности деловых текстов (Н.Н. Разговорова, Т.Б. Иванова и др.), принципы организации делового текста (С.Е. Максимов, Л.Ю. Иванов и др.), логика и композиция делового текста (Н.К. Гарбовский, А. Четсумон и др.). Диссертация М.А. Ширинкиной посвящена анализу вторичного делового текста, что подтверждает развитие устойчивой тенденции к расширению взглядов на функциональность делового текста и проблемы деловой письменной коммуникации с 90-х гг. XX в. Переосмысление сущности деловой речи в современных коммуникативных практиках происходит в монографиях о деловой речи (М.Н. Панова, С.П. Кушнерук и

др.). Особенно значимыми оказались идеи об антропоцентрической парадигме деловой коммуникации (З.И. Гурьева).

Деловое общение – один из самых массовых видов коммуникации, который задействован в экономической, правовой, дипломатической, коммерческой и административной деятельности. В то же время существует некоторое отличие между деловым общением и деловой коммуникацией: общение направлено на совместную деятельность и сотрудничество, а коммуникация просто регламентирует официальные взаимоотношения людей в той или иной сфере общественной жизни.

Свойственная для официально-деловой коммуникации в целом строгая жанровая закреплённость распространяется и на административную разновидность, которая осуществляется в жёстко регламентированных жанрах стандартизированного характера, который проявляется и в языковых, строго отобранных конструкциях, и в жанрово-стилистических доминантах. В общепринятом понимании административными документами являются клишированные тексты, регулирующие деловые отношения между сотрудниками внутри одной организации, а также между различными организациями. К текстам административно-деловой направленности следует отнести различные жанры, большинство из которых имеют письменный формат.

В современных условиях сфера деловой коммуникации и применения деловой речи постоянно расширяется, так как деловые контакты становятся всё более разнообразными и насыщенными.

ми в жизни человека и общества: появляются новые формы деловой коммуникации, требующие нетрадиционных подходов к речевому поведению её участников.

Наиболее устойчивые стилеобразующие факторы официально-делового стиля сформировались в правовой сфере, касающейся юридического, административного, коммерческого видов деятельности, которые определили назначение, тип содержания, цели и задачи общения официально-делового стиля. В сферу применения этого стиля вошло установление норм и регулирование официальных отношений в обществе, поведения людей, а также функционирования организаций и государственных структур. В задачи текстов данного стиля входит сообщение государственных предписаний, а также государства, органа, уполномоченного лица, констатация состояния или положения дел.

Типологическими жанровыми доминантами официально-делового стиля являются точность, не допускающая различных толкований, предписывающе-долженствующая интонация. Другие характеристики свойственны преимущественно официально-деловому стилю, но также присущи в определённой степени и другим стилям: информативность, объективность, отстранённость, конкретность, а также логичность, ясность, лаконичность, стандартизованность.

Известно, что язык деловой коммуникации является инструментом, с помощью которого государство регулирует свои взаимоотношения с обществом и его представителями: «... чтобы эффективно управлять его делами, необходим язык, который мог

бы обеспечить государственно-политическое общение в сфере права, власти и администрации. Эта жизненно важная для социума потребность обуславливает формирование, развитие и совершенствование официально-деловой речи» [2, с. 179]. В таком случае речь и может идти о специализированной области деловой коммуникации – политико-административной, в ситуациях которой государство реализует свою потребность обратной связи с адресатами своих посланий и в то же время предоставляет своим активным гражданам возможность прямого обращения в государственные структуры с предложениями, обращениями, жалобами и т. д.

По мнению О.П. Сологуб, «государственная коммуникация включена в иерархически организованную коммуникативную систему, объединяющую в себе наиболее широкую по объёму социальную коммуникацию, и далее, по мере сужения сферы действия, – политическую коммуникацию. Каждая из указанных коммуникативных сфер обладает специфическими свойствами, которые необходимым образом накладывают свой отпечаток на свойства государственной коммуникации» [3, с. 218]. Социальная интернет-коммуникация сохраняет все основные характеристики внесетевой реальности: и конвенциональность, и клишированность, и нормированность, – однако в то же время черты этих характеристик обостряются под воздействием специфики интернет-технологий.

Политико-административная коммуникация становится важным отдельным направлением политической коммуникации, ведущая задача которого – эффективно реализовать вза-

имодействие власти и общества, наладить постоянный конструктивный диалог с целью создания условий для формирования гражданского общества. Тем самым политико-административная коммуникация занимает важную нишу в системе социальной и политической коммуникации, «является регулирующим и координирующим механизмом во взаимоотношениях государства и общества, обеспечивая стабильность и эффективность функционирования общественного организма в целом» [1, с. 46].

Внутригосударственная политико-административная коммуникация осуществляется на основании их специального функционального предназначения и может рассматриваться как более частная коммуникативная сфера деловой коммуникации в целом. Сфера функционирования деловой политико-административной коммуникации связана в первую очередь с деятельностью субъектов исполнительной власти, осуществляющих управление обществом. Поскольку её ядром является так называемая документная коммуникация, то осуществляется она преимущественно в письменной форме.

Внутренняя структура политико-административной коммуникации опирается на коммуникативное взаимодействие, в котором политики-управленцы, представляющие официальные государственные органы разных уровней, и общество в лице коллективов или отдельных его представителей выступают соответственно как субъект и объект коммуникативного акта. В этой коммуникативной ситуации вырабатывается и определённый язык, позволяющий

совместить интересы общества и государства. Его основой становится государственный язык, исполняющий ряд важных функций и обеспечивающий функционирование государства на официальном уровне.

Язык в сфере политико-административной коммуникации выступает в статусе официального языка, выполняющего различные социальные функции, например, функции обеспечения деятельности государственных учреждений, правовой деятельности, функции осуществления международных отношений, международного общения, образования и др. В то же время богатство коммуникативных ситуаций неизбежно ведёт к его взаимодействию с другими функциональными разновидностями языка. Деловой язык становится основой языка политико-административной коммуникации, хотя на деле его сфера выходит за пределы государственного управления. Статус государственного приобретает, прежде всего, та часть делового языка, которая служит средством общения в производственно-управленческой сфере политико-административной коммуникации. Официальность делового языка предполагает его клишированность, универсальность, отсутствие эмоциональности, что обеспечивает возможность его использования в сфере официально-деловой коммуникации, в том числе и на уровне государственно-административного речевого поведения в ситуации общения с массовой аудиторией. В то же время особенности интернет-коммуникации способствуют модернизации официально-делового языка при сохранении официальности в качестве одной из его стилистиче-

ских конститутивных детерминантных характеристик.

Официально-деловые тексты чаще всего имеют жанровую форму документа, понимание которого в современной жизни весьма многогранно, так как данный термин обладает множественностью значений и может интерпретироваться как в широком, так и в узком смысле. Общим свойством, генерирующим статус официального документа, является регулирующая функция с позиции управляющей стороны, которая осуществляется в целях упорядочивания общественно-политической ситуации в обществе, налаживания постоянного и устойчивого взаимодействия с активной частью населения, которое стремится принимать живое участие в деятельности государства.

Безусловно, различные по назначению документы имеют разную степень официальности, которая влияет на реализацию управляющей функции. Документы организационного характера, направленные на регламентацию деятельности любой официальной структуры, от государства до отдельного руководящего лица, имеют высокую степень официоза, так как крайне формализованы. Их облик и доминантные жанровые характеристики практически остаются неизменными на протяжении десятилетий, и изменения последних лет, связанные с новой эрой информационного общества, их практически не коснулись. Высоким уровнем официоза обладают законодательные документы, которые отражают основополагающие принципы существования и деятельности государства и его органов, а также правила их взаимодействия со всеми

другими общественными структурами, обществом и его отдельными представителями (Конституция, кодексы, законы и др.).

Документы справочно-информационного характера содержат информацию, раскрывающую деятельность официальных государственных органов, часто необходимую для принятия дальнейших управленческих решений. Такие тексты имеют потенциал для существенных языковых и стилистических изменений, так как направлены на группы людей, требующих других взаимоотношений с государственными структурами в условиях формирования гражданского общества. Подобное стремление к демократизации проявляется в модернизации данных текстов и преобразовании их в новые жанровые разновидности. Ярким примером таких текстов являются отчёты о деятельности московского правительства на сайте «Активный гражданин».

Отдельную группу представляют собой документы, которые создаются гражданами, обращающимися в различные инстанции административного управления через электронные приёмные, которые созданы сегодня на сайтах подавляющего большинства чиновников, от президента РФ до руководителя сельского поселения, например, «Задайте вопрос мэру Москвы», «Наш город – портал мэрии Москвы для жалоб и обращений граждан».

Документы, которые регулируют отношения между официальными и частными органами и лицами, можно определить как полуофициальные тексты. В современных условиях общественно-политической коммуникации

их официальность ещё сильнее минимизируется в связи с тем, что коммуникативные акты переходят в сферу неформальной интернет-коммуникации, что оказывает воздействие на общее представление государственной власти и администрации. Перенос процессов порождения и функционирования текста в виртуальное пространство способствует расширению списка коммуникантов и снижению степени официозного пафоса. Участником политико-административной коммуникации в этом случае становится практически любой гражданин, желающий общаться и обмениваться информацией с государственными структурами с целью воздействовать на ход событий и сообща решать управленческие проблемы, например, сайт «Довольный гражданин». Всевозможные обращения граждан, с одной стороны, являются официальным документом, требующим обязательного ответа, а с другой, – естественно, не соблюдают официальную манеру оформления документа, носят во многом личностный характер, который отражается в стиле и языке обращения. В интернет-пространстве такими обращениями становятся и отклики граждан на действия государственных органов, и сообщения в официальные структуры, и заявления, поданные в электронном виде, и различные отзывы и замечания по поводу работы официальных органов управления. Например, на сайте «Написать открытое письмо президенту» можно обратиться ко многим ведущим персонам в политико-административной жизни Российской Федерации, а также присоединиться к уже написанным ранее высказываниям в их адрес.

В этом случае документы, составленные отдельными частными лицами от своего имени, не имеющими достаточной коммуникативной компетенции в составлении деловых текстов, выходят за рамки традиционных жёстких требований к деловой письменной коммуникации, допуская отступления от канонов официально-делового стиля. Причём такая тенденция прослеживается независимо от уровня государственно-административной инстанции, с которой происходит коммуникация. Ослаблению степени официоза также способствует и сокращение временной дистанции, так как в интернете написать любой текст можно непосредственно по горячим следам события. Поэтому такие тексты чаще всего эмоционально окрашены и интонационно экспрессивны, а также по языковому оформлению приближаются к разговорному стилю.

Детерминирующим обстоятельством является то, что функционирование полуофициальных документов такого рода направлено на регулирование официальных взаимоотношений государства в лице его административных представителей и гражданского общества в лице его отдельных представителей. Оно включено в общую государственную систему официально-деловой работы с документами. Характеристики адресата и адресанта при этом расширяются и трансформируются. Однако в целом коммуникативные ситуации такого рода продолжают оставаться в пределах официального делового стиля. Политико-административная или государственная коммуникация является сферой социально-политической коммуникации, а тексты, рождающиеся в

процессе этой коммуникации, – документами различной степени официоза, регулируемыми взаимодействием общества и власти.

В интернет-коммуникации тексты официально-делового стиля сохранили все свои ведущие, определяющие характеристики. Однако, как и тексты других стилей речи, они подверглись в виртуальном пространстве тотальному воздействию разговорного стиля, в связи с чем тональность самых официозных текстов стала более непринуждённой, диалогичной, экспрессивной. Попав в интернет-пространство, деловая речь также начала испытывать на себе воздействие его поведенческих установок демократизма, вольности и свободы. Деловая пе-

реписка в интернете на всех уровнях, включая официальный, политико-административный, государственный, освобождается от утяжеляющих канцеляризмов. Тексты приобрели ориентированность на масс-медиа.

В целом, рассматривая современное состояние политико-административной коммуникации в интернет-пространстве, можно говорить об активных тенденциях медиатизации, то есть утраты или ослабления официоза деловых текстов и усилении их медийности, связанной с воздействием новых компьютерно-сетевых технологий и переходом политико-административной коммуникации в информационное медиапространство.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Громова Т.Н. Государственная коммуникация: теоретическая модель и региональная практика // Теория коммуникации & прикладная коммуникация: сб. науч. тр. / Под общ. ред. И.Н. Розиной. Ростов н/Д.: ИУБиП, 2002. Вып. 1. С. 41-54.
2. Губаева Т.В. Официально-деловая речь: стилистические исследования последних десятилетий // Stylistyka. 1997. Вып. VI: Русская стилистика. С. 174-187.
3. Сологуб О.П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте: монография / под ред. Н.Д. Голева. Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. техн. ун-та, 2008. 332 с.

REFERENCES:

1. Gromova T.N. Gosudarstvennaya kommunikatsiya: teoreticheskaya model' i regional'naya praktika [The state communications: theoretical model and regional practice] // Teoriya kommunikatsii & prikladnaya kommunikatsiya: sb. nauch. tr. [Theory of communication & applied communication: collection of scientific works] / Under the gen. ed. of I.N. Rosina. Rostov-on-Don, IUBiP, 2002. pp. 41-54.
2. Gubaeva T.V. Ofitsial'no-delovaya rech': stilisticheskie issledovaniya poslednikh desyatiletii [The official speech: the stylistic research of the last decades] // Stylistyka. 1997. no. VI: Russian stylistics. pp. 174-187.
3. Sologub O.P. Russkii delovoi tekst v funktsional'no-geneticheskom aspekte: monografiya [Russian business text in the functional-genetic aspect: monograph]. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. gos. tekhn. un-ta, 2008. 332 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чекунова Марина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры массовых коммуникаций Российского университета дружбы народов; email: chekunova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina Chekunova – candidate of Philological Sciences, Department of Mass Media, Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Email: chekunova@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Чекунова М.А. Признаки делового текста в современной политико-административной медиакоммуникации в интернете // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 77-84. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-77-84

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Chekunova. Signs of the business text in modern political-administrative media-communication in the internet // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 77-84. DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-77-84

УДК 81:37/3

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-85-91

НОМИНАЦИИ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА XXI ВЕКА (ИТОГИ ЛИНГВОАССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Черных М.А.

*Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых
600000, г. Владимир, ул. Горького, 87, Российская Федерация*

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению синтагматических возможностей наименований профессионального деятеля. Исследование строится на анализе взаимосвязи ассоциаций в сознании носителей русского языка (по данным направленного ассоциативного эксперимента) и сочетаемости номинаций лиц по профессии, должности, званию и роду деятельности с именами прилагательными в лексикографических источниках, а также в текстах печатных и аудиовизуальных СМИ XXI века. В ходе работы проанализированы совпадения ассоциативных реакций носителей языка, то есть единиц ментальной сферы, с языковыми реализациями, в частности – дискурсивным употреблением и лексикографической фиксацией.

Ключевые слова: ассоциативные реакции, демократизация, имена прилагательные, направленный эксперимент, наименования профессий, номинации лица, носители языка, расширение сочетаемости.

NOMINATIONS OF PERSONS BY PROFESSION IN THE MINDS OF RUSSIAN LANGUAGE SPEAKERS OF THE 21ST CENTURY (THE RESULTS OF LINGUISTIC ASSOCIATION EXPERIMENT)

M. Chernykh

*Alexander and Nikolay Stoletov Vladimir State University
87 Gorky St., Vladimir, Russian Federation, 600000*

Abstract. The article is devoted to the study of syntagmatic nomination possibilities of a professional worker. The research is based on an analysis of the relationship of associations in the minds of Russian speakers (according to the directed association experiment) and the compatibility of the nominations of persons by profession, position, rank, and occupation with adjectives in lexicographical sources, as well as the texts of print and audio media of the 21st century. The author analyzed the matches of associative reactions of native speakers, that is, units of the mental sphere, with language implementations, in particular, the discursive of lexicographic fixation.

Keywords: associative reaction, democratization, adjectives, directed experiment, names of professions, the nomination of a person, native speakers, extension compatibility.

Одним из актуальных вопросов современной теории сочетаемости является расширение синтагматических возможностей ряда единиц, в частности – номинаций лиц по профессии, должности, учёному или воинскому званию и роду деятельности (далее – существительные-НЛП). Расширение лексической сочетаемости, являющееся следствием демократизации русского языка XXI века, подтверждает мысль профессора Н.В. Юдиной о том, что наиболее наглядно явление демократизации проявляется в области лексики и фразеологии [8, с. 75]. В настоящем исследовании поднимается вопрос о проявлении тенденции демократизации в сфере лексической сочетаемости, а именно увеличении синтагматических способностей, на материале группы номинаций лиц по профессии.

Интересно проследить связь ассоциативных реакций носителей языка, то есть ментальной сферы, с вербальным воплощением [1, с. 83], а именно с дискурсивным употреблением и лексикографической фиксацией.

Целью настоящего исследования является выявление совпадений ментальной сферы с современной дискурсивной практикой, то есть анализ вербализации и лексикографической фиксации словосочетаний, построенных по модели «атрибутивный распространитель + имя существительное-НЛП».

Выявление типичных и частотных словосочетаний НЛП в современном русском языке было проведено на материале дискурсивного употребления указанных языковых единиц, а также ассоциативных реакций к списку наиболее частотных номинаций профес-

сий, полученных в ходе проведения лингвоассоциативного эксперимента с носителями русского языка XXI века. Исследование охватило 123 информанта. Каждому участнику было предложено подобрать к списку слов-стимулов имена прилагательные, которые, по его мнению, наиболее удачно описывают определённые номинации профессий.

При обработке данных эксперимента была составлена **ассоциативно-сочетательная база**, состоящая из 1258 неповторяющихся реакций. Ассоциативную базу следует соотнести с **языковым материалом** настоящего исследования, который включает в себя 796 контекстов, показывающих функционирование списка слов-стимулов, включающего существительные-НЛП, в современном русском языке XXI века. Наименования профессий и должностей были выбраны из Общероссийского классификатора ОК 016-94 профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР) [3].

Наименования-стимулы имеют высокий индекс встречаемости в современных печатных и аудиовизуальных СМИ и текстах публицистической литературы XXI века. Обратимся к данным из Частотного словаря современного русского языка О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [2]. Рассмотрим НЛП с индексом частотности более 35. Так, наибольшую частоту употребления имеют следующие единицы: *врач* [173.1], *учёный* [117.4], *учитель* [113.8], *водитель* [65.9], *рабочий* [64.2], *адвокат* [49.3], *продавец* [36.9], *композитор* [35.8].

В ходе анализа ряда лексикографических трудов, а именно Словаря со-

четаемости слов русского языка под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина (далее – Словарь сочетаемости слов русского языка) [7], Частотного словаря современного русского языка О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова [2] и 3 ассоциативных словарей [4; 5; 6]) мы выделили 10 единиц, которые отвечают 3 основным критериям: имеют высокий показатель частотности (8 единиц, исключая наименования *военный* и *начальник*), описаны с точки зрения теории сочетаемости (7 номинаций, исключая лексемы *адвокат*, *водитель*, *военный*) и зафиксированы в словарях ассоциативных норм (8 единиц, исключая номинации *адвокат* и *водитель*).

Обобщим данные, полученные в ходе проведённой работы, и представим анализ лексикографической фиксации и случаев вербального воплощения номинаций лиц по профессии в современной дискурсивной практике.

Для стимулов *адвокат* и *водитель* можно рассчитать процентные показатели вербализации. Так, существительное *адвокат* имеет 113 ассоциативных контекстов, но только 8 единиц из наиболее частотных ассоциаций имеют языковую реализацию. Показатель вербализации для стимула *адвокат* будет равен 7,08 % (при анализе было использовано 53 примера дискурсивного употребления анализируемого слова). Показатель вербализации стимула *водитель* (112 ассоциаций) равен 5,36 % (только 6 реакций получили совпадение с примерами языкового употребления в количестве 50 единиц).

Существительное *военный* (число ассоциаций – 117) зафиксировано в 3 ассоциативных словарях. Так, было выявлено 14 совпадений с данными

словарей, что можно условно приравнять к 11,96 % (показатель лексикографической фиксации). Этот стимул имеет и вербальное воплощение, то есть показатель вербализации равен 4,27 % и основывается на 4 совпадениях с данными словарей и 1 языковым воплощением наиболее частотной реакции по данным лингвоассоциативного эксперимента. При анализе было использовано 52 контекста, извлечённых из СМИ.

Для стимула *врач* (138 ассоциативных реакций) показатель лексикографической фиксации равен 9,42 %, что указывает на 13 совпадений с данными анализируемых словарей. Показатель вербального воплощения 8,69 %, данный результат основан на 12 совпадениях (5 – с данными словарей, 7 – с наиболее частотными реакциями) с 90 примерами дискурсивного употребления.

Следующая номинация – *композитор* (133 ассоциативные реакции) имеет одинаковые индексы лексикографического и вербального воплощения, а именно 6,77 %, то есть все 9 совпадений с данными словарей имеют языковое воплощение (при анализе было использовано 69 единиц, извлечённых из СМИ).

Стимул *начальник* (136 реакций по данным эксперимента) имеет наиболее высокий индекс лексикографической фиксации – 15,44 %, это связано с тем, что нам встретилось 21 совпадение с материалами словарей. Показатель языкового воплощения также самый высокий – 13,97 % (19 совпадений на 100 примеров).

Номинация *продавец* (получено 119 ассоциативных реакций) имеет показатель зафиксированности в словарях

5,04 %, то есть было выявлено 6 совпадений (5 со СССРЯ [7, с. 411], 1 со Славянским ассоциативным словарём [6, с. 110]). Процент вербализации основывается на 12 совпадениях с 59 примерами дискурсивного употребления (6 для данных словарей и 6 для наиболее частотных реакций), что равно 10,08 %.

Для номинации **рабочий** (117 реакций по материалам эксперимента) показатель лексикографической отмеченности равен 11,97 %. Показатель вербального воплощения равен 8,55 %. Рассмотрим данное слово подробнее и проследим совпадения ассоциативных и сочетательных контекстов. В СССРЯ [7, с. 462] 3 контекста совпадают с данными эксперимента: **квалифицированный, опытный, потомственный**. Среди словарей ассоциативных норм можно отметить 12 совпадений: 3 ассоциации, встретившиеся во всех опросах (данные эксперимента, РАС [4] и САНРЯ [5]), а именно слова **грязный, умный, квалифицированный**; 8 реакций, повторившихся в РАС [4] и нашем анализе, то есть прилагательные **трудолюбивый, сильный, серьёзный, простой, трезвый, неопрятный, честный, пьяный**; и последняя реакция зафиксирована в САНРЯ [5] и в ассоциативной базе настоящего исследования – **уставший**. Таким образом, в ходе лексикографического анализа выбранного стимула нам встретилось 14 неповторяющихся контекстов. Проверим, все ли слова функционируют в современном дискурсе. Обратимся к примерам из современных СМИ: *Работодатели наивно полагают, что квалифицированные рабочие сами прибегают* (Российская газета, 03.02.2008); *Увидев, с каким любопытством тот осваива-*

ет профессию, опытный рабочий заметил: «Если с кем и буду возиться – только с этим парнем!» (Российская газета, 03.07.2008); *Самокрутовы – потомственные рабочие. Вся их жизнь связана с судостроительным заводом «Черноморец»* (URL: <http://www.zoomby.ru/watch/moya-bolshaya-semya>). Дата обращения: 23.11.2015, 16.20); *Засаленный и грязный рабочий кряхтит у насоса, которым выкачивают нефть из недр* (Т.В. Солоневич. Записки советской переводчицы (1937)); – *Удивительно: такой худенький и такой маленький и такой сильный рабочий!* (К.М. Станюкович. Похождения одного матроса (1900)); *Тут же висит электрический гайковёрт, и он все гайки этим гайковёртом мгновенно завинчивает. Аккуратный, трезвый рабочий* (В. Дудинцев. Не хлебом единым (1956)); *Так с течением времени этот человек-невидимка стал уважаемым властями не только как прилежный честный рабочий, но и как человек большой скромности и дисциплины* (А.А. Фадеев. Молодая гвардия (1943–1951)); *Посев среди себе подобных уныние и стыд, умный рабочий похвалялся с вальяжной ухмылкой среди одних дураков: «Женитесь, плодитесь...»* (О. Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь, 2001); *Мужчина решил поговорить с пьяным рабочим, который ничего не сделал за день* (Российская газета, 23.09.2014); *Это объясняется тем, что рынок труда в России перенасыщен юристами, экономистами, менеджерами и др., а простых рабочих на рынке сейчас не хватает...* (Российская газета, 20.10.2015).

Примеры для контекстов **неопрятный, серьёзный, трудолюбивый, устав-**

ший не встретились. Таким образом, из 14 лексикографически зафиксированных контекстов только 10 имеют вербальное воплощение. Следует отметить, что контексты для слов *сильный*, *трезвый* и *честный* датируются 1900, 1956 и 1943-1951 годами соответственно.

К стимулу *учёный* с 142 ассоциативными реакциями было получено 7 совпадений, то есть показатель лексикографического воплощения равен 4,93 %. Процент языкового воплощения равен 4,22 % (6 совпадений с современной дискурсивной практикой, основанной для данного слова на 123 примерах). Следует отметить, что оба показателя являются самыми низкими по результатам анализа.

Последняя единица для анализа – стимул *учитель* (131 ассоциативная реакция) имеет 8 совпадений с лексикографическими источниками. Показатель отмеченности в словарях равен 6,11 %. Кроме того, нами было выявлено 8 случаев языковой реализации материалов из словарных статей и 6 совпадений с дискурсивным употреблением для наиболее частотных реакций, полученных в ходе проведения лингвоассоциативного эксперимента. Таким образом, показатель вербального воплощения равен 10,69 % (при анализе было использовано 100 примеров из современных СМИ).

В ходе проведённой работы также можно высчитать суммарный показатель лексикографической отмеченности для 1258 ассоциативных реакций, который будет равен 0,715 % (всего было отмечено 91 совпадение с материалами ССРЯ [7] и данными словарей ассоциативных норм [4]; [5]; [6]). Укажем также общий процент

вербализации, а именно 8,03 % (всего было выявлено 101 совпадение на 796 контекстов дискурсивного употребления). Полученные данные доказывают взаимовлияние ментальной сферы и вербального воплощения, а также подтверждают тезис о связи ассоциаций и сочетаемости единиц в речи.

Можно предположить, что частота реакций в лингвоассоциативном эксперименте не связана с функционированием реализаций сочетательных контекстов в текстах современных СМИ, художественной и публицистической литературы.

В ходе работы мы подтвердили мысль о том, что образ профессионального деятеля в сознании носителей современного русского языка не всегда совпадает с конкретными случаями вербального воплощения, зафиксированными в лексикографических источниках, а также в печатных и аудиовизуальных СМИ XXI века.

Материалы лингвоассоциативного эксперимента позволяют расширить словарные статьи, убедиться в сохранении или изменении сочетаемости (расширении, сужении) ряда частотных номинаций лиц по профессии, должности, учёному или воинскому званию и роду деятельности.

Данные, полученные в настоящем исследовании, дают возможность предположить, что имена существительные – наименования лиц по профессии имеют более высокие синтагматические возможности, чем лексикографически зафиксированные ассоциативно-сочетательные контексты, что позволяет говорить о расширении лексической сочетаемости и атрибутивной валентности указанных единиц в современном русском языке XXI века.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Кобрина Н.А. О соотносимости ментальной сферы и вербализации // Концептуальное пространство языка: Сб. научн. трудов / под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов, 2005. 493 с.
2. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Новый частотный словарь русской лексики. Электронная версия издания: Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения 10.06.2015).
3. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов (ОКПДТР) ОК 016-94. [Электронный ресурс]. URL: <http://professions.org.ru> (дата обращения 10.09.2014).
4. Караулов Ю.Н., Черкасова Г.А., Уфимцева Н.В., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. Т. II. От стимула к реакции: Более 100 000 реакций. М.: АСТ-Астрель, 2002. 784 с., 992 с.
5. САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка А.А. Леонтьева. [Электронный ресурс]. URL: <http://it-claim.ru/projects/asis/leont/index.htm> (дата обращения 30.08.2015).
6. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Караулов Ю.Н., Тарасов Е.Ф. САС – Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский. М., 2004. 800 с.
7. СССРЯ – Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П.Н. Денисова, В.В. Морковкина. М.: Изд-во АСТ, Изд-во Астрель, 1983. 688 с.
8. Юдина Н.В. О некоторых новых явлениях в сочетаемости лексем современного русского языка (на материале атрибутивно-субстантивных комплексов) // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 16. С. 75-84.

REFERENCES:

1. Kobrina N.A. O sootnosimosti mental'noi sfery i verbalizatsii [On the correlation of the mental sphere and verbalization] Kontseptual'noe prostranstvo yazyka: Sb. nauchn. trudov [The conceptual space of language: Coll. scientific works] / Ed. by E.S. Kubryakova. Tambov, 2005. 493 p.
2. Lyashevskaya O.N., Sharov S.A. Novyi chastotnyi slovar' russkoi leksiki. Elektronnyaya versiya izdaniya: Chastotnyi slovar' sovremennogo russkogo yazyka (na materialakh Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). M.: Azbukovnik, 2009. [Elektronnyi resurs]. [New frequency dictionary of the Russian vocabulary. The electronic version of the publication: Frequency dictionary of modern Russian (on materials of the National corpus of the Russian language). M.: Azbukovnik, 2009. [E-source]]. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (request date 10.06.2015)
3. Obshcherossiiskii klassifikator professii rabochikh, dolzhnostei sluzhashchikh i tarifnykh razryadov (OKPDTR) ОК 016-94. [Elektronnyi resurs]. [All-Russian classifier of working professions, positions of employees and wage categories (OKPDTR) ОК 016-94. [E-source]]. URL: <http://professions.org.ru> (request date 10.09.2014)
4. Russkii assotsiativnyi slovar'. V 2 t. / T. I. Ot stimula k reaktzii: Ok. 7000 stimulov. T. II. Ot stimula k reaktzii: Bolee 100 000 reaktzii [Russian associative dictionary. In 2 vols / Vol. 1. From stimulus to response: ab. 7000 incentives. T. II. From stimulus to response: More than 100 000 reactions]. Karaulov YU.N., Cherkasova G.A., Ufimtseva N.V., Sorokin YU.A., Tarasov E.F. M., AST-Astreĭ, 2002. 784 p., 992 p.

5. Slovar' assotsiativnykh norm russkogo yazyka A.A. Leont'eva. [Elektronnyi resurs]. [Dictionary of the associative norms of the Russian language of A. Leontiev. [Electronic resource]]. URL: <http://it-claim.ru/projects/asis/leont/index.htm> (request date 30.08.2015)
6. Slavjanskii assotsiativnyi slovar': russkii, belorusskii, bolgarskii, ukrainskii [Slavic Associative dictionary: Russian, Belarusian, Bulgarian, Ukrainian]. Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Karaulov YU.N., Tarasov E.F. M., 2004. 800 p.
7. Slovar' sochetaemosti slov russkogo yazyka [Dictionary of the Russian words compatibility] / Under the editorship of P.N. Denisov, V.V. Morkovkin. M., Izd-vo AST, Izd-vo Astrel', 1983. 688 p.
8. Yudina N.V. O nekotorykh novykh yavleniyakh v sochetaemosti leksem sovremennogo russkogo yazyka (na materiale atributivno-substantivnykh kompleksov) [Some of the new phenomena in the compatibility of the lexemes of the modern Russian language (based on the attribute-noun complexes)] // Izvestiya RGPU im. A.I. Gertsena. 2006. no. 16. pp. 75–84.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черных Марина Александровна – специалист 1 разряда секретариата Губернатора области Администрация Владимирской области;
e-mail: marina-chernykh-1992@mail.ru;

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina Chernykh – Specialist of 1 category of the Secretariat of the Governor, Administration of Vladimir region;
e-mail: marina-chernykh-1992@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Черных М.А. Номинации лиц по профессии в сознании носителей русского языка XXI века (итоги лингвоассоциативного эксперимента) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 85-91.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-85-91

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

M. Chernykh. Nominations of persons by profession in the minds of Russian language speakers of the 21st century (the results of linguistic association experiment) // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 85-91.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-85-91

РАЗДЕЛ II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.091

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-92-107

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВАЖНОСТИ БИОГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА В ИССЛЕДОВАНИИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПИСАТЕЛЯ Н.Н. ТОЛСТОГО

Белуцова Е.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна»

301214, Тульская область, Щёкинский район, почтовое отделение Ясная Поляна

Аннотация. Статья посвящена проблеме изучения жизни и творчества «малых писателей» на основе биографического метода, являющегося классическим, основанным на принципе «целостности биографии и творчества». Несмотря на то что на невозможность изучать творчество в отрыве от филологического интереса к личности писателя указывали Г.В.Ф. Гегель и В.Г. Белинский, современное литературоведение игнорирует ценные открытия XIX в. В европейской литературе основные положения «Эстетики» Гегеля развил и впервые применил Ш.О. Сент-Бёв. В России этот метод оправдал себя в крупных монографиях И.С. Аксакова о Ф.И. Тютчеве, П.В. Анненкова об А.С. Пушкине, В.И. Шенрока о Н.В. Гоголе, Н.Н. Гусева и Л.Д. Опульской-Громовой о Л.Н. Толстом. Намечены основные этапы биографического исследования жизни и творчества Н.Н. Толстого. Сделаны выводы о причинах незаслуженного отсутствия научного интереса к личности старшего брата Л.Н. Толстого.

Ключевые слова: биография, творчество, жизненный опыт, душевная жизнь, Л.Н. Толстой, семейный архив, письма Н.Н. Толстого.

REFLECTIONS ON THE IMPORTANCE OF BIOGRAPHICAL RESEARCH METHOD OF N. TOLSTOY'S LIFE AND LITERARY WORK

E. Belousova

Moscow State Region University

10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005

Abstract. The paper is devoted to the research of the life and work of “small writers” on the basis of biographical method, which is known to be classical one and founded on the principle of “the unity of biography and creativity”. Despite the fact that the inability to study creative works in isolation from the philological interest in the personality of the writer was pointed out by G. Hegel and V. Belinsky, modern literature ignores the valuable discoveries of the 19th century. In European literature, the main provisions of the Hegel’s “Aesthetics” were developed and first used by Ch.-Aug. Sainte-Beuve, the French critic and writer. In Russia, the importance of this method was proved by I. Aksakov while writing a monograph about F. Tutchev, by P. Annenkov – about A. Pushkin, by V. Shenrock – about N. Gogol, by N. Gusev and L. Opulskaya-Gromova – about L. Tolstoy. In the article, the author has outlined the main stages of thorough research of N. Tolstoy’s biography and literary works. The author has presented the findings concerning the undeserved lack of scientific interest to the personality of Leo Tolstoy’s elder brother.

Keywords: biography, creative activity, life experience, soul life, L. Tolstoy, family archives, N. Tolstoy’s letters.

*«Биография автора становится постоянным – незримым или эксплицированным – спутником его произведений»
Ю.М. Лотман [14, с. 809]*

«Не все русские поэты одинаково обеспечены исследовательскими силами. Интерес к одним – напряжён, непрерывен и неиссякаем: таков Пушкин, окружённый густой толпой пушкинистов. Другие не так популярны, однако обеспечены достаточным количеством специалистов. <...> Но имеются поэты обездоленные, лишённые таких кураторов. И нередко это писатели крупные, от небрежения коими страдает наше общее понимание литературной эволюции. К тому же, вокруг них иногда накапливается большой неисследованный материал, ждущий и призывающий моногра-

фиста» [18, с. 10-11], – писал в 1923 г. известный литературовед Н.К. Пиксанов. Его призыв изучать «малых писателей», круг их друзей, «областные литературные гнёзда» [18, с. 8], где они жили и создавали свои произведения, базировался на принципе «целостности биографии и творчества» [18, с. 10] того или иного субъекта исследования, т. е., с одной стороны, на внимании к фактам жизни писателя, а с другой – на том, как эта жизнь становится «спутником его произведений» [14, с. 809].

Такой масштабный подход особенно актуален и необходим в применении к изучению жизни и творчества челове-

ка, оказавшего огромное влияние на Л.Н. Толстого, но оставшегося почти забытым литературоведами. Совершенно «обездоленным», обойдённым вниманием оказался старший брат писателя Николай Николаевич Толстой. «Мой брат Николай умнее, гораздо умнее меня, и всё, что я имею, я получил от него» [20, с. 406], – говорил о нём Л.Н. Толстой на закате своей жизни. Это признание даёт полное право говорить не только о том, каким большим нравственным авторитетом для писателя с раннего детства был Н.Н. Толстой, но и о воздействии его натуры, одарённой многими талантами, на становление творческого дара Л.Н. Толстого. Лишь условно Н.Н. Толстого можно отнести к разряду «малых писателей», если судить только по количеству произведений: место старшего брата – наставника, первого литературного критика и вдохновителя Л.Н. Толстого – рядом с великим писателем. По этой причине размышления о жизненном и творческом пути Н.Н. Толстого открывают в совершенно неожиданном освещении многие страницы литературной биографии Л.Н. Толстого. Говоря о наследовании всего лучшего от брата, писатель давал установку своим будущим биографам не оставлять в забвении человека, который, по словам Л.Н. Толстого, был «гораздо умнее» [21, с. 406] его. «Великий преемник заслонил собою даровитого предшественника» [15, с. 240], – писал Л.Н. Майков о творческом влиянии К.Н. Батюшкова на А.С. Пушкина. Эта меткая характеристика взаимоотношений поэтов разной величины применима и к братьям Толстым.

Творчество Н.Н. Толстого, как и всех создателей изящных искусств,

необходимо оценивать в свете философии эстетики Г.В.Ф. Гегеля, считавшего, что художник создаёт свои творения «в тех формах и явлениях, образы которых он воспринял» с помощью своего рассудка и «всей глубины чувств и душевных переживаний» [6, т. 1, с. 293], а эти имманентные связи относятся к категориям не количественным, но качественным. Как видим, акцентирован личностный, авторский источник, играющий роль определяющего момента творчества. «Благодаря этому чувству, проникающему и одушевляющему собой целое, – писал Гегель, – материал и его формирование выступают для художника как его подлиннейшее самобытие, как сокровеннейшее достояние его как субъекта. Ибо всякое содержание, становясь образно наглядным, отчуждается, переходит во внешнее состояние, и лишь чувство удерживает его в субъективном единстве с внутренним самобытием» [6, т. 1, с. 293]. В центре философской эстетической системы Гегеля находится художник как субъект, его внутренний мир и его художественная фантазия – одним словом, дана установка на изучение биографии и личности человека, наделённого от Бога талантом и способностями, знакомого с поэтическим вдохновением. Только стремление исследователя понять «внутреннее самобытие» автора позволит правильно оценить содержание его творчества и внутренний контекст, увидеть универсальные нравственные, вечные ценности, питающие все истинно высокие произведения человеческого духа. В этом смысле три очерка Н.Н. Толстого о природе, о растительном и животном мире, об отношении

человека к этому миру¹ и незаконченный рассказ о трагической судьбе кавказского пленника², составляющие всё его художественное наследие, невозможно изучать, не зная «самобытия» автора, его поступков, философских и эстетических воззрений, взаимоотношений с офицерами и солдатами, родными и друзьями. Основой этого духовно-чувственного синтеза, направленного на художественное познание мира, был глубокий самоанализ Н.Н. Толстого. Эта же особенность впоследствии составила «важнейшую, центральную часть творчества [Л.Н.] Толстого» [16, с. 8], как было замечено Д.Н. Овсяннико-Куликовским, одним из основателей психологического направления в дореволюционном отечественном литературоведении. «Как художник-психолог, [Л.Н.] Толстой интересовался преимущественно самим собой и воспроизводил свою собственную душевную жизнь, процессы своего развития, своего самосознания, и его произведения были итогами этих процессов, авторской исповедью» [16, с. 8], – эту верную точку зрения Д.Н. Овсяннико-Куликовского можно применить и к небольшому по объёму творчеству Н.Н. Толстого, который не успел в полной мере развить это свойство на страницах своих очерков и рассказов, однако их внимательный исследователь и читатель понимает, что автор «Охоты на Кавказе» и «Пластуна», изображая всё многообразие видимых, зримых форм окружающего мира, рассказывал и о себе, о своей причастности к Универсуму в единстве его духовно-материальных основ.

¹ «Охота на Кавказе», «Весенние поля», «Заяц» [22].

² «Пластун» [22].

Полное отсутствие исследований жизни Н.Н. Толстого при наличии достаточного базового материала в виде архива его родителей, небольшого количества сохранившихся писем Н.Н. Толстого, архивных документов его студенческих лет и периода военной службы, художественных произведений, дневников и писем Л.Н. Толстого, частной переписки И.С. Тургенева, Н.А. Некрасова, И.И. Панаева, В.П. Боткина, А.А. Фета с их восторженными откликами на появление в журнале «Современник» «Охоты на Кавказе» Н.Н. Толстого, о встречах, беседах и совместных охотах с ним подтверждают наблюдения Н.К. Пиксанова о факте его «обездоленности» вниманием филологов при наличии «большого неисследованного материала», что чрезвычайно обеднило «общее понимание литературной эволюции» Л.Н. Толстого. Это мнение литературоведа совершенно справедливо: изучение всех сохранившихся, хотя и разрозненных документов, как опубликованных, так и архивных, касающихся разных этапов жизни Н.Н. Толстого, помогают лучше понять творчество Л.Н. Толстого, увидеть в его произведениях не только сюжетные композиции, основанные на автобиографическом материале, но и «узнать» в описываемых событиях, характерах и портретных деталях персонажей черты любимого брата. Образ жизни и незаурядное творчество Н.Н. Толстого, восхищавшие писателей, искренне любивших Николеньку³, неизвестны не только широким кру-

³ Это ласково-уменьшительное имя, которым называла своего первенца М.Н. Толстая (урожд. княжна Волконская), останется с ним до конца жизни. Л.Н. Толстой, их родные и друзья всегда именовали его Николенькой.

гам любителей отечественной словесности, но и литературоведам.

Перечисленные первоисточники, имеющие непосредственное отношение к Н.Н. Толстому, являются прекрасной базой для создания научной биографии незаурядной личности, оказавшей огромное нравственное и творческое влияние на Л.Н. Толстого. Они напоминают необработанную целину, которая давно ждёт своего «пахаря» – монографиста.

Биографический метод, незаслуженно игнорируемый современным отечественным литературоведением, нуждается в реабилитации как классический способ «изучения литературы, разработанный в эпоху романтизма французским критиком, поэтом и писателем Шарлем Огюстеном Сент-Бёвом» [13, с. 48], считавшим, что решающее влияние на процесс творчества писателя оказывают его собственный жизненный опыт, факты биографии, в которой важное место занимает генеалогия, особенно история жизни ближайших предков и родителей, их наклонности, нравственное, культурное и интеллектуальное развитие. Эстетическая теория романтизма о культе гения, о почитании незаурядной творческой личности способствовала созданию Сент-Бёвом метода, главная суть которого в следующем: талантливый представитель искусства – это исключительное явление; творчество и его создатель – неразрывное замкнутое единство; литературное произведение неотделимо от своего творца. «Литературные портреты» [20] Сент-Бёва свидетельствуют о пристальном внимании автора к душевной жизни его героев: П. Корнеля, Ж. Лафонтена, М. Монтеня,

Ж.-Ж. Руссо, других художников слова, биографические очерки о которых он создавал в течение двадцати лет – с 1832 по 1852 г. Своим открытием Сент-Бёв засвидетельствовал истинность одного из тезисов «Эстетики» Гегеля: «Создания художника представляют собой то лучшее и истинное, что есть в нём» [6, т. 1, с. 302].

В отличие от французских особенностей биографического метода, нередко допускавшего «излишнюю откровенность <...> подробностей из жизни выдающегося человека» [19], ещё раньше Ш.О. Сент-Бёва, в 1830 г. П.А. Вяземский написал книгу «Фонвизин» [5], положив тем самым начало отечественного жанра литературной биографии. Непреходящей ценностью жизнеописания Д.И. Фонвизина является мнение его автора о том, что недостаточно ограничиться изображением только литературной деятельности своего героя: «Такая биография в значительной степени оставалась в рамках литературно-критической статьи <...> или статьи-предисловия к собранию сочинений писателя. <...> Более соответствующей критериям собственно биографического жанра была попытка реконструировать разностороннюю картину жизни героя <...>. Для этой авторской стратегии наиболее подходящей оказалась форма монографии» [19]. Широкий масштаб биографического метода, предложенный П.А. Вяземским, наиболее приемлем по отношению к писателям, оставившим небольшое творческое наследие, но запечатлённым их родными и современниками в эпистолярной и художественной литературе. К Н.Н. Толстому приемлем именно биографический метод.

Нельзя не упомянуть и первый биографический очерк об А.С. Пушкине, опубликованный в журнале «Современник» в 1838 г., написанный другом поэта П.А. Плетнёвым, однако серьёзное научное истолкование жизни и творчества поэта «в их живом неразрывном единстве» [1, с. 1] впервые предпринял П.В. Анненков в своём труде «Материалы для биографии А.С. Пушкина», над которым работал в 1855-1857 гг. До наших дней эта книга является образцом научной биографии, несмотря на то что в эпоху расцвета социалистического реализма были попытки обличить всех первых биографов поэта в «заведомо-тенденциозном освещении» [4] его жизни и творчества.

Есть и другие классические примеры биографий. Несмотря на то что они написаны о конкретном писателе или поэте, задачи, поставленные их авторами, и по сей день не утратили актуальности и содержат установки, которые чрезвычайно ценны для создания жизнеописаний тех представителей отечественной литературы, которые ещё не удостоились серьёзного внимания учёных. «Проследить, по возможности, самое развитие этой многоодарённой природы, – соотношение её особенных психических условий с условиями бытовыми, общественными, историческими; ту взаимную их связь и зависимость, которая создала, определила и ограничила её жизненный жребий – вот задача, которую мы постараемся разрешить, насколько сумеем, в нашем биографическом очерке» [27, с. 72], – такую цель ставил перед собой И.С. Аксаков при создании книги о Ф.И. Тютчеве и создал непревзойдённый труд, в котором представил «читателям не одну общую оценку литературных останков покой-

ного Тютчева <...>, но самую судьбу, личную и внутреннюю, этого русского таланта» [27, с. 72]. Эти положения выдающегося биографа Ф.И. Тютчева наилучшим образом помогают представить структуру и направление будущей биографии Н.Н. Толстого.

Удивительным образом сходны у Ф.И. Тютчева и Н.Н. Толстого отношения к своей персоне. И.С. Аксаков в начале своей книги пояснил суть этой проблемы. Поскольку она зеркально отражает ситуацию с Н.Н. Толстым, допустимо вставить в слова биографа, относящиеся к Ф.И. Тютчеву, упоминание о человеке, отличавшемся такой же чертой характера: «Он не только не хлопотал никогда о славе между потомками, но не дорожил ею и между современниками <...>. Во сколько такое пренебрежение к своей авторской личности происходило у Тютчева [Н.Н. Толстого] от врождённой ему беспечности и лени, во столько же, если не более, от особого рода скромности, смирения и от иных нравственных причин» [27, с. 72-73]. Так же, как и Ф.И. Тютчев, Н.Н. Толстой «никогда ни сам не занимался, не занимал и других собственной персоной» [27, с. 73].

В.И. Шенрок, один из первых биографов Н.В. Гоголя, нашёл очень верные слова для обоснования биографического метода, ставшего основополагающим в его труде «Материалы для биографии Гоголя»: «Изучение жизни наших лучших писателей должно представлять для нас предмет высокого интереса. Разработка биографических данных, даже в самых маленьких размерах, является с одной стороны нашим долгом, а с другой – естественной посильной данью глубокого благоговения и признательности к деятельности тех, чьей памя-

тью справедливо дорожит и гордится образованная часть нашего общества» [30, т. 1, с. 2]. Приближаясь к завершению своего труда, он планировал снова вернуться к описанию жизни и творчества Гоголя, «чтобы обработать его в окончательной форме (т. е. в виде уже не «материалов», а самой биографии)» [30, т. 4, с. III]. Как видим, В.И. Шенрок собирался доработать монографию о Гоголе, включив в неё максимальное количество биографического материала.

«Предметом высокого интереса» [30, т. 1, с. 2] для филологов, изучающих творчество Л.Н. Толстого, является всё, касающееся жизни и творчества великого писателя. «Самые маленькие размеры» [30, т. 1, с. 2] исследований о его старшем брате Н.Н. Толстом побуждают восполнить этот существенный недостаток в области толстоведения. Верным ориентиром и образцом в этом начинании служат классические монографии о Д.И. Фонвизине, А.С. Пушкине, Ф.И. Тютчеве, Н.В. Гоголе, К.Н. Батюшкове, созданные в XIX в., упомянутые выше, а также написанные в первой половине XX в. труды П.И. Бирюкова¹ и Н.Н. Гусева²,

¹ П.И. Бирюков начал собирать материалы к биографии Л.Н. Толстого в 1901 г. Первое издание двухтомной «Биографии» относится к 1906 и 1908 гг.

² Н.Н. Гусев изучал биографию Л.Н. Толстого с 1907 г. по 1967 г., т. е. до конца своей жизни. Статьи о Толстом, основанные на биографическом материале, выходили в свет с 1912 г. Во время работы в составе редакционной коллегии Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого в 90 томах он написал комментарии ко многим произведениям. Главным делом жизни Н.Н. Гусева стали два больших тома «Летописей жизни и творчества Л.Н. Толстого» (М., 1958; М., 1960) и четыре тома «Материалов к биографии» писателя, охватившие период его жизни с 1828 по 1885 г., которые выходили в свет с 1954 г. по 1970 г.

первых прижизненных биографов Л.Н. Толстого. Достойным преемником их трудов стала Л.Д. Громова-Опульская, крупнейший литературовед XX в., опубликовавшая в 1979 г. «Материалы к биографии Л.Н. Толстого с 1886 по 1892 год», а в 1998 г. – «Материалы к биографии Л.Н. Толстого с 1892 по 1899 год» [7-8]. Это были книги, продолжившие серию «Материалов к биографии...» [9-12] писателя, первым автором которых был секретарь писателя Н.Н. Гусев, учитель и наставник Л.Д. Громовой-Опульской. Несмотря на то что полвека её научной деятельности отдано преимущественно текстологии русской литературы, она по праву носит звание «самого авторитетнейшего биографа Толстого» [17].

По наблюдению Ю.М. Лотмана, и во второй половине XX в. наблюдался повышенный интерес «к резкой актуализации категории авторской личности и, следовательно, к обострению проблемы биографии» [14, с. 804]. Он призывал учёных исследовать проблему «типологического соотношения текста и личности автора» [14, с. 804].

Жизнь и творчество Н.Н. Толстого ни разу серьёзно не исследовались; поэтому и поставленная Ю.М. Лотманом проблема о «соотношении текста и личности» [14, с. 804] в применении к старшему брату Л.Н. Толстого никогда не поднималась. Тем не менее все существующие попытки изучения заслуживают внимания, потому что свидетельствуют о том, что личность талантливого Н.Н. Толстого, наделённого большими художественными способностями и духовными дарованиями, периодически привлекала внимание как его современников, так и учёных в XX в.

Самым важным источником биографических сведений о Николеньке является частично сохранившийся архив матери, М.Н. Толстой (урожд. княжны Волконской), а также дневники и письма Л.Н. Толстого [23], где имя старшего брата овеяно безграничной любовью и восхищением. Желание подражать ему в повседневной жизни, читать те же книги, быть постоянно вместе – главные стремления Л.Н. Толстого с детства. Ближе к последней черте – просьба быть похороненным «в память Николеньки» [23, т. 34, с. 386] на месте «Зелёной палочки»¹. Сохранившаяся фрагментарно детская переписка братьев и сестры Толстых конца 1830-х – начала 1840-х гг., письма Н.Н. Толстого 1840-х – 1860-х гг. и материалы некоторых Российских архивов дополняют названную выше базу первоисточников. Все биографы Л.Н. Толстого обращались только к некоторым сюжетам этих материалов. Для создания целостного образа Н.Н. Толстого не обойтись без скрупулёзного выстраивания год за годом и даже иногда день за днём картины его жизни. Результаты разработки этой самоценной и давно назревшей пробле-

¹ Десятилетний Николенька «объявил нам, что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми, не будет ни болезней, никаких неприятностей, никто ни на кого не будет сердиться и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями. <...> Эта тайна была, как он нам говорил, написана им на зелёной палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я, так как надо же где-нибудь зарыть мой труп, просил в память Николеньки закопать меня» [19, т. 34, с. 386], – так писал Л.Н. Толстой в «Воспоминаниях» в 1904 г. Желание быть похороненным на указанном месте «в память Николеньки» в июне 1910 г. было закреплено юридически в «Завещании».

мы неотделимы от всего, что связано с Л.Н. Толстым, поскольку дополняют обширную историографию толстоведения или позволяют по-новому взглянуть на уже известное.

«Художник по призванию есть всегда предмет, достойный внимания нашего, на какой бы ступени художественного совершенства ни стоял он, как бы ни было невелико его творческое дарование» [2, т. 1, с. 210], – писал В.Г. Белинский в статье «Стихотворения Кольцова». Опытный критик и тончайший знаток литературы справедливо указывал на то, что внимание к художнику не должно измеряться количеством созданных им произведений. Он писал это в связи с замеченной им тенденцией умолчания о малоизвестных писателях и просил проявить заинтересованность к «звёздам» второго ряда: «Хвала и поклонение наше гению, хвала и удивление высокому таланту! – Но не откажем же хотя во внимании и этому меньшому и юнейшему сыну неба! <...> Таланты нельзя рассматривать вне обстоятельств их жизни, потому что этими обстоятельствами <...> определяется, что они могли бы сделать и почему они сделали столько, а не столько, так, а не так» [2, т. 1, с. 210-211]. Краеугольным камнем рекомендаций критика по изучению «меньших и юнейших» талантов служила установка на историко-биографическую методологию научного исследования.

Советы В.Г. Белинского и опыт литературоведов, создавших свои монографические труды, которые были упомянуты в начале данной статьи, а также характер материала о Н.Н. Толстом, как опубликованного, так и архивного, максимально малая степень

изученности этого материала – весь этот теоретический и исторический контекст помогает определить характер исследования жизни и творчества Н.Н. Толстого как монографическое, предполагающее полное и всестороннее исследование жизненных, творческих и духовно-нравственных взаимосвязей талантливого Николая и гениального Льва, на закате жизни сказавшего о старшем брате: «Всему, что во мне есть хорошего, я обязан Николеньке» [22, т. 1, с. 38].

Для более наглядного изображения концептуально-хронологической схемы исследования необходимо обозначить её основные вехи, главными из которых является, во-первых, принадлежность Толстых к одному из самых прославленных дворянских родов России, а во-вторых, факт огромного нравственного и творческого влияния Н.Н. Толстого на младшего брата.

Все представители рода Волконских-Толстых были воспитаны в соответствии с высокими моральными идеалами, взрастившими многие поколения их доблестных предков – Рюриковичей. «Духовное и генетическое влияние матери на ребёнка столь велико, что его вообще можно назвать главнейшим фактором формирования человеческой личности. Дитя зарождается под сердцем матери и долго живёт с ней физиологически одной органической жизнью в период плодоношения. С рождением ребёнка материнская любовь становится основой его воспитания. Любовь эта не прерывается даже со смертью, ибо любовь “не престаёт”, продолжаясь в вечности» [31, с. 55], – таково официальное мнение современной науки о генетике и наследственности человека,

подтверждённое многочисленными фактами. Эта аксиома даёт основание для уверенности в том, что от своей матери Марии Николаевны Толстой, урождённой княжны Волконской, дети Толстые восприняли всё самое лучшее из векового наследия Рюриковичей, многократно, из века в век украшавшего святостью своих лучших сынов и дочерей. «Многие представители рода Волконских-Толстых стали гражданами Царства Небесного, присоединив к блистающей короне Святой Руси и свои драгоценности – предстательство пред Господом и за своих прямых потомков, и за тех, кто молитвенно обращается к их помощи» [3, с. 15].

Фактологические первоисточники, перечисленные выше, дают возможность расположить материалы к биографии Н.Н. Толстого по следующей схеме:

1. Рождение первенца Николеньки в семье Николая Ильича и Марии Николаевны Толстых 21 июня 1823 г.; первые семь лет жизни – «счастливая, счастливая, невозвратимая пора детства» [24, т. 1 (1), с. 45], закончившаяся потерей матери в августе 1830 г.; отрочество, в день окончания которого 21 июня 1837 г. умер отец; Николеньке в тот день исполнилось четырнадцать лет.

2. 1837-1845 гг.: юность и два университета – Московский и Казанский.

3. 1846-1858 гг.: молодость, военная служба на Кавказе. Приезд Л.Н. Толстого на Кавказ. Начало литературной деятельности братьев. 1857 г.: публикация в февральской книжке «Современника» очерков Н.Н. Толстого «Охота на Кавказе».

4. Литературные взаимосвязи и творческие переклички с С.Т. Аксаковым, И.С. Тургеневым и Л.Н. Толстым.

5. 1860 г.: последний год жизни. Лечение в Содене и Гиере. Изменение характера творчества – работа-размышление над переводом Библии Лютера на русский язык. Кончина на руках Л.Н. Толстого 20 сентября 1860 г. Похороны в Гиере.

Степень знакомства читателей с творчеством Н.Н. Толстого выглядит так: на данный момент существует четыре издания его произведений: «Охота на Кавказе» [25] (тираж 2000); неоконченные «Пластун» (журнал «Красная новь». М., 1926. № 5, 7), «Весенние поля» и «Заяц» (альманах «Охотничье сердце». М., 1927); «Сочинения» [26] (тираж 50000), куда вошли все четыре произведения Н.Н. Толстого: «Охота на Кавказе», «Пластун», «Весенние поля» и «Заяц».

Нельзя обойти стороной следующее положение дел, касающееся проблемы доступности произведений Н.Н. Толстого читателям:

1) в именном каталоге Российской государственной библиотеки, насчитывающей более 44 млн. единиц хранения на 367 языках, персоналия «Н.Н. Толстой» представлена одной единственной карточкой: «Охота на Кавказе. С предисловием М.О. Гершензона. Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1922»;

2) в научной библиотеке музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» нет изданий произведений Н.Н. Толстого «Пластун», «Весенние поля» и «Заяц» 1927 г.

Наибольшее количество изданий, где можно найти упоминания о Н.Н. Толстом, хранится в научных библиотеках двух музеев: Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве и мемориального музея-усадьбы

Л.Н. Толстого «Ясная Поляна». Отличительной особенностью этих материалов является то, что сведения о личности, творчестве, литературных и дружеских связях Н.Н. Толстого ни разу не стали темой отдельного издания, но встречаются только в книгах о Л.Н. Толстом.

Историография научного изучения творчества Н.Н. Толстого незначительна и с трудом может быть обозначена термином «исследование». Публикация его очерков «Охота на Кавказе» в 1857 г. в журнале «Современник» вызвала интерес Н.А. Некрасова, И.И. Панаева, А.В. Дружинина, И.С. Тургенева, А.А. Фета, Н.Г. Чернышевского. Однако наглядным свидетельством внимания к литературному дебюту старшего брата Л.Н. Толстого стала только их частная переписка. В течение следующих шестидесяти пяти лет не было предпринято никаких попыток исследования жизни и творчества Н.Н. Толстого, и лишь в начале 1920-х гг. эта ситуация ненадолго изменилась.

Существует всего три случая заинтересованности творчеством Н.Н. Толстого:

1. М.О. Гершензон. Предисловие к очеркам «Охота на Кавказе» [25, с. 5-12]. Литературовед, философ, публицист и переводчик М.О. Гершензон, автор философско-литературоведческих эссе «Ключ веры», «Гольфстрем», «Мудрость Пушкина», «Мечта и мысль И.С. Тургенева» в начале 1920 гг. в журнале «Новые Пропилеи» печатал статьи о творчестве Л.Н. Толстого, с которым познакомился в 1904 г. В 1922 г. он издал «Охоту на Кавказе» в серии «Пушкинская библиотека». «Эта статья, – писал он в предисловии, –

по-видимому единственное, что сохранилось от Н.Н. Толстого. Сколько помнится, о ней до сих пор не было подробных сведений в толстовской литературе» [25, с. 5]. Примечательно, что год знакомства Л.Н. Толстого и М.О. Гершензона совпал с продолжением работы писателя над «Воспоминаниями», когда перед его взором проходила жизнь его семьи и самых близких людей, в числе которых был Николенька. Несомненно, Л.Н. Толстой, находясь под сильным впечатлением от своего возвращения в далёкое прошлое, много рассказывал М.О. Гершензону о брате и мог предложить ему опубликовать «Охоту на Кавказе». К сожалению, Л.Н. Толстой не дождался её издания, появившегося в 1922 г. Цель публикации статьи, как М.О. Гершензон назвал «Охоту на Кавказе», он обосновал так: «Её стоит воскресить, прежде всего, как прекрасное литературное произведение; притом, она в различных отношениях любопытна по отношению к Л.Н. Толстому: по ней мы можем составить себе хоть некоторое представление о личности человека, оказавшего несомненно сильное влияние на Л[ьва] Н[иколаевича]» [25, с. 5]. Его призыв о «воскрешении» очерков Н.Н. Толстого будет услышан лишь в 1987 г., т. е. спустя шестьдесят пять лет после издания М.О. Гершензона.

2. А.Е. Грузинский. Предисловие к повести «Пластун» [26, с. 158-165]. Работу по знакомству любителей русской литературы с творчеством Н.Н. Толстого продолжил филолог и переводчик А.Е. Грузинский. В 1922-1930 гг. он являлся заведующим отделом рукописей Л.Н. Толстого. В 1928 г. он работал над составлением комментария к изданию романа-эпопеи «Война и

мир». В том же году было предпринято грандиозное дело по началу работы над Полным собранием сочинений Л.Н. Толстого в девяноста томах [23], А.Е. Грузинский вошёл в состав редакционной коллегии и подготовил к изданию многие произведения писателя.

Спустя четыре года после публикации М.О. Гершензоном «Охоты на Кавказе», в 1926-1927 гг. в отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого в Москве, являющегося наиболее крупным центром хранения и изучения творчества писателя, А.Е. Грузинский нашёл рукописи неоконченных произведений Н.Н. Толстого, подготовил к печати и выпустил в свет повесть «Пластун» и два очерка «Весенние поля» и «Заяц». «Судя по тому немногому, что мы знаем о нём, Ник[олай] Ник[олаевич] отличался выдающимися способностями личности и его богатый духовный мир был так своеобразен, что он повсюду привлекал к себе общий интерес и симпатию» [26, с. 158], – писал он в предисловии к «Пластуну».

3. В 1964 г. в «Сборнике научных сообщений» Дагестанского государственного университета вышла статья Г.Г. Ханмурзаева «Очерки “Охота на Кавказе” Н.Н. Толстого» [28], предварившая защиту им в 1965 г. кандидатской диссертации «Дагестан в русской прозе XIX века» [29]. В статье повторено всё, что известно о творчестве Н.Н. Толстого из публикаций М.О. Гершензона и А.Е. Грузинского. Единственным «украшением» статьи дагестанского учёного является цитирование тех страниц «Охоты на Кавказе», где Н.Н. Толстой описывает растительный и животный мир гор. Статья Ханмурзаева сильно бы выиграла в том

случае, если бы топонимика Кавказа, обычаи и поведение горцев, описанные автором очерков, были прокомментированы и дополнены человеком, для которого этот мир – родная стихия. Это исследование дагестанского филолога упоминается только потому, что это – третий и последний случай в истории отечественного литературоведения обращения учёных к творчеству Н.Н. Толстого, причём в полном отрыве от биографического контекста, обусловившего возникновение его произведений.

«Я думаю, что самое важное и полезное людям, что может написать человек, это то, чтобы рассказать правдиво пережитое, передуманное, перечувствованное им» [23, т. 34, с. 348], – писал Л.Н. Толстой в незавершённых «Воспоминаниях» в 1904 г. Многие из пережитого, о чём писатель хотел рассказать, осталось в виде набросков.

Страницы, посвящённые брату Николеньке, написаны в конспективном стиле. Задача исследователя – исполнить то, что не успел сделать Л.Н. Толстой: «рассказать правдиво» историю жизни и творчества «удивительного мальчика и потом удивительного человека» [23, т. 34, с. 386], оказавшего большое нравственное и творческое воздействие на Л.Н. Толстого, – его любимого брата Николеньки.

«При блеске солнца меркнет бледная луна; но в Божьем мире всему есть свой час и своё место» [15, с. 240], – это размышление первого биографа К.Н. Батюшкова, «забытого» современниками вскоре после его кончины и лишь спустя почти полвека вернувшегося в историю отечественной литературы благодаря Л.Н. Майкову, даёт надежду, что своё достойное место в мире отечественной словесности займёт и Н.Н. Толстой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Анненков П.В. Материалы для биографии А.С. Пушкина. М.: Современник, 1984. 476 с.
2. Белинский В.Г. Стихотворения Кольцова // *Собрание сочинений*: в 9 тт. М.: Художественная литература, 1976-1982.
3. Белоусова Е.В. Небесный венец князей // Ясная Поляна. Вестник. Тула. 2007. № 4.
4. Благый Д.Д. На путях к научной биографии А.С. Пушкина [Электронный ресурс] // Пушкинский дом ИРЛИ РАН [сайт]. URL: lib.pushkinskiydom.ru/linkClick.aspx?fileticket=fmjVpVqYохw=&tabid=10358 (дата обращения: 01.06.2016).
5. Вяземский П.А. Фон-Визин / Сочинение Князя Петра Вяземского. СПб.: В типографии департамента внешней торговли, 1848. 468 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4 тт. М.: Искусство, 1968-1973. Т. 1. 312 с.
7. Громова-Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М.: Наука, 1979. 287 с.
8. Громова-Опульская Л.Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1892 по 1899 год. М.: Наследие, 1998. 407 с.
9. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год. М.: Издательство АН СССР, 1954. 720 с.
10. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М.: Издательство АН СССР, 1957. 915 с.
11. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. М.: Издательство АН СССР, 1963. 694 с.

12. Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М.: Издательство АН СССР, 1970. 559 с.
13. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Литература и методы её изучения. Системный подход. М.: Флинта : Наука, 2002. 195 с.
14. Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования. СПб.: Искусство–СПб, 1997. 847 с.
15. Майков Л.Н. Батюшков, его жизнь и сочинения. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1896. 287 с.
16. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Лев Николаевич Толстой. Очерк его художественной деятельности и оценка его религиозных и моральных идей. СПб.: Издание И.Л. Овсяннико-Куликовской, 1911. 160 с.
17. Памяти Л.Д. Громовой [Электронный ресурс] // ИМЛИ РАН [сайт]. URL: imli.ru/info/show/Dopolnitelnye-materialy/pamyati-l-d-gromovoj/ (дата обращения: 13.06.2016).
18. Пиксанов Н.К. Два века русской литературы. М.-Пг.: Государственное издательство, 1923. 208 с.
19. Прохорова И.Е. У истоков жанра биографии писателя в России: варианты авторской стратегии (по материалам выступлений П.А. Вяземского-биографа) [Электронный ресурс] // Институт филологии и истории РГГУ [сайт]. URL: ifi.rsuh/vestnik_2008_1_6.html (дата обращения: 13.06.2016).
20. Сент-Бёв Ш.О. Литературные портреты. Критические очерки. М.: Художественная литература, 1970. 607 с.
21. Сыгина Е.И. (Чичачёва) Воспоминания // Литературное наследство. Т. 37-38. М.: Издательство АН СССР, 1939. 775 с.
22. Толстая С.А. Материалы к биографии Л.Н. Толстого // Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников: в 2 тт. М.: Художественная литература, 1978.
23. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 тт. / Под общей ред. В.Г. Черткова. М.-Л.-д: Художественная литература, 1928-1958.
24. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 100 тт. М.: Наука, 2000–...
25. Толстой Н.Н. Охота на Кавказе / Пушкинская библиотека. [Изд. М. и С. Сабашниковых. М., 1922]. 114 с.
26. Толстой Н.Н. Сочинения. Тула: Приокское книжное издательство, 1987. 191 с.
27. Тютчев Ф.И. *Pro et contra*. Антология. СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2005. 1037 с.
28. Ханмурзаев Г.Г. Очерки «Охота на Кавказе» Н.Н. Толстого // Сборник научных сообщений (Филология). Дагестанский государственный университет. Махачкала: Издание Дагестанского университета, 1964.
29. Ханмурзаев Г.Г. Дагестан в русской прозе XIX века: автореф. дисс. ... н. канд. филол. н. Махачкала, 1965. 22 с.
30. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. В четырёх томах. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1892-1897.
31. Яблоко от яблони. О наследственности и духовной связи поколений. М.: Благо, 2004. 176 с.

REFERENCES:

1. Annenkov P.V. Materialy dlya biografii A.S. Pushkina [Materials for a biography of Alexander Pushkin]. М., Sovremennik, 1984. 476 p.
2. Belinskii V.G. Stikhotvoreniya Kol'tsova [Koltsov's poems] Sobranie sochinenii: v 9 tt. [Collected works: in 9 vols]. М., Khudozhestvennaya literatura, 1976–1982.
3. Belousova E.V. Nebesnyi venets knyazei [Princes' celestial crown] // Yasnaya Polyana. Vestnik. Tula. 2007. no. 4.

4. Blagoi D.D. Na putyakh k nauchnoi biografii A.S. Pushkina [Elektronnyi resurs] [Towards a scientific biography of A. Pushkin [E-source]] Pushkinskii dom IRLI RAN [cait] [Pushkin house, Institute of Russian literature RAS [website]]. URL: lib.pushkinskijdom.ru/linkClick.aspx?fileticket=fmjVpVqYOxw=&tabig=10358 (request date 01.06.2016)
5. Vyazemskii P.A. Fon-Vizin / Sochinenie Knyazya Petra Vyazemskogo [Fonvizin / Essay by Prince Peter Vyazemsky]. SPb., V tipografii departamenta vneshnei torgovli, 1848. 468 p.
6. Gegel' G.V.F. Estetika: v 4 tt. [Aesthetics: in 4 vols]. M., Iskusstvo, 1968–1973. 312 p.
7. Gromova-Opuł'skaya L.D. Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1886 po 1892 god [Leo Tolstoy. Materials for the biography from 1886 to 1892]. M., Nauka, 1979. 287 p.
8. Gromova-Opuł'skaya L.D. Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1892 po 1899 god [Leo Tolstoy. Materials for the biography from 1892 to 1899]. M., Nasledie, 1998. 407 p.
9. Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1828 po 1855 god [Leo Tolstoy. Materials for the biography from 1828 to 1855]. M., Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1954. 720 p.
10. Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1855 po 1869 god [Leo Tolstoy. Materials for the biography from 1855 to 1869]. M., Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1957. 915 p.
11. Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1870 po 1881 god [Leo Tolstoy. Materials for the biography from 1870 to 1881]. M., Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1963. 694 p.
12. Gusev N.N. Lev Nikolaevich Tolstoi. Materialy k biografii s 1881 po 1885 god [Leo Tolstoy. Materials for the biography from 1881 to 1885]. M., Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1970. 559 p.
13. Zinchenko V.G., Zusman V.G., Kirnoze Z.I. Literatura i metody ee izucheniya. Sistemnyi podkhod [Literature and methods of its study. A systematic approach]. M., Flinta: Nauka, 2002. 195 p.
14. Lotman Yu.M. O russkoi literature. Stat'i i issledovaniya [On Russian literature. Articles and research]. SPb., Iskusstvo–SPb, 1997. 847 p.
15. Maikov L.N. Batyushkov, ego zhizn' i sochineniya [Batyushkov, his life and writings]. SPb., Izdanie A.F. Marksa, 1896. 287 p.
16. Ovsyaniko-Kulikovskii D.N. Lev Nikolaevich Tolstoi. Ocherk ego khudozhestvennoi deyatel'nosti i otsenka ego religioznykh i moral'nykh idei [Leo Tolstoy. The outline of his artistic activities and evaluation of its religious and moral ideas]. SPb., Izdanie I.L. Ovsyaniko-Kulikovskoi, 1911. 160 p.
17. Pamyati L.D. Gromovoi [Elektronnyi resurs] [In memory of L. Gromova [E-source]] // IMLI imeni A.M. Gor'kogo RAN [sait] [A. Gorky Institute of World literature, RAS [website]]. URL: imli.ru/info/show/Dopolnitelnye-materialy/pamyati-l-d-gromovoj/ (request date 13.06.2016)
18. Piksanov N.K. Dva veka russkoi literatury [Two centuries of Russian literature]. M.-Pg., Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 208 p.
19. Prokhorova I.E. U istokov zhanra biografii pisatelya v Rossii: varianty avtorskoi strategii (po materialam vystuplenii P.A. Vyazemskogo-biografa) [Elektronnyi resurs] [At the origins of the genre of biography of the writer in Russia: options of author's strategy (on materials of speeches of P. Vyazemsky-biographer) [E-source]] // Institut filologii i istorii RGGU [sait] [Institute of Philology and history, RSUH [website]]. URL: ifi.rsuh/vestnik_2008_1_6.html (request date 13.06.2016)
20. Sent-Bev SH.O. Literaturnye portrety. Kriticheskie ocherki [Literary portraits. Critical essays]. M., Khudozhestvennaya literatura, 1970. 607 p.

21. Sytina E.I. (Chikhacheva) Vospominaniya // Literaturnoe nasledstvo. T. 37–38 [Memories // Literary legacy. Vol. 37–38]. М., Izdatel'stvo AN SSSR, 1939. 775 p.
22. Tolstaya S.A. Materialy k biografii L.N. Tolstogo [Materials for the biography of L. Tolstoy] L.N. Tolstoi v vospominaniyakh sovremennikov: v 2 tt. [L.N. Tolstoy in the memoirs of contemporaries: in 2 vols]. М., Khudozhestvennaya literatura, 1978.
23. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tt. [Complete works: in 90 vols.]. М.-Л., Khudozhestvennaya literatura, 1928–1958.
24. Tolstoi L.N. Polnoe sobranie sochinenii: V 100 tt. [Complete works: in 100 vols]. М., Nauka, 2000 – ...
25. Tolstoi N.N. Okhota na Kavkaze / Pushkinskaya biblioteka [Hunting in the Caucasus / Pushkin library]. М., Izd. М. i S. Sabashnikovyykh, 1922. 114 p.
26. Tolstoi N.N. Sochineniya [Works]. Tula, Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1987. 191 p.
27. Tyutchev F.I. Pro et contra. Antologiya [Pro et contra. Anthology]. SPb., Izdatel'stvo Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii, 2005. 1037 p.
28. Khanmurzaev G.G. Ocherki «Okhota na Kavkaze» N.N. Tolstogo [Essays “Hunting in the Caucasus” by N. Tolstoy] Sbornik nauchnykh soobshchenii (Filologiya). Dagestanskii gosudarstvennyi universitet [Collection of scientific reports (Philology). Dagestan State University]. Makhachkala, Izdanie Dagestanskogo universiteta, 1964.
29. Khanmurzaev G.G. Dagestan v russkoi proze XIX veka: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk [Dagestan in the Russian prose of the 19th century: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Makhachkala, 1965. 22 p.
30. Shenrok V.I. Materialy dlya biografii Gogolya. V 4-kh tomakh [Materials for the biography of Gogol. In 4 volumes]. М., Tipografiya A.I. Mamontova i Ko, 1892–1897.
31. Yabloko ot yabloni. O nasledstvennosti i dukhovnoi svyazi pokolenii [The apple never falls far from the tree. On heredity and spiritual connection of generations]. М., Blago, 2004. 176 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Белоусова Елена Викторовна – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета, старший научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения культуры «Государственный мемориальный и природный заповедник «Музей-усадьба Л.Н. Толстого “Ясная Поляна”»»;
e-mail: helenyaspol@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Belousova – candidate for a degree of candidate of Philological Sciences at the department of Russian Classical Literature in Moscow State Regional University, senior researcher of the State Memorial and Natural Preserve «Leo Tolstoy museum-estate “Yasnaya Polyana”»;
e-mail: helenyaspol@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Белусова Е.В. Размышления о важности биографического метода в исследовании жизни и творчества писателя Н.Н. Толстого // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 92-107.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-92-107

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Belousova. Reflections on the importance of biographical research method of N. Tolstoy's life and literary work // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 92-107.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-92-107

УДК 82'312

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-108-119

АНГЛИЯ И АНГЛИЧАНЕ В «ПИСЬМАХ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА» Н.М. КАРАМЗИНА

Джанумов С.А.

Московский городской педагогический университет

129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена описанию Англии, особенностям жизни и повседневного быта англичан, их национального характера в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина. В первую очередь путешественник обращает внимание на сырой и мрачный климат Англии и связывает с климатом, с повседневной пищей англичан их национальные психологические черты, в частности, их склонность к сплину, к меланхолии. В «Письмах русского путешественника» прослеживается постоянное стремление сравнивать английскую жизнь с русской или французской, в частности, Лондон с Парижем. Большое внимание в «Письмах...» уделяется английской литературе. Характерно, что Карамзин видит Англию и англичан глазами просвещённого европейца, и это во многом определяет его наблюдения и впечатления, выводы и обобщения.

Ключевые слова: Англия, англичане, климат, обычаи, культура, быт, национальный характер, литература, язык.

ENGLAND AND ENGLISHMEN IN N. KARAMZIN'S "LETTERS OF A RUSSIAN TRAVELLER"

S. Dzhanumov

Moscow City Teacher Training University

4, 2nd Selskokhozyaystvenny drive, Moscow, Russian Federation, 129226

Abstract. The paper is devoted to description of England, peculiarities of life and everyday way of life of Englishmen, their national character in N. Karamzin's "Letters of a Russian traveller". First of all the traveller pays attention to damp and gloomy English climate and connects national psychological features of Englishmen, in particular, their susceptibility to spleen and melancholy with climate and everyday food of Englishmen.

In "Letters of a Russian traveller", we can trace the constant aspiration to compare English life with Russian or French one, in particular, London with Paris. Much attention in "Letters" is paid to English literature. It is typical that Karamzin sees England and Englishmen with the eyes of an educated European and it in many respects determines his observations and impressions, conclusions and generalizations.

Keywords: England, Englishmen, climate, habits, culture, way of life, national character, literature, language.

Цель статьи – показать, как отразился в «английских страницах» «Писем...» глубокий интерес русского путешественника к материальной и духовной жизни Британии, к её истории, культуре, литературе, как оценивал автор «Писем...» национальный характер англичан, их нравы, быт, обычаи, поведение, психологию.

Пребывание Карамзина в Англии было недолгим: примерно четыре-пять недель (для сравнения: во Франции путешественник провёл около трёх месяцев). Хотя одна из первых лондонских записей помечена: «Лондон, Июля. ... 1790» [4, с. 331], исследователи «Писем...» не без основания считают, что Карамзин прибыл в Англию в первых числах июня. Эта примерная дата устанавливается письмом Карамзина к И.И. Дмитриеву, отправленным из Лондона 4 июня 1790 года, в котором он сообщает, что пробудет в Англии непродолжительное время: «Скоро буду думать о возвращении в Россию» [6, с. 175].

Возвращение Карамзина в Петербург датируется 15 июля того же года. В новейшей биографии писателя мы читаем: «Карамзин приехал в Петербург 15 июля 1790 года. Отплыв из Лондона десять или одиннадцать дней назад, он прибыл в Россию в то же число, в какое выехал из английской столицы, таким образом, благодаря принятому в России юлианскому календарю вернул себе те 11 дней, которые были утрачены им при выезде за границу» [7, с. 168].

Почему же последняя лондонская запись помечена: «Лондон. Сентября ... 1790»? По-видимому, чтобы разделить с читателем традиционное представление о сыром климате Ан-

глии, об английских туманах, что было бы невозможно сделать в солнечном июле. И, действительно, Карамзин в последней лондонской записи, датированной сентябрём 1790 года, так описывает английский климат: «... я не хотел бы провести жизнь мою в Англии для климата, сырого, мрачного, печального. Знаю, что и в Сибири можно быть щастливым¹, когда сердце довольно и радостно; но весёлой климат делает нас веселее, а в грусти и в меланхолии здесь скорее нежели где-нибудь захочется застрелиться. Рощи, парки, сады: всё это прекрасно в Англии; но всё это покрыто туманами, мраком и дымом земляных угольев. Редко, редко проглянет солнце, и то не на-долго; а без него худо жить на свете» [4, с. 380].

В своей монографии Т.А. Алпатова делает важное и ценное наблюдение над английскими страницами «Писем...»: «Английские впечатления путешественника настраивают на философский лад, – и в духе «географической» теории национального характера он усматривает в этом “... деятельность Английского климата” («<135> Лондон, Июля... 1790», с. 332)» [1, с. 170].

Именно с климатом, а также с преимущественно мясной пищей Карамзин связывает национальные психологические черты англичан, в частности, их склонность к сплину, то есть угнетённому, подавленному состоянию, унынию, хандре: «Мрачной флегматической британец с жадностью глотает солнечные лучи, как лекарство от его болезни, *сплина* (курсив Карамзина. – С. Д.)» [4, с. 380]. С лёгкой руки Карамзина

¹ Здесь и далее сохраняется орфография и пунктуация автора «Писем русского путешественника». О текстологических принципах издания этой книги Карамзина [4, с. 516-524].

это английское слово «spleen»¹ вошло в русский язык и литературу и стало синонимом для русского слова «хандра» (искажённое греческое слово «ипохондриа» («hypochondria»). Неслучайно это болезненно-угнетённое состояние, эту тоску, подавленность, уныние, свойственные характеру англичан как нации, Карамзин связывает с их склонностью к суициду, объясняя это и их гастрономическими пристрастиями, в частности, преобладанием в их ежедневном меню тяжёлой пищи: «Рост-биф, биф стекс*² есть их обыкновенная пища. От того густеет в них кровь; от того делаются они флегматиками, меланхоликами, несносными для самих себя, и не редко самоубийцами» [4, с. 329].

В.В. Набоков не без иронии также ставит в прямую связь склонность англичан к самоубийствам со сплином и даже устанавливает хронологические рамки этой болезни, этой меланхолии: «Сплин в Англии и скука во Франции вошли в моду в середине XVII в., и в течение последующего столетия французские трактирщики умоляли страдающих сплином англичан не сводить счёты с жизнью в их заведениях, а жители швейцарских гор – не бросаться в их пропасти...» [8, с. 177].

Явные реминисценции именно из английских страниц «Писем русского путешественника», что уже не раз отмечалось исследователями, мы находим в первой главе пушкинского «Евгения Онегина»: «Пред ним *roast-beef* окровавленный...» [10, VI, с. 11]:

*Недуг, которому причину
Давно бы отыскать пора,*

¹ От греческого «spleen» – селезёнка. Сплин прежде объясняли заболеванием селезёнки.

² В построчной сноске к звёздочке Карамзин так поясняет эти английские слова, выделенные им курсивом: «жареная и битая говядина». – С. Д.

*Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелиться, слава богу,
Попробовать не захотел;
Но к жизни вовсе охладел* (курсив Пушкина. – С. Д.) [10, IV, с. 21].

В «Онегинской энциклопедии» В.А. Кошелев замечает: «Понятие «сплин» впервые употребил Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника» (1791-1795), рассказывая о своих впечатлениях от посещения Англии» [5, с. 51]. Показательно, что и в своей комедии «Бешеные деньги» А.Н. Островский ставит в причинную зависимость от английского сплина желание или возможность одного из персонажей пьесы застрелиться: «Т е л я т е в: Я не могу жить без вас, на меня нападёт сплин, и я застрелюсь, как англичанин» (д. III, явл. 6) [9, с. 205].

Пространные размышления Карамзина о сплине как типично английской болезни, о прямой связи тяжёлой меланхолии англичан с их повседневной пищей дали повод рецензенту журнала «Эдинбургское обозрение» [17] Генри Бруму (Brouham) для едких и саркастических замечаний. Т.А. Быкова, установившая автора данной рецензии, в статье «Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе» пишет: «Брум издевается над наблюдением Карамзина, что англичане склонны к самоубийствам, так как едят много мяса, а также и над другими описанными странностями английского характера» [2, с. 335]³.

Несмотря на сравнительную краткость своего пребывания в Англии,

³ Полный текст рецензии Генри Брума в русском переводе см. [12].

Карамзин сумел увидеть и подметить в этой стране очень многое. Ещё до посещения Англии Карамзин мог почерпнуть кое-что об этой стране из различных источников: из книг, описаний и рассказов других путешественников, из картин английских художников и, конечно, из произведений английской литературы, прежде всего, Уильяма Шекспира, Джеймса Томсона, Оливера Голдсмита, Семюэля Ричардсона, Александра Попа, Лоуренса Стерна, Генри Фильдинга, Ричарда Шеридана и др. Некоторые книги немецких писателей (Иоганна Вильгельма Архенгольца, Карла Филиппа Морица и др.), послужившие источниками английской части «Писем...», указал В.В. Сиповский в своём исследовании «Н.М. Карамзин, автор “Писем русского путешественника”» (СПб., 1899) [4, с. 669].

Карамзин мог быть знаком и с рассказами об Англии своих соотечественников: «Путешествие одной российской знатной госпожи по некоторым Аглинским провинциям» Е.Р. Дашковой¹, «Письмо Англомана к одному из членов Вольного Российского Собрания» советника русского посольства в Англии М.И. Плещеева², «Журнал путешествия ... Никиты Акинфиевича Демидова. По иностранным государствам....» (М., 1786) журналиста Н.А. Демидова³.

О своём первоначальном восприятии Англии ещё до встречи с ней

¹ Впервые опубликовано в сборнике: Опыт трудов Вольного Российского Собрания при Императорском Московском университете. М., 1775. Часть 2. С. 105-144. Напечатано анонимно. Переиздание см.: [11, с. 31-44].

² Опубликовано в указанном выше сборнике: с. 257-260. Переиздание см.: [11, с. 45-46].

³ Переизданную часть книги, описывающую Англию, см.: [11, с. 47-55].

Карамзин упоминает дважды: «Мы в Дувре, и я в Англии – в той земле, которую в ребячестве своем любил я с таким жаром, и которая по характеру жителей и степени народного просвещения есть конечно одно из первых государств Европы» [4, с. 327]. Путешественник неслучайно уделяет в этой фразе такое внимание «народному просвещению» Англии, ибо смотрит на эту страну (как, впрочем, и на другие страны, облик которых он отразил в своих путевых записках) прежде всего глазами просвещённого европейца.

И далее Карамзин всё время сверяет свои впечатления об Англии и англичанах с теми сведениями (почерпнутыми преимущественно из романов), которыми он располагал об этой стране и об этой нации, находясь ещё в России: «Было время, когда я, почти не видав Англичан, восхищался ими, и воображал Англию самую приятнейшею для сердца моего землёю. С каким восторгом, будучи пансионером Профессора Ш⁴, читал я во время Американской войны донесения торжествующих Британских Адмиралов! <...> Мне казалось, что быть храбрым есть... быть Англичанином – великодушным, тоже – чувствительным, тоже; истинным человеком, тоже. Романы, естьли не ошибаюсь, были главным основанием такого мнения. Теперь вижу Англичан вблизи, отдаю им справедливость, хвалю их – но похвала моя так холодна, как они сами» [4, с. 380].

В этом пассаже явственно сквозит разочарование путешественника, которого он не может и не хочет скрыть. И причина этого разочарования – хо-

⁴ Карамзин имеет в виду пансион Иохана Матиаса Шадена в Москве, в котором он обучался с 1777 по 1781 год. – С. Д.

лодность английского характера. Рисую психологический портрет англичанина, Карамзин пишет: «...холодный характер их мне совсем не нравится. *Это Волкан* (вулкан. – С. Д.), *покрытый льдом*, сказал мне рассмеявшись один Французский Эмигрант. Но я стою, гляжу, пламени не вижу, а между тем зябну. Русское моё сердце любит изливаться в искренних живых разговорах; любит игру глаз, скорые перемены лица, выразительное движение руки. Англичанин молчалив, равнодушен, говорит как читает, не обнаруживая никогда быстрых душевных стремлений...» [4, с. 380-381]. Заслуживает внимания, что в своей поэме «Полтава» А.С. Пушкин, прекрасно знакомый с «Письмами русского путешественника», раскрывая сложный, противоречивый и скрытный характер Мазепы, отмечает его умение до поры до времени не обнаруживать своих «подавленных страстей», глубин бездны своей души, «покрытой... льдом» [10, V, с. 24]. Не исключено, что при изображении этой важной психологической черты характера одного из персонажей своей поэмы Пушкин мог воспользоваться выразительным художественным образом вулкана (у Пушкина – «глубины морской»), покрытого льдом».

Обращает на себя внимание не только в английской части «Писем...» постоянное сравнение одного национального характера с другим, в данном случае – английского с русским, и явно не в пользу первого. Чувствительному путешественнику в его странствиях по английской земле очень не хватает простого человеческого тепла, «искренних живых разговоров», «быстрых душевных стремлений» и излиний, к которым он так привык у себя на родине, в России.

Повествователя отталкивает в англичанах и их, как ему кажется, чрезмерная рассудочность, т. е. преобладание рассудка над чувством, их своеобразный юмор, их склонность всё окарикатуривать: «Фильдинг утверждает, что ни на каком языке не лезь выразить смысла Английского слова *humour*, означающего и *весёлость*, и *шутливость*, и *замысловатость*; из чего заключает, что его нация преимущественно имеет сии свойства. Замысловатость Англичан видна разве только в их карриатурах, шутливость в народных глупых театральных *фарсах*, а весёлости ни в чём не вижу – даже на самые смешные карриатуры смотрят они с преважным видом! а когда смеются, то смех их походит на истерической (здесь и ниже курсив Карамзина. – С. Д.)» [4, с. 381].

В «Письмах...» Карамзин рассуждает не только об особенностях английского национального характера, но и о достопримечательностях Лондона и его окрестностей, о британском парламенте, о семейной жизни англичан, об английском языке и литературе. О точности, верности наблюдений, суждений и размышлений Карамзина над английской жизнью говорит, например, тот факт, что историк и литератор А.И. Тургенев, приехавший впервые в Англию в 1826 году, сравнивая свои впечатления от этой страны с тем, что увидел автор «Писем русского путешественника», сделал такую запись в своём дневнике: «Прочёл путешествие Карамзина по Англии. Многие весьма справедливо. Есть страницы, кои мог бы я вписать в журнал свой, переменяв только год и месяц, и некоторые имена» [11, с. 172].

В «английских страницах» «Писем...» Карамзин сравнивает английскую и французскую столицы, отдавая при этом явное предпочтение Лондону: «Париж и Лондон, два первые города в Европе, были двумя Фаросами ¹моего путешествия, когда я сочинял план его. Наконец вижу и Лондон. <...> Лондон прекрасен! Какая розница с Парижем! Там огромность и гадость, здесь простота с удивительною чистотою; там роскошь и бедность в вечной противоположности, здесь единообразие общего достатка...» [4, с. 331].

Карамзин довольно подробно описывает архитектуру, жилые дома, улицы Лондона, и здесь отдавая приоритет английской столице: «Нет другого города, столь приятного для пешеходцев, как Лондон: везде подле домов сделаны для них широкие *троттуары*, которые по-Руски можно назвать *намостами* <...>; Что, естли бы Лондон при таких широких улицах, при таком множестве красивых лавок, был выстроен как Париж? Воображение не могло бы представить ничего великолепнее» [4, с. 336, 337].

Среди достопримечательностей Лондона Карамзин особо выделяет, как, впрочем, и все путешественники, «церковь Св. Павла» [4, с. 346-348], его внимание привлекают «лондонская крепость, **Tower, построенная на Темзе** в одиннадцатом веке Вильгельмом Завоевателем» [4, с. 348-349], «Сент-Джемский дворец», Букингемский дворец – «*Buckinghamhouse*», «*Whitehall*»², Адмиралтейство, Виндзорский

¹ Это слово здесь приводится в значении: путеводный маяк. – С. Д.

² Это название Карамзин переводит на русский не совсем точно: «Уайт-гал». На самом деле теперь общепринято называть этот дворец

дворец и Виндзорский парк [4, с. 349-355], Гринвич (у Карамзина – «Гриничь») и «Гриническая Госпиталь, где признательная Англия осыпает цветами старость своих мореходцов, орудие величества и силы ея. Не многие Цари живут так великолепно, как Английские престарелые матрозы» (и в подтверждение своего суждения ниже Карамзин приводит «...слово, сказанное в Лондоне Петром Великим Вильгельму III, и достойное нашего Монарха. Король спросил, что Ему более всего полюбилось в Англии? Петр I отвечал: «то, что Госпиталь заслуженных матрозов похожа здесь на дворец, а дворец Вашего Величества похож на госпиталь») [4, с. 355-356], довольно подробно рассказывает о выборах в английский парламент [4, с. 358-359], о «Британском Музеуме» (Британском музее) [4, с. 363-364], «Вестминстере» и «Вестминстерском Аббатстве» [4, с. 371-376].

Но, конечно, как профессиональный писатель (впрочем, лучшие произведения его будут написаны после путешествия в Европу), Карамзин не мог в своих «Письмах...» обойти такой вопрос, как национальное своеобразие английской литературы и английского языка.

Карамзин довольно высоко ценит английскую поэзию, особенно, как он называет её, «живописную поэзию», которую он ставит выше другой европейской поэзии: «Литтература Англичан, подобно их характеру, имеет много *особенности*, и в разных частях превосходна. Здесь отечество *живописной* Поэзии (*Poésie descriptive*): Французы и Немцы переняли сей род у Англичан, которые умеют замечать «Уайтхолл». – С. Д.

самая мелкая черта в Природе» [4, с. 368]. Среди британских «живописных поэтов» или, как бы мы сказали сейчас, творцов «пейзажной лирики», Карамзин выделяет шотландского поэта Джеймса Томсона (1700-1748) (впервые Карамзин перевёл в стихах «Гимн» из поэмы Томсона «Времена года» [16]: «По сие время ничто ещё не может сравняться с Томсоновыми *Временами года* (курсив Карамзина. – С. Д.); их можно назвать зеркалом *Натуры*» [4, с. 368].

В примечаниях к цитируемому в нашей статье изданию «Писем русского путешественника» Ю.М. Лотман отмечает, что Томсона «...наряду с Оссианом, Юнгом и Мильтоном Карамзин называл одним из любимых своих поэтов и часто упоминал в ранних произведениях <...>. Стихотворение Томсона (о Петре I) приведено в главе «Лион, 9 Марта». Большое влияние чувствительных описаний природы и мира у Томсона ощутимо в стихотворении Карамзина «Деревня» (Моск. журн., 1792)» [4, с. 675].

Отличительную черту английской поэзии Карамзин видит в простодушии (он даже выделяет это слово курсивом), меланхолии и мечтательности: «В Английских Поэтах есть какое-то *простодушие*, не совсем древнее, но сходное с Гомеровским; есть меланхолия, которая изливается более из сердца, нежели из воображения; есть какая-то странная, но приятная мечтательность, которая, подобно Английскому саду, представляет вам тысячу неожиданных вещей» [4, с. 368].

Любопытно, что одну из подмеченных Карамзиным особенностей английских поэтов – простодушие – Пушкин потом выделит в русских ле-

тописях, а также в исторических сочинениях самого Карамзина и, прежде всего, в «Истории Государства Российского»: «Характер Пимена не есть моё изобретение. В нём собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: *простодушие* (здесь и ниже курсив мой. – С. Д.), умильная кротость, нечто младенческое и вместе мудрое...»; «Карамзин есть первый наш историк и последний летописец. Своею критикой он принадлежит истории, *простодушием* и апоффегами¹ хронике» [10, XI, с. 68; 120].

Среди других британских поэтов Карамзин в письме об английской литературе кратко, но выразительно упоминает Джона Мильтона (1608-1674), а также поэта драматурга и критика Джона Драйдена (1631-1700): «Самым же лучшим цветком Британской Поэзии считается Мильтоново описание Адама и Евы² и Драйденова Ода на музыку» [4, с. 368] (о памятниках и надписях на памятниках этим писателям Карамзин говорит при описании монументов «...Героям, Патриотам, Философам, Поэтам» Англии в Вестминстерском Аббатстве [4, с. 374-375]).

Но самое почётное место среди всех писателей и особенно драматургов Англии Карамзин (что вполне ожидаемо) отводит великому Шекспиру (ожидаемо, поскольку до и после своего путешествия Карамзин не раз упоминал имя Шекспира в своих литературно-критических и публицистических статьях, а также перевёл (прозой) в 1786 году трагедию Шекспира «Юлий Цезарь» (причём перевод Карамзина, как

¹ Сентенциями, краткими нравоучительными изречениями. – С. Д.

² Имеется в виду поэма Мильтона «Потерянный рай» (1667). – С. Д.

отмечает специалист по английской литературе, профессор МГУ А.Н. Горбунов в [13], «...был первым русским переводом пьесы Шекспира, сделанным с оригинала» [13, с. 13], хотя некоторые исследователи (например, Н.Д. Кочеткова) считают, что Карамзин перевёл «Юлия Цезаря» с немецкого перевода И.-И. Эшенбурга [14]. Правда, опасаясь неприятностей, Карамзин издал свой перевод анонимно) и написал к нему 15 октября 1786 года специальное предисловие (впервые: в отдельном издании трагедии, напечатанном в 1787 году).

В этом предисловии Карамзин даёт общую характеристику Шекспира, говорит о высокой оценке его творчества прежде всего на его родине – в Англии («Вся почти Англия согласна в хвале, приписываемой мужу сему» [3, т. II, с. 79]), упоминает английских писателей, на которых, по его мнению, Шекспир оказал особенно сильное влияние («Милтон, Юнг, Томсон и прочие прославившиеся творцы пользовались многими его мыслями, различно их украшая» [3, т. II, с. 79-80]), критически отзывается о суждениях Вольтера относительно творчества Шекспира («Знаменитый софист, Волтер, силится доказать, что Шекспир был весьма родственный автор, исполненный многих и великих недостатков. <...>. Излишним почитаю теперь опровергать пространно мнения сии, уменьшение славы Шекспировой в предмете имевшие» [3, т. II, с. 80]), рассыпается в восторженных похвалах драматургии Шекспира («Драмы его, подобно неизмеримому театру природы, исполнены многообразия: всё же вместе составляет совершенное целое, не требующее исправления от нынешних театральны́х писателей» [3, т. II, с. 81]).

В «Письмах...» Карамзин уточняет и развивает некоторые положения данного предисловия, повторяя и даже усиливая свои восторженные суждения о Шекспире: «В Драматической Поэзии Англичане не имеют ничего превосходного, кроме творений одного Автора; но этот Автор есть Шекспир, и Англичане богаты! <...> Величие, истина характеров, занимательность приключений, *откровение* человеческого сердца, и великия мысли, рассеянные в драмах Британского Гения, будут всегда их магиею для людей с чувством. Я не знаю другого Поэта, который имел бы такое всеобъемлющее, плодотворное, неистощимое воображение; и вы найдёте все роды Поэзии в Шекспировых сочинениях» [4, с. 368-369]¹.

Но, отзываясь так восторженно и эмоционально о творчестве Шекспира, Карамзин придерживается невысокого мнения о современной английской драматургии: «Все их (англичан. – С. Д.) новейшие Трагики только-что *хотят* (здесь и ниже курсив Карамзина. – С. Д.) быть сильными, а в самом деле слабы духом. В них есть Шекспировский *бомбаст*², а нет Шекспирова Гения. <...> Комедии их держатся запутанными интригами и карриатурами; в них мало истинного остроумия, а много *буфонства*; здесь Талия не смеётся, а хохочет» [4, с. 369].

И уж совсем низкого мнения автор «Писем...» о новейшей английской литературе вообще, делая исключение только для поэта Эдварда Юнга (у Карамзина приводится русское написание его фамилии как «Йонг») (1683-1765) и прозаика Лоуренса Стерна (1713-1768):

¹ Более подробно об отношении Карамзина к Шекспиру: [15]

² Здесь: напыщенность. – С. Д.

«Новейшая Английская Литература совсем не достойна внимания: теперь пишут здесь только самые посредственные романы, а стихотворца нет ни одного хорошего. Йонг, гроза щастливых и утешитель несчастных, и Стерн, оригинальный живописец чувствительности, заключили фалангу бессмертных Британских Авторов» [4, с. 369].

Справедливости ради следует отметить, что абзацем выше Карамзин отдаёт должное другим английским романистам XVIII века, как, впрочем, и английским историкам этого же столетия: «Примечания достойно то, что одна земля произвела и лучших Романистов и лучших Историков. Ричардсон и Фильдинг выучили Французов и Немцов писать романы как *историю жизни* (здесь и ниже курсив Карамзина. – С. Д.), а Робертсон, Юм, Гиббон, влияли в Историю привлекательность любопытнейшего романа, умным расположением действий, живописью приключений и характеров, мыслями и слогом» [4, с. 369].

В заключении главки «Писем...», озаглавленной их автором «Литтература», Карамзин отводит большое место и особенностям английского языка, противопоставляя устную и письменную речь англичан не в пользу первой: «Я всё понимаю, что мне напишут, а в разговоре должен угадывать. <...> Английский язык груб, неприятен для слуха, но богат и обработан во всех родах для письма – богат *краденым*, или (чтоб не оскорбить Британской гордости), *отнятым* у других» [4, с. 369-370].

И, как истинный патриот, Карамзин, чуть ниже сравнивая английский

и русский языки, отдаёт явное предпочтение родной речи. Можно без преувеличения сказать, что здесь исполненные гордости и истинного восторга слова Карамзина звучат как настоящий гимн русскому языку, его огромным и неисчерпаемым выразительным возможностям: «Да будет же честь и слава нашему языку, который в самородном богатстве своём, без всякого чуждого примеса, течёт как гордая, величественная река – шумит, гремит – и вдруг, естли надобно, смягчается, журчит нежным ручейком и сладостно вливается в душу, образуя все меры, какая заключаются только в падении и возвышении человеческого голоса!» [4, с. 370].

Подводя итог английским впечатлениям Карамзина, можно без всякого преувеличения сказать, что в лице русского путешественника англичане увидели (может быть, впервые) европейски цивилизованного человека, чуткого и чувствительного, тонкого и внимательного наблюдателя, относящегося без всякого предубеждения и без «квасного патриотизма» (если воспользоваться более поздним выражением П.А. Вяземского) ко всем особенностям английского национального характера, национальному укладу жизни англичан, культуре и литературе английского народа. Как справедливо отмечает автор предисловия к книге «Я берег покидал туманный Альбиона...» О.А. Казнина, «...некоторые суждения Карамзина не потеряли своей свежести и значимости и в последующие годы, и даже столетия» [11, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алпатова Т.А. Проза Н.М. Карамзина: поэтика повествования: монография. М.: Изд-во МГОУ, 2012. 560 с.
2. Быкова Т.А. Переводы произведений Карамзина на иностранные языки и отклики на них в иностранной литературе // XVIII век. Сборник 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 324-342.
3. Карамзин Н.М. Избранные сочинения: В 2-х тт. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 1 / Вступ. статья П. Беркова и Г. Макогоненко. Издание текста и примечания П. Беркова. 811 с.; Т. 2 / Составление, подготовка текста и примечания Г. Макогоненко. 591 с.
4. Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / Издание подготовили Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1987 (серия «Литературные памятники»). 718 с.
5. Кошелев В.А. Английский сплин и русская хандра // Онегинская энциклопедия: в 2-х тт. / Под общей ред. Н.И. Михайловой; Сост. Н.И. Михайлова, В.А. Кошелев, М.В. Строганов. Т. 1. А–К. М.: Русский путь, 1999. 576 с.
6. Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина / предисловие Б.Ф. Егорова. М.: Книга, 1987. 336 с.
7. Муравьев В.Б. Карамзин. М.: Молодая гвардия, 2014 (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.). 479 с.
8. Набоков В. В. Комментарий к роману А.С. Пушкина «Евгений Онегин» / Перевод с английского. СПб.: «Искусство-СПб», «Набоковский фонд», 1998. 928 с.
9. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12-ти тт. / Под общ. ред. Г.И. Владыкина [и др.]. Т. 3. Пьесы (1868–1871). М.: Искусство, 1974. 560 с.
10. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16-ти тт. [Б.м.], Изд-во АН СССР, 1937-1949.
11. «Я берег покидал туманный Альбиона...»: Русские писатели об Англии. 1646-1945 / Подготовители Казнина О.А., Николюкин А.Н.. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 648 с.
12. Арзуманова М.А. Перевод английской рецензии на «Письма русского путешественника» из бумаг А.С. Шишкова // XVIII век. Сборник 8. Державин и Карамзин в литературном движении XVIII – начала XIX века. Л.: Наука, 1969. С. 309–323.
13. Уильям Шекспир. Юлий Цезарь (на английском и русском языках) / Составитель А.Н. Горбунов. М.: Радуга, 1998. 303 с.
14. Эшенбург И.И. Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К–П). СПб: Наука, 1999. С. 33.
15. Заборов П.Р. Шекспир и русский преромантизм. – Н.М. Карамзин // Шекспир и русская культура / Под ред. М.П. Алексеева. М.–Л., 1965. С. 70–78.
16. Детское чтение. 1789. Ч. 18. № 23.
17. The Edinburgh Review or Critical Journal. 1804, vol. III. no. 6, pp. 321–328.

REFERENCES:

1. Alpatova T.A., Proza N.M. Karamzina: poetika povestvovaniya: monografiya [Karamzin: the poetics of narration: a monograph]. M., Izd-vo MGOU, 2012. 560 p.
2. Bykova T.A. Perevody proizvedenii Karamzina na inostrannye yazyki i otkliki na nikh v inostrannoi literature [Translation of Karamzin's works into foreign languages and the responses to them in foreign literature] // XVIII vek. Sbornik 8. Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX veka [18th century. Collection 8. Derzhavin and Karamzin in the literary movement of the 18th – the beginning of the 19th century]. L., Nauka, 1969. pp. 324–342.

3. Karamzin N.M. Izbrannye sochineniya: V 2-kh tt. M.; L.: Khudozhestvennaya literatura, 1964. T. 1. Vstup. stat'ya P. Berkova i G. Makogonenko. Izdanie teksta i primechaniya P. Berkova. 811 s.; T. 2. Sostavlenie, podgotovka teksta i primechaniya G. Makogonenko, 591 s. [Selected works: In 2 vols. M.; L.: Khudozhestvennaya Literatura, 1964. Vol. 1. Intr. article Berkova P. and G. Makogonenko. Edition text and notes P. Berkova. 811 p.; V. 2 Comp., preparation of text and notes by G. Makogonenko, 591 p.]
4. Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika [Letters of a Russian traveler] / Publication was prepared by Y.M. Lotman, N.A. Marchenko, B.A. Uspensky. L., Nauka (seriya Literaturnye pamyatniki), 1987. 718 p.
5. Koshelev V.A. ANGLIISKII SPLIN i RUSSKAYA KHANDRA // Oneginskaya entsiklopediya: v 2-kh tt. T. 1. A–K [ENGLISH SPLEEN and RUSSIAN KHANDRA // Onegin encyclopedia: in 2 volumes. Vol. 1. A–K] / Under the General editorship by N.I. Mikhailov; Comp. N.I. Mikhailov, V.A. Koshelev, M.V. Stroganov. M., Russkii put', 1999. 576 p.
6. Lotman Y.M. Sotvorenie Karamzina [The Creativity of Karamzin] / Preface by B. Yegorov. M., Kniga, 1987. 336 p.
7. Murav'ev V.B. Karamzin (ZHizn' zamechatel'nykh lyudei: ser. biogr.) [Karamzin (the Lives of remarkable people: ser. of biogr.)]. M., Molodaya gvardiya, 2014. 479 p.
8. Nabokov V. V. Kommentarii k romanu A.S. Pushkina «Evgenii Onegin» [Comment on Alexander Pushkin's novel "Eugene Onegin"] / Translation from English. SPb., Iskusstvo-SPB, Nabokovskii fond, 1998. 928 p.
9. Ostrovskii A.N. Poln. sobr. soch.: V 12-ti tt. / Pod obshch. red G.I. Vladykina (i dr.). T. 3. P'esy (1868–1871) [Full. Coll. works: In 12 vols. / Under gen. ed. by G.I. Vladykina (and others). Vol. 3. Plays (1868–1871)]. M., Iskusstvo, 1974. 560 p.
10. Pushkin A.S. Poln. sobr. soch.: V 16-ti tt. [B.m.]. Rimskimi tsiframi oboznachen tom, arabskimi stranitsa etogo izdaniya. [Full. Coll. works: In 16 vols. [B. M.]. Roman numerals indicate the volume, Arabic numbers - page of this paper.]. Izd-vo AN SSSR, 1937–1949.
11. «YA bereg pokidal tumannyi Albiona...»: Russkie pisateli ob Anglii. 1646–1945 ["I was leaving Albion's foggy coast...": Russian writers of England. 1646–1945] / Preparers Kaznina O.A., Nikolyukin A.N. M., Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2001. 648 p.
12. Arzumanova M.A. Perevod angliiskoi retsenzii na «Pis'ma russkogo puteshestvennika» iz bumag A.S. SHishkova» [The English translation read: «letters of a Russian traveler» from the papers of A.S. Shishkov»] // XVIII vek. Sbornik 8. Derzhavin i Karamzin v literaturnom dvizhenii XVIII – nachala XIX veka. [XVIII century. Collection 8. Derzhavin and Karamzin in the literary movement of the eighteenth - the beginning of the XIX century]. L., Nauka, 1969. pp. 309–323.
13. Uil'yam SHekspir. Yulii TSezar' (na angliiskom i russkom yazykakh) [William Shakespeare. Julius Caesar (English and Russian)]. M., Raduga, 1998. 303 p.
14. Eshenburg I.I. Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka. [The dictionary of Russian writers of the XVIII century.]. 1999. no. 2 (K-P). SPb., Nauka. P. 33.
15. Zaborov P.R. Shekspir i russkii preromantizm / N.M. Karamzin [Shakespeare and the Russian preromantic / N.M. Karamzin] Shekspir i russkaya kul'tura [Shakespeare and Russian culture] / Ed. by M. P. Alekseev. M–L, 1965. pp. 70–78.
16. Child reading. 1789. Part. 18. no. 23.
17. The Edinburgh Review or Critical Journal. 1804, Vol. III. no. 6, pp. 321–328.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Джанумов Сейран Акопович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Института гуманитарных наук и управления Московского городского педагогического университета;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Seyran Dzhanumov – doctor of Philological Sciences, professor, professor of the department of the Russian literature at Institute of the humanities and control of the Moscow City Teacher Training University;
e-mail: DjanumovSA@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Джанумов С.А. Англия и англичане в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 108-119.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-108-119

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

S. Dzhanumov. England and Englishmen in N. Karamzin's «Letters of a Russian traveler» // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 108-119.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-108-119

УДК 71.2:81.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-120-126

ПРИНЦИП И СМЫСЛ ОБРАТНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ В СТИХОТВОРЕНИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ПАРУС» (1832)*

Киселева И.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, улица Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. На основании анализа стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус» делается вывод об особенностях художественного мышления и представления поэта о мире. Духовная реальность в представлении поэта – это реализация всех внутренних сил личности, подкрепляемой духовно-культурным опытом человечества. Используя при создании стихотворения принципы иконописного искусства, поэт создаёт художественный образ, в котором физическое и духовное неразрывно слиты. Композиция и содержательный ритм стихотворения «Парус» всецело подчинены решению вопроса о смысле и назначении жизни, цель которой определяется в приобщении к её Источнику.

Ключевые слова: взаимодействие искусств, духовная реальность, обратная перспектива, сферическая перспектива, отстранение.

THE PRINCIPLE AND SENSE OF THE REVERSE PERSPECTIVE IN M. LERMONTOV'S POEM «SAIL» (1832)

I. Kiseleva

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. On the basis of the analysis of M. Lermontov's «Sail» the conclusion about features of the poet's art system and worldview is drawn. The spiritual reality in the poet's representation is the embodiment of all internal forces of the personality supported by spiritual and cultural experience. Using the principles of icon-painting art in the poem, the poet creates an artistic image in which physical and spiritual are indissolubly merged. The poem's structure and contents opens a question of life's meaning the purpose of which is defined in connection with God.

Keywords: interaction of arts, spiritual reality, return perspective, spherical perspective, discharge.

И.А. Ильин говорил о созерцании как о ведущей силе поэтического гения М.Ю. Лермонтова [5]. Что же такое созерцание? Одним из его аспектов является любование тварным миром, любование, которое составляет не только радость глаз, но и отзывчивость сердца, и сердечное размышление, и в полноте выра-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект №15-04-00498 «Концептуальные основы современного лермонтоведения».

© Киселева И.А., 2016.

зять его, поделиться этим духовно-эстетическим опытом может только художественно одарённая личность. Способность к созерцанию – это способность за внешними явлениями бытия видеть истинную сущность вещей, чувствовать духовный смысл тварного мира. Эта сила созерцания определяет и особенности поэтического мышления поэта, которое сочетает в себе мысль и зрительность образа. И зрительность его художественных образов также не случайна, она определяется и мастерством художника, и самим своеобразием его поэтического гения. Жан Батист Дюбо отмечал, что ближе всего из органов чувств к сердцу расположены глаза, поэтому то, что мы видим, оказывает на нас особое впечатление по сравнению, например, с тем, что мы слышим [3, с. 222].

Рассмотрим стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус». Начнём с анализа композиции и содержательного ритма лермонтовского шедевра, так как именно композиция отражает процесс движения художественной мысли поэта. Первые два стиха лермонтовского «Паруса» представляют собой изображение паруса на морском горизонте: «Белеет парус одинокой // В тумане моря голубом» [7, с. 62]. Интересна работа поэта над стихотворением, в черновике вместо стихов «Белеет парус одинокий» мы читаем стихи «Белеет парус отдаленный» [автограф ИРЛИ РАН; 5, с. 268], то есть для поэта важна именно удалённость паруса, его видение на горизонте, только потом он находит более точную фразу из поэмы А.А. Бестужева-Марлинского «Андрей, князь Переславский»: «Белеет парус одинокий» (Белеет парус одинокий, // Как лебединое крыло, // И гру-

стен путник ясноокий; // У ног колчан, в руках весло») [1, с. 72].

Но в любом случае мы видим картинку глазами поэта, стоящего на берегу моря и размышляющего о судьбе паруса: «Что ищет он в краю далёком // Что кинул он в краю родном» [7, с. 62]. Второй и третий катрен также будут строиться по этой ритмической схеме, связанной с чередованием композиционных частей по закону контраста, что побуждает читателя ярче воспринимать развитие авторской мысли и авторского чувства, напряжённо следить за его умно-сердечным видением. Изображая мир внешний в первой паре стихов каждого катрена, в 3 и 4 стихах поэт передаёт размышления о судьбе паруса, которая неотрывна от его судьбы и в момент переживания стихотворения читателем становится духовным опытом и читателя: читатель вовлекается в духовный опыт автора с помощью зрительного и мыслительного ритмов. Причём этот ритм не однообразен, и каждый стих привносит в него новый оттенок, можно говорить даже о некоем кубическом контрасте: каждый стих контрастирует с предыдущим: конкретный парус с морским туманом, край далёкий с краем близким, небо с водной стихией и т. д. Но эта контрастность обеспечивает и образную цельность произведения, его художественную силу, всё стихотворение предстаёт как источник энергии с двухполюсным электрическим зарядом. Принцип контраста последовательно «работает» и при организации пространства стихотворения, контрастируют между собой и принципы видения тварного мира. Если в первом катрене взор лирического поэта устремлён к горизонту, то уже второй

катрен передаёт реальные ощущения лирического поэта, будто бы перенесшегося на парусник, он слышит скрип мачты, видит её сопротивление ветру: «Играют волны, ветер свищет, // И мачта гнётся и скрипит...» [7, с. 62], сам оказывается в эпицентре бури (и мы оказывается там вместе с ним). Начало третьего катрена опять возвращает нас к идиллической картине паруса, видимого издали: «Под ним струя светлей лазури, // Над ним луч солнца золотой...» [7, с. 62]. **Перед нами происходит** поочерёдная смена пространственного видения: первый катрен является собой панорамный план, второй катрен – ближний план, третий катрен опять возвращает нас к панорамному видению, но уже иного толка. Н.Ф. Ермакова верно отметила, что «в «Парусе» мы наблюдаем круговую перспективу внешнего мира (объективного пространства), которая изображена в виде трёх пространственных кругов, сужающихся к центру: I круг, наиболее широкий, включающий всё открытое пространство, как бы видимое наблюдателю / читателю. Парус – объект (участник) ситуации; II круг – открытое пространство вблизи центра. <...> III круг – центр пространства (обзор по вертикали: над ним – под ним, то есть вверху – внизу)» [4, с. 17]. Третий круг – особый, он может быть истолкован неоднозначно, с одной стороны, «читатель и автор, – как, например, пишет Н.Ф. Ермакова – будто бы находятся в центре парусника» [4, с. 17], но с другой стороны – форма третьего лица отстраняет читателя и лирического поэта от паруса. М.Ю. Лермонтов использует здесь приём «отстранения», который по определению В. Шкловского является собой «вывод

вещи из автоматизма восприятия» [11, с. 13]. Эта двойственность толкования последней строфы рождает особое чувство новизны; взятый из поэмы А.А. Бестужева-Марлинского образ белеющего паруса становится исключительно лермонтовским, здесь соборное (в том числе литературная традиция) и личное начала неразрывно сливаются, а всё произведение является собой прорыв в сферу духа, возможный лишь при сочетании высшей степени самоотречения с высочайшим чувством личности.

Обозначенная П.А. Флоренским [12] и Б.В. Раушенбахом [9] как «обратная перспектива», перспектива иконописного искусства обозначается, например, Н.Н. Третьяковым [10] как сферическая, именно этот тип перспективы отмечает у М.Ю. Лермонтова и Н.Ф. Ермакова, называя её перспективой «круговой». Подобное духовное движение (что не раз отмечалось) наблюдается у Данте, когда лирический поэт, спустивший в ад, устремляет свой путь к Небесам:

*Но я в той точке сделал поворот,
Где гнёт всех грузов отовсюду слился;
И над тобой теперь небесный свод.
Обратный своду, что взнесён навеки
Над сушей и под сенью чьих высот
Угасла жизнь в безгрешном Человеке...* [2, с. 169].

Но если Данте в «Божественной комедии» разъясняет духовно-пространственное устройство мира, то М.Ю. Лермонтов в своём «Парусе» такое устройство представляет, перенося мир внешний в мир души и одновременно проецируя мир души на мир внешний, что собственно и отвечает лирическому жанру. Представленная в стихотворении «Парус» смена планов,

связанная со свободой пространственного перемещения лирического «Я», говорит о возможности преодоления ограниченности физического мира, в котором мы стеснены своими «кожными ризами» (физическим телом в его непосредственной данности в реальности земного существования).

Реальной возможностью к преодолению физической ограниченности пространства и времени обладают ангелы, которые суть интеллектуальные силы, этой же способностью обладают и мысль, и слово, которые суть свойства человеческой души. Подобное преодоление физической ограниченности можно наблюдать в иконописном искусстве, которое одновременно представляет ближний и дальний план, а точнее, реализует принцип сферы. При так называемой «обратной перспективе» картина может иметь несколько горизонтов и несколько точек зрения, реально дальние предметы могут изображаться как ближние в связи с тем, что центр линий смещается с горизонта во внутренний духовный мир иконописца. У М.Ю. Лермонтова также ближний план второго катрена является планом обратной перспективы, при которой центр линий смещается с горизонта во внутренний мир лирического субъекта, что позволяет поэту в зримой форме представить духовный пласт жизни, вложить личностный глубоко духовный смысл в объективную картину видимой телесными очами реальности. Заключительные оценочные стиховые пары каждого катрена («Что ищет он в стране далёкой? // Что кинул он в краю родном?»; «Увы! – он счастья не ищет // И не от счастья бежит!»; «А он, мятежный, просит бури, // Как будто в бурях есть

покой!» [7, с. 62]) делают смену планов естественными для восприятия, а также являют духовный центр пространственных кругов и представляют тот особый образно-понятийный уровень, который также является знаковым для поэзии Лермонтова. Можно сказать, что обратная перспектива являет собой некую часть перспективы сферической, которая предполагает, по замечанию Н.Н. Третьякова, «бесконечность решений» [10, с. 64].

Примечательно, что мечта о буре, выраженная в заключительных стихах стихотворения, получает реализацию заранее, уже в пятом и шестом стихах («Играют волны, ветер свищет, // И мачта гнётся и скрипит...» [7, с. 62]), когда лирический субъект представляет себя в непосредственной близости от паруса. Центральный катрен создаёт динамическую напряжённость стихотворения, ясно заявляет об авторской причастности к судьбе паруса, «ломает» логику реального видения и ставит вопрос о жизненном назначении. Именно здесь обозначается центральная проблема произведения: целью бытия является не земное счастье, а нечто иное. Ответ на «это иное» даётся в заключительном катрене: цель жизни – не спокойное существование в довольстве природной гармонией, ограниченной этим миром, но обретение высшего запредельного покоя, состояния, когда «в буре есть покой» (см. подробнее: [6]).

В стихотворении «Парус» М.Ю. Лермонтов интуитивно подошёл к идее о том, что свобода и покой – неразрывные сочетания. Буря – это тоже вариант проявления свободы, так как она есть образ свободы в этом мире, а в духовном опыте религиозной культуры сим-

волизирует пограничную черту, соединяющую мир земной и мир небесный. Буря и покой – это смысловые доминанты лермонтовского стихотворения, а их образно явленное несочетаемое сочетание обеспечивает принцип обратной перспективы, который, будучи художественным приёмом, являет собой мировоззренческий код, связанный с традициями православной культуры.

Пейзажное стихотворение М.Ю. Лермонтова «Парус» и являет собой свидетельство реальности духовного мира, и открывает вдумчивому читателю живую жизнь бессмертной человеческой души. Будучи стихотворением ранним, написанным 17-летним поэтом, оно не только предвосхитило позднейшие духовные озарения Лермонтова, но было и отражением принципов художественного мышления, и декларацией его духовной доминанты, связанной с желанием вечной жизни, явленной на умозрительном уровне в сочетании «свободы и покоя». В практически предсмертном стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» поэт также легко сменяет изобразительные планы: земной пейзаж с кремнистой дорогой уступает место пейзажу панорамному: «спит земля в сиянье голубом», а небо вмещается в зримые образы земного мира: «Надо мной чтоб вечно зеленея, // Тёмный дуб склонялся и шумел» [7, с. 208]. Закономерностью художественной образности М.Ю. Лермонтова является то, что реальный пейзаж, будучи

природным стимулом утончения душевного чувствования, уступает месту пейзажам, видимым духовным зрением, которые, тем не менее, представляются не ирреальными, а имеющими зримую плотность. Поэт созерцает вид земли «в сиянье голубом», воображение рисует ему жизнь-мечту, для которой вечность и любовь являются имманентными свойствами. Реальность духовная для поэта не бестелесна и эфемерна, но, наоборот, являет жизнь в её наивысшей полноте, когда возможно сочетание «свободы и покоя», вечности и любви, силы и красоты – важнейших координат ценностного мира М.Ю. Лермонтова. В этом стихотворении поэт отразил глубоко личный, но в то же время укоренённый в национальной традиции, опыт вечной жизни, в нём явился феномен «уникальной духовности» [8, с. 79] М.Ю. Лермонтова.

Создаваемые М.Ю. Лермонтовым художественные образы всецело подчинены его поэтическому сердцу, центр схода линий, определяющих пространственную композицию произведения, находится внутри самого поэта и внутри его читателя-зрителя, оттого стихи М.Ю. Лермонтова так трогают нашу душу, и становится он близок всем, кто прикоснётся к его лирике, своё индивидуальное он делает всеобщим, потому что его личность обладала высочайшей степенью знания вечной жизни, в которую стягивается всё прекрасное временное.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бестужев-Марлинский А.А. Библиотека поэта. Л.: Сов. писатель. 1948. 216 с.
2. Данте Алигьери. Божественная комедия. М.: Наука, 1967. 628 с.
3. Дюбо Жан-Батист. Критические размышления о поэзии и живописи. М.: Искусство, 1976. 760 с.

4. Ермакова Н.Ф. Некоторые черты ассоциативно-семантического поля восприятия текста (на материале стихотворения М.Ю. Лермонтова «Парус») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2008. № 4. С. 10-18.
5. Ильин И.А. Талант и творческое созерцание // Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции. М.: Искусство. 1973. С. 262-278.
6. Киселева И.А. Стихотворение Лермонтова «Парус»: поэзия духовной перспективы // Литературоведческий журнал. 2005. № 20. С. 40-48.
7. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. Т. 2. Стихотворения, 1832–1841 / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом); Ред. Н. Ф. Бельчиков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 386 с.
8. Москвин Г.В. К вопросу духовности творчества М.Ю. Лермонтова: обзор критики 1840–1914 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 2. С. 78-88.
9. Раушенбах Б.В. Системы перспективы в изобразительном искусстве. Общая теория перспективы. М.: Наука, 1968. 256 с.
10. Третьяков Н.Н. Образ в искусстве. Основы композиции. Свято-Введенская Оптина пустынь. 2001. 262 с.
11. Шкловский В. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 265 с.
12. Флоренский П.А. Иконостас: Избранные труды по искусству. СПб.: Мифрил; Русская книга, 1993. 365 с.

REFERENCES:

1. A.A. Bestuzhev-Marlinskii. Biblioteka poeta [A.A. Bestuzhev-Marlinsky. The poet's library]. L., Sov. pisatel', 1948. 216 p.
2. Dante Alig'eri. Bozhestvennaya komediya [The divine comedy]. M., Nauka, 1967. 628 p.
3. Dyubo ZHan-Batist. Kriticheskie razmyshleniya o poezii i zhivopisi [Dube, Jean-Baptiste. Critical reflections on poetry and painting]. M., Iskusstvo, 1976. 760 p.
4. Ermakova N.F. Nekotorye cherty assotsiativno-semanticheskogo polya vospriyatiya teksta (na materiale stikhotvoreniya M.YU. Lermontova «Parus») [Some of the features of the associative-semantic field of perception of the text (based on the poem by Mikhail Lermontov «the Sail»)] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2008. no. 4. pp. 10–18.
5. Il'in I.A. Talant i tvorcheskoe sozertsanie [The talented and creative contemplation] // Odnokii khudozhnik. Stat'i. Rechi. Lektsii [The lone artist. Articles. Speeches. Lectures]. M., Iskusstvo, 1973. pp. 262–278.
6. Kiseleva I.A. Stikhotvorenije Lermontova «Parus»: poeziya dukhovnoi perspektivy [Lermontov's «Sail»: poetry of soul perspective] // Literaturovedcheskii zhurnal. 2005. no. 20. pp. 40–48.
7. Lermontov M.YU. Sobranie sochinenii. T. 2. Stikhotvoreniya, 1832–1841 [Works. Vol. 2. Poems, 1832–1841]. M.; L., Izd-vo AN SSSR, 1954. 386 p.
8. Moskvina G.V. K voprosu dukhovnosti tvorchestva M.YU. Lermontova: obzor kritiki 1840–1914 gg. [To the question of spirituality of creativity of M. Lermontov: a review of critics 1840–1914]. // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. M. 2016. no. 2. pp. 78–88.
9. Raushenbakh B.V. Sistemy perspektivy v izobrazitel'nom iskusstve. Obschaya teoriya perspektivy [Systems of perspectives in the visual arts. The General theory of perspective]. M., Nauka, 1968. 256 p.

10. Treťyakov N.N. *Obraz v iskusstve. Osnovy kompozitsii* [Image in art. The basics of composition]. Svyato-Vvedenskaya Optina hermitage, 2001. 262 p.
11. Shklovskii V. *O teorii prozy* [On the theory of prose]. M., Federatsiya, 1929. 265 p.
12. Florenskii P.A. *Ikonostas: Izbrannye trudy po iskusstvu* [Iconostasis: Selected works on art]. SPb., Mifril; Russkaya kniga, 1993. 365 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Киселева Ирина Александровна – доктор филологических наук, доцент, академик МАНПО, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: classikaXIX@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Kiseleva – candidate of Philological Sciences, Academician of MANPO, Professor of Department of Russian classical literature, Moscow State Region University;
e-mail: classikaXIX@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Киселева И.А. Принцип и смысл обратной перспективы в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Парус» (1832) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 120-126.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-120-126

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Kiseleva. The principle and sense of the reverse perspective in M. Lermontov's poem "Sail" (1832) // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 120-126.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-120-126

УДК 82.09.133.1.0

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-127-135

ДОКУМЕНТ И ДОКУМЕНТАЛЬНОСТЬ В ТЕКСТЕ И КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Литвиненко Н.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. Исторический роман первой половины XIX века, сближаясь с историографией, аккумулировал в своей нарративной структуре новую специфику и художественные модели историзма. В разных модификациях, апеллируя к документу и документальности, он выверял пограничные возможности новой эпистемы, был субъектом и объектом историзирующей рефлексии; принадлежал эпохе его создания и эпохе, воскрешаемой в нём. История и документ не только сосуществуют, они взаимопроницаемы, перетекают друг в друга, вырабатывают «общий язык». Фактологическая, историческая достоверность становится референтной иллюзией.

Ключевые слова: документ, документальность, исторический роман, эпистема, историзм, романтизм, референтная иллюзия.

DOCUMENT AND DOCUMENTARY IN THE TEXT AND THE CONTEXT OF THE FRENCH HISTORICAL NOVEL OF THE EARLY 19TH CENTURY

N. Litvinenko

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. Historical novel of the early 19th century, approaching the historiography, had accumulated in its narrative structure, the specificity of a new artistic models of historicism. In different versions, appealing to document and documentary, it verified the border of new epistemes, being the subject and the object of historicizing reflection; belonged to the era of its creation and the epoch it rebuilt. History and document do not only co-exist, they are mutually permeable, flow into each other, develop a «common language». The factual, historical accuracy becomes a referential illusion.

Keywords: document and documentary, historical novel, romanticism episteme, historicism, referential illusion.

В связи с бурным развитием современной исторической романистики, присутствующим постмодернизму недоверием к факту и слову, в связи с произошедшими в XX веке процессами деконструкции традиционно романических моделей жанра, сложившихся в начале XIX века, в литературоведении обострился интерес к феномену исторического романа как такового, переоценке тех его особенностей,

которые сохраняют или не сохраняют свою актуальность в современных художественных и исследовательских подходах [10; 11].

О проблематизации, полифункциональности документа пишут отечественные историки [3; 7]. Французские литературоведы – о разнообразных и многочисленных «приключениях документа», касающихся всех жанров, – автобиографии, литературы о войне, лагерях, поэзии и театра, но всё-таки, прежде всего, романа [13]. Художественная «проблематизация» и «приключения» затрагивают формы традиционного повествования, творчество сюрреалистов, натуралистов, реалистов, порождают использование новых художественных практик, в частности, монтажа, в стремлении заместить эстетику *de la présentation* (презентации, показа) эстетикой *de la représentation* (представления), сохраняя в первооснове конфликт между романическим действием и документом [13].

Мы рассматриваем специфику и роль исторического документа в дискурсе исторического романа XIX века, когда документ воспринимался как источник и свидетельство о времени. Связуя эпохи, романтический роман первых десятилетий послереволюционной эпохи всматривался в прошлое и настоящее, опираясь на вырабатываемые новым временем представления о закономерностях общественного развития, в поисках новой исторической идентичности – национальной, личной, социальной и художественной [9].

Важно учесть семантику и эволюцию понятий «документ» и «документальность» в историографии и литературе на протяжении ряда

эпох, от позитивистских интерпретаций – к подходам, базирующимся на современной эпистемологии [3; 7]. Бесконечная широта и «междисциплинарность» проблемы не снимает, а только усложняет подходы к её литературоведческому изучению. Нарративная специфика жанра исторического романа, построенного на принципах широкого использования различных форм романического, вполне очевидна и универсальна, но на каждом этапе эволюции приобретает новую художественную семантику, требует нового осмысления: соотношения «реального» и вымышленного, мифа и истории, использования документа и псевдодокумента, принципов достоверности и документальности. В том числе, – на этапе формирования жанра исторического романа, в эпоху романтизма. В рамках небольшой статьи будут затронуты отдельные аспекты проблемы.

Мы выделяем понятие документальности и документа как «объективно» существующих свидетельств о времени, событиях и людях – «*pop fiction*», зафиксированного в устной или письменной традиции. Мы сознательно включаем в «синонимический» ряд к понятию «документ» категорию документальности как свойства и принципа художественного изображения, присущего обрисовке явлений, не обязательно задокументированных, учитывая сложившуюся в литературоведении традицию метафорического употребления понятий и семантику самого используемого термина. Речь идёт не только об обращении к документу как таковому, принадлежащему к различным сферам гуманитарного знания, в первую очередь, исторического, но отчасти и о различных спо-

собах использования исторических аллюзий, апелляции к историческому документу и документальности, исторической памяти [6].

Категория объективности, на позитивистской основе сопрягаемая с документом, в данном случае условна, поскольку в XIX веке личный опыт сопричастности человека истории, событиям эпохи воспринимался как имеющий безусловную ценность исторический феномен, сам человек ощущал себя творцом истории – героем и жертвой, подобно Шатобриану, пишущему мемуары о времени и себе, где в бурном потоке смешаны судьбы личные и всеобщие, где документом становится глубоко субъективное, личное свидетельство человека. История в очередной раз соединила историю и деяния ... *historiam rerum gestarum*, как и самые *res gestas* [4, с. 84] обрела целостность. Естественно, все предшествующие эпохи – и близкие, и отдалённые – рассматривались как преддверие революции, идёт ли речь о заговоре XVII века у Виньи, о Варфоломеевской ночи у Мериме (XVI в.) или о Калиостро-Бальзамо у А. Дюма (XVIII в.).

Французский XIX век в сфере идеологии в своих осознанных устремлениях декларирует идею разрыва, исторцистски понимаемого развития, в том числе как катастрофической смены эпох (вслед за Сен-Симоном), тогда как в области художественного творчества в силу самой природы романтического мышления, специфики нарративного романного дискурса прошлое вступает в синтез с настоящим, предстаёт как одно из измерений настоящего, в глубине которого смутно или явственно теснятся нереализованные возможно-

сти. Осмысливая экзистенциальный опыт XX века, обобщение которого было начато ещё А. Бергсоном, Ж. Делез пишет: «Нельзя сказать – прошлое было. Оно больше не существует, уже не существует, но упорствует, оно содержится, оно есть. Оно упорствует своим прошедшим настоящим, оно содержится в актуальном или новом настоящем» [2, с. 103]. То, о чём пишет Ж. Делез, не было отрефлексовано историческим романом XIX века с такой полемической заострённостью, но в редуцированной форме создавалось, «переживалось» – трагически или с надеждой, драматизировалось в разных модификациях жанра – скептиками Виньи и Мериме, оптимистами Санд и Гюго, в процессе поисков трансцендентного, как у Шатобриана, в попытках вырваться за пределы «повторения», как у Э. Сю.

В подходе к проблеме документа и документальности заложен ещё один соучастник процесса идентификации – не только исследователь, критик, литературовед, писатель, но и читатель, который воспринимает художественную действительность как отражение реальной жизни, натурализует исторический дискурс. На формирование поэтики документальности в первые десятилетия XIX века повлияли новые, складывающиеся в романтическую эпоху представления о мимесисе, правде и правдоподобию, где символизация – воображение и «non fiction» – в слиянности осуществляют прорыв к новой художественной эпистеме.

Для осмысления «истории» как понятия, антитетичного вымыслу, важно используемое английским литературоведом Мэйером противопоставление, которое разработал Ц. Тодоров, – меж-

ду двумя разновидностями правды – правды соответствия действительности и правды правдоподобия (truth of unveiling). Первое соизмеряется понятиями всё / ничто, второе – более / менее [14]. По концепции Р. Мэйера, новая установка, новое восприятие читателей-современников, увидевших в «Робинзоне Крузо» воплощение правды действительности, способствовало выработке нового романного дискурса, обладающего новым типом конвенциональности. Р. Мэйер в этом видит разгадку того, что все основополагающие произведения в традиции novel, вышедшие в XVIII веке, – Ричардсона, Филдинга, Стерна, Берни, – «Кларисса» (1747–1748), «Том Джонс» (1749), «Тристрам Шенди» (1759–1767), «Эвелина» (1778) – убеждали читателя в необходимости понять новую форму их связи с «историей» [12, п. 229]. Литературовед обнажает один из важнейших (по яуссовской концепции) принципов формирования жанра – на почве меняющейся психологии восприятия, изменяющегося горизонта читательских ожиданий, трансформируемых в повествовательной стратегии романа и трансформирующих её.

На рубеже XVIII–XIX вв. сознательная мистификация как приём историзации, «документализации» жанра, поддерживающий установку на достоверность, использовался весьма широко. Некоторые произведения выдавались за рукописи, якобы найденные, переданные автору-издателю. Этот приём позволял мотивировать целый ряд особенностей, вводил дополнительный угол зрения, усложнял, порой диалогизировал романский дискурс. Смежной проблематикой окрашен многообразный пласт романтиче-

ских произведений, в лироэпической поэтике которых современники преднамеренно или непреднамеренно отыскивали документально-биографическую или автобиографическую основу (Байрон, Лермонтов).

Для исторического романа XIX века особенно актуальным становится взаимодействие, взаимопроникновение субъективного и объективного, поскольку каждое явление чревато своей противоположностью – в соответствии с романтической концепцией творческого субъекта, при всём различии, стадийном и эстетическом, подходов Ф. Шлегеля и Ж. де Сталь, В. Скотта и В. Гюго, Шатобриана и Жорж Санд. Однако в романном континууме эпохи, воссоздающем игру, столкновение, взаимодействие индивидуальной воли, социальных сил, это «тождество» порой распадается, становясь объектом пристального внимания романиста, претендуя на отражение или преломление правды исторической и личной. Функцию «завора», обнаруживающегося между художественным, вымышленным и реально-историческим, разрыва естественной логики нарративности, романного и романического потока событий играет обращение к документу, использование тех или иных форм документальности. Это необходимо не столько как приём ретардации, сколько как апробированный принцип актуализации романских смыслов, углубления достоверности, рассчитанный на новую миметическую установку, утверждающую статус *non fiction* изображаемых событий.

Исторические романисты снабжают свои произведения предисловиями, ссылаются на рукописи, мемуары,

исторические документы, цитируют их, приводят свидетельства современников. Это присуще и Вальтеру Скотту, и Мериме, и Шатобриану, и В. Гюго. В то же время – на другом полюсе – идёт процесс мифологизации, формируется одна из продуктивных модификаций жанра – исторический мифологический роман, который запечатлевает концепцию тождества деяния и истории деяний, где эти составляющие предстают в своей мнимой отъединённости, – как фантомы, порождаемые историческими и современными писателю социокультурными мифами, что отнюдь не исключает использования не только документов, но и псевдодокументов или псевдомемуаров (А. Дюма, Э. Сю). В мифологическом романе взаимодействуют модусы разновременных мифов. И тогда документальность может становиться вымышленной, мнимой, не утрачивая в то же время установки на достоверность. В контексте творчества того или иного романиста – Шатобриана, Гюго, А. Дюма, Э. Сю – происходит сочетание, взаимодействие различных принципов документирования, сочетание истории с мифом и художественным вымыслом.

Сама постановка вопроса о документе и документальности в литературе семантически неоднозначна¹: любое

¹ Исследователи фиксируют употребление во Франции слова «документ» с 1214 г., разнообразие его значений на протяжении разных исторических и литературных эпох, и отсутствие – в теории [13]. Автор (Pigez Cl.) называет в качестве исключения «Dictionnaire du littéraire», de Paul Aron, Denis Saint-Jacques et Alain Viala, Paris, PUF, 2002, где поставлен вопрос «de l'ývventuelle valeur documentaire de la littérature». В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» [5, с. 234] речь идёт о документальной литературе.

произведение искусства, автобиографически окрашенное или подчёркнуто «безличное», остаётся документом своего времени. Очевидно, однако, что мемуары, роман-исповедь или лирическая поэма обладают в каждом случае своими особенностями и законами воплощения достоверно-документального материала на разных этапах эволюции жанров, литературных направлений, индивидуальных художественных систем.

Исторический роман XIX века создавался под непосредственным воздействием процессов, обозначивших новые пути развития культуры. События революции 1789–1799 гг., последующие войны и перемены формировали новую историческую, социокультурную реальность, в которой вызревал и реализовывал себя эстетический опыт романтизма, рождалось новое представление о человеке, его месте в истории, литературе и системе знаний. Один из крупнейших современных западных философов М. Фуко характеризует начало XIX века как «порог нашей современности» [8, с. 35], когда произошёл второй крупный разрыв в эпистеме западной культуры. «В суть вещей, – пишет М. Фуко, – проникает глубокая историчность, которая изолирует и определяет их в присущей им связи, придаёт им обусловленные непрерывностью времени формы порядка... По мере того, как вещи замыкаются на самих себе, не требуя в качестве принципа своей умопостижимости ничего, кроме своего становления, и покидая пространство представления, человек в свою очередь впервые вступает в сферу западного знания» [8, с. 36]. Это проявилось в романтическом романе, в слиянии субъ-

екта и объекта познания, в новой природе синтеза исторического документа и художественного начала.

Философ увидел в «этой историчности» «общую диспозицию эпистемы, обусловившую развитие гуманитарного знания, вовлечённого в мощные колебания между сознанием и бессознательным» [8, с. 390]. Тем самым М. Фуко обозначил не только «внешний предел гуманитарных наук» [там же], но и центральную коллизию, связующую историю и судьбу, рационально постижимое и непостижимое как динамическую структуру нарративного художественно-исторического познания.

Исторический роман XIX века, развивавшийся во взаимосвязи с романскими жанрами, аккумулировавший в своей структуре не только новую специфику романического, взаимодействовавший не только с драматургией, лирическими, лиро-эпическими жанрами, но и с историографией, философией, публицистикой, литературной критикой – всеми областями современного ему гуманитарного и естественнонаучного знания, художественно выверял пограничные возможности новой эпистемы, роль сознательного и бессознательного, случайного и закономерного в судьбе индивида и судьбе масс, смыслы общественного развития и бытия, сам стал объектом историзирующей рефлексии [1]. Требование верности местного колорита, исторической правды вплотную соприкасалось с принципом не только по-новому понимаемой «правды» и достоверности, но и документальности – у Вальтера Скотта, Жорж Санд, А. Дюма и др.

Фуко пишет о специфике документа, которая вырабатывается на почве

новой эпистемологической парадигмы в историографии XIX века: «История по-новому взглянула на документ и занялась не столько интерпретацией или установлением его истинности и смысла, сколько освоением и развитием внутреннего пространства... Документ больше не является для истории неподвижной материей, отталкиваясь от которой она пытается реконструировать дела и слова людей прошлого, – всё то, от чего остались лишь немногие следы. Теперь история пытается обнаружить в самой ткани документа указания на общности, совокупности, последовательности и связи... Документ более не довлеет истории, которая с полным правом в самом своём существе понимается как память...» [8, с. 10-11]. Обозначенный здесь процесс трансформации затронул ещё в большей мере литературу. Романисты-историки, «допрашивая документ» (выражение М. Блока), модифицируют его роль, встраивают его в текст художественного романа, где он подчиняется логике авторского замысла, где «следы» документа трансформируются в сложном конгломерате встраиваемых автором смыслов и идей¹. В историческом романе первой половины XIX века, в силу стадильной специфики развития жанра и других ранее указанных факторов, история и документ не только сосуществуют, они взаимопроницаемы, перетекают друг в друга, вырабатывают «общий

¹ См. предисловие к первому изданию романа П. Мериме «Хроника царствования Карла IX», где автор полемизирует с «официальной историей» (Мезре, Монлюк) и отдаёт предпочтение мемуарам Брантома, д'Обинье, Тавану, Ла-Ну, высказывает готовность отдать Фукидиду за подлинные мемуары Аспазии или Периклова раба.

язык». Историко-документальное начало пропущено через многогранную призму романического и романного остранения, оно преломляется во взаимоотносвечивающих магических зеркалах разных восприятий и эпох, по-разному трансформирующих реальность, подчиняясь общему вектору формирования «референтной иллюзии». Фактологическая, историческая достоверность становится референтной иллюзией, результатом достоверности художественной.

Каждый роман приобретает двойственный статус – становится в широком смысле документом, принадлежащим эпохе его создания, и эпохе, воскрешаемой в нём. В этой сопричастности общему процессу развития гуманитарного знания, возможно, отчасти причина широкого распространения исторического романа в XIX веке, его влияния не только на литературу, но и на историографию; продуцирования им массовой исторической романистики в XX веке.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Барг М. Эпохи и идеи. Становление историзма. М.: Мысль, 1987. 354 с.
2. Делез Ж. Различие и повторение. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. 384 с.
3. Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: НЛО, 2011. 384 с.
4. Кимелев Ю.А. Философия истории. М.: Аспект Пресс, 1995. 351 с.
5. Муравьев В.С. Документальное // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М.: НПКи Интелвак, 2001. 1595 с.
6. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
7. Степанов Б. Теория документа и культура истории: некоторые размышления по результатам опроса // Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство? / Сборник статей; под ред. И.М. Каспэ. М.: НЛО. 2013.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарного знания. СПб.: А-сacд. 1994. 408 с.
9. Margantin L. L'histoire du point de vue romantique // [Acta fabula, vol. 9, n° 11, Ouvrages collectifs, Décembre 2008 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/revue/document4730.php>, page consultée le 03 mai 2016. (дата обращения: 03.05.2016).
10. Macé M. Pour une approche narratologique du roman historique. Information publiée le 26 juin 2004 par (source: Marc Marti). Le 30 novembre 2004. Université de Nice. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fabula.org/.../pour-une-approche-narratologique-du-roman-historique_8722.php (дата обращения: 03.05.2016).
11. См.: Martinet J-L. Le romanesque légitimé par l'histoire // Acta fabula, vol. 10, n° 1, Ouvrages collectifs, Janvier 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/acta/document4796.php>, page consultée le 03 mai 2016. (дата обращения: 03.05.2016).
12. Mayer R. History and the early English novel. Matter of Fact from Bacon to Defoe. Cambridge, 1997. 229 p.
13. Pérez Cl. Des documents chez les modernes // Fabula / Les colloques: Ce que le document fait à la littérature (1860-1940). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document1731.php>, page consultée le 03 mai 2016. (дата обращения: 03.05.2016).
14. Todorov T. Fiction and Truth. Critical Reconstruction. The Relationship of Fiction and Live. Stanford, 1994. 312 p.

REFERENCES:

1. Barg M. Epokhi i idei. Stanovlenie istorizma [Era and ideas. The emergence of historicism]. M., Mysl', 1987. 354 p.
2. Delez ZH. Razlichie i povtorenie [Difference and repetition]. SPb., TOO TK «Petropolis», 1998. 384 p.
3. Zaretskii YU.P. Strategii ponimaniya proshlogo: Teoriya, istoriya, istoriografiya // Novoe Literaturnoe obozrenie [The strategy of understanding the past: Theory, history, historiography // New Literary review]. M., NLO, 2011. 384 p.
4. Kimelev YU.A. Filosofiya istorii [Philosophy of history]. M., Aspekt Press, 1995. 351 p.
5. Murav'ev V.S. Dokumental'noe // Literaturnaya entsiklopediya terminov i ponyatii [Documentary // Literary encyclopedia of terms and concepts]. M., NPK Intelvak, 2001. 1595 p.
6. Riker P. Pamyat', istoriya, zabvenie [Memory, history, oblivion]. M., Izd-vo gumanitarnoi literatury, 2004. 728 p.
7. Stepanov B. Teoriya dokumenta i kul'tura istorii: nekotorye razmyshleniya po rezul'tatam oprosa // Status dokumenta: Okonchatel'naya bumazhka ili otchuzhdennoe svidetel'stvo? Sbornik statei [The theory of document and culture of history: some reflections on the survey // Status of document: Final paper or seized evidence? Coll. articles] Novoe literaturnoe obozrenie [Novoe literaturnoe obozrenie] / Ed. by I. M. Caspe. M., NLO, 2013. pp. 179–197.
8. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnogo znaniya [Words and things. Archaeology of the Humanities]. SPb., A-cad, 1994. 408 p.
9. Margantin L. L'histoire du point de vue romantique // [Acta fabula, vol. 9, n° 11, Ouvrages collectifs, Décembre 2008 [E-source]. URL: <http://www.fabula.org/revue/document4730.php>, page consultée le 03 mai 2016. (request date 03.05.2016).
10. Macé M. Pour une approche narratologique du roman historique. Information publiée le 26 juin 2004 par (source: Marc Marti). Le 30 novembre 2004. Université de Nice. [E-source]. URL: http://www.fabula.org/.../pour-une-approche-narratologique-du-roman-historique_8722.php (request date 03.05.2016).
11. См.: Martinet J-L. Le romanesque légitimé par l'histoire // Acta fabula, vol. 10, n° 1, Ouvrages collectifs, Janvier 2009. [E-source]. URL: <http://www.fabula.org/acta/document4796.php>, page consultée le 03 mai 2016. (request date 03.05.2016).
12. Mayer R. History and the early English novel. Matter of Fact from Bacon to Defoe. Cambridge, 1997. 229 p.
13. Pérez Cl. Des documents chez les modernes // Fabula / Les colloques: Ce que le document fait à la littérature (1860-1940). [E-source]. URL: <http://www.fabula.org/colloques/document1731.php>, page consultée le 03 mai 2016. (request date 03.05.2016).
14. Todorov T. Fiction and Truth. Critical Reconstruction. The Relationship of Fiction and Live. Stanford, 1994. 312 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ninel Litvinenko – candidate of Philological Sciences, professor of the Department of foreign literatures, Faculty of Philology of the Moscow State Region of Moscow City Teacher Training University;
e-mail: ninellit@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Litvinenko Ninel A. – PhD in Philology, professor of the Department of foreign literatures, Faculty of Philology of the Moscow State Region of Moscow City Teacher Training University;
e-mail: ninellit@list.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Литвиненко Н.А. Документ и документальность в тексте и контексте французского исторического романа первой половины XIX века // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 127-135.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-127-135

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. Litvinenko Document and documentary in the text and the context of the French historical novel of the early 19th century // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 127-135.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-127-135

УДК 812.161.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-136-141

ЗАБЫТЫЙ ПИСАТЕЛЬ И.А. КУПЧИНСКИЙ (МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ)

Михайлова И.П.

Курский государственный университет

305000, Центральный федеральный округ, Курская область, г. Курск, улица Радищева, 33, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается творческая биография И.А. Купчинского, забытого курского писателя конца XIX – начала XX вв. На примере произведений Купчинского показано сочетание разных жанров в его творчестве (драма, рассказ, очерк), проанализировано художественное влияние «натуральной школы», традиций драматургии А.Н. Островского. Статья является первым исследованием в этом направлении.

Ключевые слова: Купчинский, драматургия, региональный, традиции, курский писатель, прозаические произведения.

KURSK FORGOTTEN WRITER I. KUPCHINSKIY (MATERIALS FOR BIOGRAPHY)

I. Mikhailova

Kursk State University

33, Radishchev St., Kursk, Kursk region, Central federal district, Russian Federation, 305000

Abstract. The paper discusses the creative biography of I. Kupchinskiy, Kursk forgotten writer late 19th – early 20th centuries. On the example of I. Kupchinskiy's works, the combination of different genres in his work (drama, short stories, essay) is shown and the artistic influence of the «natural school», traditions of A. Ostrovsky's drama are analyzed. The article is the first study in this direction.

Keywords: Kupchinskiy, drama, regional, traditions, Kursk writer, prose.

Одним из путей изучения литературного процесса курского локуса является исследование творчества его представителей, которые, не претендуя на общероссийский масштаб, опосредованно вносили свой вклад в русскую литературу. Среди них есть видные и заметные авторы, есть и забытые. В числе забытых оказался Иван Александрович Купчинский – драматург, беллетрист, мемуарист (псевдонимы: И. К.; К...й, И.; К.....й, И.; Куп., И.; Курский; Курский, И.; Не спирит). Данная статья представляет собой реконструкцию творческой биографии писателя Купчинского (первый опыт в этом направлении), имя которого было широко известно на местном уровне в конце XIX – начале XX вв., знакомо читателям столичных городов, но основательно забыто к концу XX столетия.

© Михайлова И.П., 2016.

Купчинский (1844–1917) был родом из семьи мещан, обучался в Курском уездном училище. После окончания училища для подготовки к торговому поприщу был отвезён отцом в г. Харьков и «определён мальчиком в лавку», в оптовую торговлю игольным и галантерейным товаром. Но торговое дело не привлекало, у Купчинского были другие интересы: много читал, увлёкся драматической литературой, и, как он отметил позже, именно «с этих лет возникла любовь к театру и страсть к писательству сценок, но придавал им мало значения и писал для своего удовольствия» [3, с. 11]. Кроме того, «заботясь о самообразовании, выпросил у хозяина лавки позволения слушать в университете публичные лекции по вечерам, получил возможность посещать студенческие кружки» [3, с.11]. С 20 лет Купчинский начал служить приказчиком, спустя 3 года – кондуктором на железной дороге. В 1879 г., в период пребывания в Москве, где он, «работая по ежедневным газетам и еженедельным журналам, поставлял рассказы на Никольский рынок», [4, с. 5], состоялось его знакомство с А.Н. Островским. Купчинский явился к известному драматургу со своими рукописями (несколько драматических произведений) и отдал ему их для чтения. Комедия Купчинского «И в руках было, да сплыло» во многом напоминала пьесу «Бедность не порок». Прочтя её, А.Н. Островский сказал: «Это мои типы, совсем мои; только они несколько обновлены временем» [9, с. 17]. В 1898 г. комедия «была поставлена на сцене Малого Императорского театра в весенний сезон» [4, с. 26]. Ободрённый поддержкой Островского, начал писательскую карьеру с его благосло-

вения, Купчинский в течение многих лет поддерживал с ним дружеские отношения: часто бывал у него дома, когда приезжал в Москву из Курска, «всегда шёл к нему без опасения быть в тягость» [4, с. 4], в 1881–1882 гг. встречался с Островским в Петербурге. Общение с драматургом оказало значительное влияние на жизнь и творчество Купчинского, причём характер этого влияния с течением времени всё более углублялся. По воспоминаниям Купчинского, именно на эту особенность обратил внимание И.С. Тургенев, который, прочитав несколько его пьес, сказал: «Прочёл с удовольствием, тем более, что в них видно перо нашего маститого драматурга А.Н. Островского. Очень жаль, что того не видно у других современных драматургов, у Александра Николаевича есть чему поучиться» [4, с. 20].

На протяжении всей жизни Купчинский оставался страстным поклонником театра, им написаны для сцены разные по тематике и жанру произведения: исторические драмы («Огнём и мечом», «Гибель храмовников»), комедии («Ну и влетел», «Любовь требует жертв», «Прощай до радостного утра»), драмы («Яд ревности», «На заре»), бытовые сценки («Весна виновата», «Смотрины», «Язва. Картины замоскворецкой жизни», «Сцены из еврейского быта») и многие другие. В 1902 г. театральный комитет одобрил к постановке на сцене Императорских театров драматическую хронику «Лжедмитрий сват», но пьеса так и не была поставлена, хотя с 1904 г. она успешно шла на сцене провинциальных театров, в том числе и в Курске. Большинство произведений, написанных драматургом в период с 1898 по

1902 г., вошло в трёхтомное издание «Театр И.А. Купчинского». Пьесы Купчинского, отличавшиеся сценичностью, сочетанием юмора и мелодраматизма, шли в провинциальных театрах. И хотя И.З. Баскевич отметил, что произведения Купчинского «подражательны, художественными достоинствами не блещут и большого успеха не имели» [1, с. 66], в то же время нельзя не сказать, что они интересны, прежде всего, как картины быта и нравов той эпохи. В пьесах, посвящённых семейным отношениям, маленьким драмам и незначительным радостям, автор обличал «купеческую жадность, темноту и невежество народа» [1, с. 66], а в обращённых к русской старине звучала резкая критика крепостничества, в условиях которого жизнь человека зависела от прихоти помещика. Пьесы Купчинского в основном традиционны, но в них есть и развивавшаяся в драматургии на рубеже XIX–XX вв. импрессионистичность – изображение характера героя несколькими штрихами. Кроме того, в лучших своих героях, рождённых временем, Володин Николай Николаевич и Вера («Всё это было бы смешно»), Варя («Первая кандидатка»), Нина Николаевна и Стремянский Павел Иванович («На заре») драматург «прежде всего, искал ту духовную опору, которая позволяла им оставаться людьми» [2, с. 122].

Если, как было сказано ранее, произведения драматургии Купчинского создавались в русле традиций А.Н. Островского, то на идейно-художественное становление его как на писателя-реалиста сильное влияние оказала народническая литература. И в данном случае речь идёт не о подражании писателям-народникам, а об

усвоении их традиций, стремлении показать самобытность русского человека. В 1902 г. вышел сборник рассказов Купчинского «Таинственное и непонятное», где в основу повествования включены различные странные и загадочные случаи, которые имели место в его жизни или о которых он узнал от людей, встретившихся ему во время странствий по России, предметом изображения стало то, что «поражает человека и навсегда живёт в его памяти», но никак «не поддаётся анализу ума человеческого, что отвергают и сваливают на галлюцинацию, кошмар» [8, с. 3]. Автор сумел отразить острый ум, смекалку людей из народа, рассказать о тех, кто удивил его своими сверхъестественными способностями. Среди них ямщик, служивший на одном из почтовых трактов Харьковской губернии, который ловко проучивал грабителей, нападавших на проезжих («Ямщик»), сторож бахчи, владевший секретом задержания воров («Сторож, каких мало»), крестьянин из Курской губернии, обладавший уникальным даром «заговаривать» кровь («Заговор крови»), пожилая женщина, удивившая автора «простотой и безыскусностью своего рассказа» («Продавшийся дьяволу»). Повествование отличалось интересными деталями, исключительной чуткостью к живому русскому слову, умением воссоздать социально и национально характерный облик говорящего, для чего порой было достаточно одной реплики. В создании характера особую роль играла речевая манера человека, раскрываемая в разговоре с рассказчиком. Например:

– Чья это усадьба? – спросил я у своего ямщика-малоросса.

– Паньска, – отвечал он.

– По всему заметно, в ней никто не живёт?

– А вже ж никто.

– Как же так. Ведь так всё строения могут растащить.

– Эге, хтось бо почал тащити, коли у ем нечиста сила живе... [8, с. 5].

Рассказы образуют мозаичную картину, где реальные события тесно переплетаются с мистическими явлениями, а эскизные описания быта и нравов – с вторжением ирреальных сил в людские дела. Хотя произведения цикла не отличаются глубиной обобщений, но они несут на себе отпечаток незаурядной личности автора, его знание и понимание народа, среди которого он странствовал.

Купчинский также являлся автором очерковых циклов «Курск и куряне. Из истории Курска», «Театр в Курске», отправной точкой в которых стал особый мир русской провинции с его неспешным течением жизни, консервативностью мышления, самобытной культурой и устоявшимися традициями. Вместе с тем писатель запечатлел в очерках отдельные страницы из прошлого и настоящего Курска, как-то: история Крестного хода, Знаменской и Коренской ярмарок, Лазаретного сада, строительство железнодорожного вокзала [7], упоминание о том, что в городе в конце 70-х годов XIX века функции театрального помещения даже в зимнее время выполняло здание вокзала в городском сквере на Красной площади [6]. Показывая жизнь в городе с разных сторон, он затронул важные проблемы, которые требовали незамедлительного решения, как-то: смертность в Курске («принадлежит по статистике к едва ли не к вымирающим городам <...>, особенно велика смертность

до шестимесячного возраста»; виновность горожан в загрязнении города («домохозяйева отбросы и сор выбрасывают на улицы <...>, в летнее время улицы подметаются так, что как только ветер дунет, то задохнуться можно от пыли, высохшей грязи и лошадиного помета»; обмеление курских рек («свалки мусора и земли превратили реку Кур в зловонную клоаку, канаву среднеазиатского городка<...>. Не в далёком будущем участь Кура постигнет и реку Тускарь») [7, с. 33].

Стиль очерков приобретает документальную конкретность, которая создаётся включением в текст исторических источников, преданий, воспоминаний местных жителей. неотъемлемой частью очерков является городской пейзаж, который не только даёт возможность увидеть Курск начала XX в., но и позволяет представить его в прошлом, а также ощутить силу привязанности автора к «малой родине»:

Что за чудное местоположение города, какие окрестности, какие виды из клубского сада, бульвара, окружного суда, с Костельной горы, из Лазаретного Демидовского сада и т. д. Какие чудные окрестности: Москва, Солянка, курорт железно-щелочных источников, Знаменское...

От туристов приходится летом слышать о местоположении Курска, что оно после Киевского по красоте первое, а от докторов столичных слышны советы расстроенным здоровьем:

– А, так вы едете в Курск? Это хорошо! Там хороший воздух, много садов, зелени... [7, с. 32].

Несколько особняком в наследии Купчинского стоят мемуарные очер-

ки «Из воспоминаний об Александре Николаевиче Островском» и «Из воспоминаний об И.А. Гончарове» [5], в которых им не только созданы выразительные портреты выдающихся писателей, но, исходя из авторского восприятия воскрешаемых современников, дана характеристика собственного творчества.

В последние годы жизни Купчинский оставался общительным и деятельным, несмотря на недомогание, являвшееся следствием перенесённой в молодости болезни (тяжёлая форма заболевания спинного мозга), имел широкий круг знакомств в литератур-

ной среде Москвы, был членом Общества русских драматических писателей и оперных композиторов, активно сотрудничал с журналом «Курский театр и жизнь» (1915–1916 гг.).

Итак, кратко подводя итог сказанному, следует заметить, что материалы к изучению творческой биографии Купчинского, ранее остававшиеся за пределами интереса исследователей, заслуживают внимания и осмысления, так как дают возможность выявления идейно-художественных ценностей произведений писателя в контексте общих историко-литературных проблем российской словесности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баскевич И.З. Курские вечера. Воронеж, 1979. 208 с.
2. Белукова В.Б. Любовь во дни террора: рассказ, повесть, драма Е.Н. Чирикова о гражданской войне // Вестник Московского государственного университета. Серия: Русская филология. 2007. № 3. С. 122-126.
3. Биография И.А. Купчинского // Курский театр. Курск, 1915. № 14. С. 11.
4. Купчинский И.А. Из воспоминаний об Александре Николаевиче Островском. Курск, 1913. 27 с.
5. Купчинский И.А. Из воспоминаний об И.А. Гончарове // И.А. Гончаров в воспоминаниях современников. Л., 1969, С. 192-201.
6. Купчинский И.А. Театр в Курске. Курск, 1887. 30 с.
7. Купчинский И.А. Курск и куряне. Из истории Курска. М., 1906. 34 с.
8. Купчинский И.А. Таинственное и непонятное. М., 1904. 96 с.
9. Яцимирский А.И. Друзья русских самородков // Русская мысль. М., 1902. № 7. С. 17.

REFERENCES:

1. Baskevich I.Z. Kurskie vechera [Kursk evenings]. Voronezh, 1979. 208 p.
2. Belukova V.B. Lyubov' vo dni terrora: rasskaz, povest', drama E.N. Chirikova o grazhdanskoj voine [Love in the days of terror: short story, novel, drama of E. Chirikov about the civil war] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2007. no. 3. pp. 122–126.
3. Biografiya I.A. Kupchinskogo [I. Kupchinskiy's biography] // Kurskii teatr. Kursk. 1915. no. 14. P. 11.
4. Kupchinskii I.A. Iz vospominanii ob Aleksandre Nikolaeviche Ostrovskom [From the memoirs of Aleksandr Nikolaevich Ostrovsky]. Kursk, 1913. 27 p.
5. Kupchinskii I.A. Iz vospominanii ob I.A. Goncharove [From reminiscences about I. Goncharov] V kn.: I.A. Goncharov v vospominaniyakh sovremennikov [In book: I. Goncharov in the memoirs of contemporaries]. L., 1969. pp. 192–201.
6. Kupchinskii I.A. Teatr v Kurske [Theatre in Kursk]. Kursk, 1887. 30 p.
7. Kupchinskii I.A. Kursk i kuryane. Iz istorii Kurska [Kursk and Kursk-citizens. From the history of Kursk]. M., 1906. 34 p.

8. Kupchinskii I.A. Tainstvennoe i neponyatnoe [Mysterious and incomprehensible]. M., 1904. 96 p.
 9. Yatsimirskii A.I. Druz'ya russkikh samorodkov [Friends of Russian nuggets] // Russkaya mysl'. M. 1902. no. 7. P. 17.
-

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Ирина Петровна – кандидат филологических наук, доцент, Курский государственный университет;
e-mail: mihailovairin@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina Mikhailova – candidate of Philological Sciences, associate professor, Kursk State University;
e-mail: mihailovairin@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Михайлова И.П. Забытый писатель И.А. Купчинский (материалы к биографии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 136-141.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-136-141

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

I. Mikhailova. Kursk forgotten writer I. Kupchinskiy (materials for biography) // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 136-141.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-136-141

УДК 821.161.1-09

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-142-149

СЛАВЯНОФИЛЫ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К «СЛАВЯНСКОМУ ВОПРОСУ»

Осипова Е.А.

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН
121069, г. Москва, ул. Поварская, 25а, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности восприятия «славянского вопроса» русскими мыслителями-славянофилами, а также примыкавшими к ним по образу мыслей и роду деятельности учёными-славистами (И.И. Срезневским, О.М. Бодянским) и некоторыми деятелями культуры (М.П. Погодиным, Н.Ф. Щербиной и др.). Упомянуты виды их взаимодействия на поприще русско-славянских взаимосвязей (создание Славянских благотворительных комитетов, сотрудничество в Обществе любителей Российской словесности, а также в ряде периодических изданий славянофилов).

Автор статьи, опираясь на свидетельства переписки и материалы периодической печати, пытается определить, что входило в содержание понятия «славянофильство». Основной вывод данной статьи состоит в том, что в середине и второй половине XIX в. русские мыслители-славянофилы, а также разделявшие их мировоззрение учёные и общественные деятели дали новый существенный импульс к изучению культуры и истории зарубежных славян.

Ключевые слова: славянство, славянофилы, русско-славянские культурные взаимосвязи, научное славяноведение, Общество любителей Российской словесности, славянофильская журналистика.

SLAVOPHILES AND THEIR ATTITUDE TOWARDS THE SLAVIC QUESTION

E. Osipova

*A. Gorky Institute of world literature named
25a, Povarskaya Str., Moscow, Russian Federation, 121069*

Abstract. The article deals with the perception of the «Slavic question» by the Russian thinkers-Slavophiles, as well as by scientists-Slavists (I. Sreznevsky, O. Bodyansky) and by some cultural figures (M. Pogodin, N. Shcherbina, etc.) who joined them in terms of way of thinking and occupation. Types of their interaction in a field of Russian-Slavic interrelations are mentioned (creation of Slavic charitable committees, cooperation in the Society of fans of the Russian literature, in periodic publications of Slavophiles).

The author of article, basing on the evidence of correspondence and materials of periodicals, tries to define what constituted the content of the concept «Slavophilism». The main conclusion of this article is that in the middle and the late 19th century the Russian thinkers-Slavophiles, and also scientists and public figures who shared their world view, have given a new essential impulse to studying of culture and history of foreign Slavs.

Keywords: Slavic peoples, Slavophiles, Russian-Slavic cultural interrelations, scientific Slavic studies, Society of fans of the Russian literature, journalism of Slavophiles.

Интерес русского общества к славянству и собственно русской национальной культуре и традиции, получивший существенный стимул во второй половине XVIII – начале XIX вв., вновь усилился в 1840-е гг., что было связано со становлением в России научного славяноведения, а также в значительной степени с деятельностью русских мыслителей-славянофилов. Само это движение, по мнению историка литературы А.С. Курилова, «...явилося определённым проявлением и своеобразным развитием тех стремлений к самобытности и оригинальности в различных областях жизни, которыми жила русская литературно-критическая и общественная мысль уже в 1820-х годах» [10, с. 172].

Славянофильство стало важным направлением русской общественной и философской мысли 1840–1850-х гг., обосновавшим самобытный путь исторического и культурного развития России на основе Православия и соборных начал русской народной жизни. Ведущую роль в разработке взглядов славянофилов сыграли литераторы и мыслители А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин. Их воззрения разделяли П.В. Киреевский, А.И. Кошелев, И.С. Аксаков, Д.А. Валуев, Ф.В. Чижов, И.Д. Беляев, А.Ф. Гильфердинг и др. Определение славянофильского направления общественной мысли было сформулировано в различных программных статьях и публикациях на данную тему, в том числе и в журнале М.П. Погодина «Москвитянин», где оно характеризовалось как стремление ряда мыслителей

консервативного склада обозначить «...существенную основу Русского человека, его характер, его религиозные и нравственные начала, его первоначальное устройство общественное, его коренные свойства, его взгляд на мир, его отношения семейные, его отношения к народам иноземным...» [3, с. 29]. Многие идейные противники такого подхода изначально именовали это движение «славянофильским», вкладывая в данный термин некоторую долю презрительной иронии. Между тем интуитивно они прекрасно понимали, что сторонники подобных взглядов делают упор именно на отечественную традицию, на изучение самобытных начал русской действительности, в основе своей восходящих ещё к эпохе славянской общности. В этом отношении характерно высказывание Николая Фёдоровича Щербины, который в своём письме 1858 г., адресованном Ольге Алексеевне Новиковой (Киреевой), упоминая между делом Константина Аксакова, писал: «...но что я говорю о славянофиле, когда я сам отчасти славянофил <...> славянофил по горячей любви к нашему народу, по вере в его великие духовные способности, по патриотизму, славянофил, руссофил, наконец, по здравому смыслу и сердцу»¹.

Одним из основных положений учения славянофилов было отношение к России как к особой цивилизации и вера в её всемирную задачу, а также мысль о том, что Православие является залогом будущего объединения

¹ ОР РНБ. Ф. 349. Киреев А.А. и Новиков А.И. Ед.хр. № 160. Щербина Н.Ф. Письма О.А. Новиковой. Л. 6 об.

славянских народов. Поэтому защита угнетаемых славян, насаждение у них просвещения и деятельный труд на благо единства славянского мира были неотъемлемой частью мировоззрения, в рамках которого формировались научные и литературные взгляды мыслителей-славянофилов. С этой стороны их деятельности было связано и создание Славянских комитетов, действовавших в России в 1858–1878 гг. По утверждению исследовательницы Е.А. Дудзинской, «Славянский вопрос стал составной частью деятельности славянофилов и областью, где они применяли все теоретические положения, выработанные ими для России» [5, с. 264].

Иными словами, славянофилы связывали «народное русское дело с делом общеславянским» [14, с. 2]. В то же самое время их горячо волновала и судьба Европы, неотделимая, по их мнению, от судьбы славянства. Так, например, в предисловии к книге А.Н. Попова «Путешествие в Черногорию» (1847) высказывается мнение о том, что славянский вопрос — «это вопрос Европы, к которой принадлежим и мы, это вопрос наш» [13, с. V]. В этой связи весьма показательно название журнала «Европеец», созданного И.В. Киреевским в 1832 г. и ставшего провозвестником будущей программы славянофилов. Не менее характерны и оценки А.С. Хомякова, для которого западный ареал европейской цивилизации некогда был «страной святых чудес» [15, с. 215].

Несомненно, что одной из характерных особенностей всех русских мыслителей, общественных деятелей и учёных, так или иначе разделявших воззрения славянофилов, было жи-

вое, искреннее сочувствие бедам и радостям славян. Так, исследователь В.М. Истрин в предисловии к книге «Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году» называет путешественников «первыми «славянофилами» именно за то, что при всём их уважении к немецкой культуре и науке они были русскими патриотами и «просто и естественно описывали все бедствия славян» [2, с. II]. В то же время и самих славянских учёных, увлечённо занимающихся исследованием славянства, также нередко называли «славянофилами». Например, П.И. Кеппен в своём письме к редактору «Журнала министерства народного просвещения» под названием «Литература славянских народов», подробно сообщая о темах исследований и творческих планах своих зарубежных коллег-славистов в славянских странах, заключает: «Но не стану утомлять вас дальнейшими рассказами о трудах наших славянофилов. На сей раз и этого конечно уже слишком много!..» [6, с. 10]. В свою очередь И.И. Срезневский в своём «Донесении...» министру народного просвещения из Вены, сообщая о посещении им знаменитой Берлинской библиотеки, писал: «Библиотека Берлинская не богата впрочем ни рукописями, ни старопечатными книгами, важными для Славянофила» [4, с. 13].

Идеи философов-славянофилов были близки многим отечественным исследователям и деятелям культуры, в частности, О.М. Бодянскому, И.И. Срезневскому, В.И. Григоровичу, Н.И. Надеждину, А.Н. Попову, А.Ф. Гильфердингу, П.А. Безсонову, М.А. Максимовичу, В.И. Ламанскому, Н.Ф. Щербине, С.П. Шевырёву и др.

Многие из них принимали активное участие в журнале «Москвитянин» М.П. Погодина, а позже – в журнале славянофилов «Русская беседа». Сам М.П. Погодин много потрудился на поприще русско-славянских научных, культурных и общественных связей. Не случайно, оценивая впоследствии его роль в деле изучения славянства, И.С. Аксаков в своём «Заключительном слове» о приостановке издания «Русской беседы» писал, что «честь установления умственного и литературного общения с славянскими племенами бесспорно принадлежит М.П. Погодину» [1, с. 271-272].

Активное сотрудничество мыслителей-славянофилов и учёных-славистов имело место в Обществе любителей Российской словесности (ОЛРС), почётными членами которого были Вук Караджич, Павел Шафарик, Вячеслав Ганка и многие другие выдающиеся деятели славянского мира. В деятельности данного Общества, просуществовавшего с перерывами с 1811 по 1930 гг., выделяют четыре периода, из которых второй – с 1858 по 1877 гг. – называют славянофильским, поскольку своим возрождением оно было обязано именно мыслителям-славянофилам, получившим благодаря Обществу возможность более активно распространять и пропагандировать свои взгляды [7, с. 94]. Активными участниками и инициаторами его возрождения вместе с С.Т. Аксаковым, бывшим членом Общества ещё в предыдущий период, стали и сыновья последнего: Константин и Иван Аксаковы [11, с. 57]. Председателями поочерёдно были А.С. Хомяков (1858–1860), М.П. Погодин (1860–1866), А.И. Кошелев (1869–1871), И.С. Аксаков (1872–1874)

и др. В разное время существования Общества в числе его действительных членов состояли Д.П. Ознобишин, А.Ф. Вельтман, князь В.Ф. Одоевский, И.С. Аксаков, П.А. Безсонов, Н.В. Берг, О.М. Бодянский, Ю.Ф. Самарин, П.И. Бартенев, Ф.И. Буслаев, А.И. Кошелев, И.И. Срезневский, В.И. Даль, А.К. Толстой, Ф.В. Чижов, Н.В. Гербель, А.Ф. Гильфердинг, А.Н. Майков, А.А. Майков, В.И. Ламанский и мн. др.

Вскоре после возобновления работы Общества в нём с особой силой зазвучала славянская тема. Исследовательница Р.Н. Клейменова в этой связи отмечала: «Инициаторами его воссоздания были славянофилы, они же или лица, близкие им по взглядам, стояли во главе. Нельзя сказать, что Общество на протяжении этих лет ограничивалось только проповедью идей славянофилов, такой цели перед Обществом не ставилось, но многое из того, что оно делало, проходило под их влиянием» [7, с. 99]. Огромный вклад, внесённый Обществом в историю русской культуры, во многом был продиктован стремлением его членов пробудить в своих современниках национальное самосознание, увековечить память крупнейших русских поэтов и писателей, расширить область русско-славянских взаимосвязей. Показательны слова Н.Ф. Щербины, принимавшего непосредственное участие в деятельности Общества, который в письме к О.А. Новиковой (Киреевой) сетует, что знаний о России «недостаёт для нашего русского образования, на эту ногу мы хромаем, это наше общественное зло, государственное зло в современности. Мы больны недостатком знаний о России. Оттого у англичан выходит так много великих госу-

дарственных людей и граждан, людей практических, что они знают более всего и прежде всего свою Англию; а мы то французские, то немецкие, то английские пустозвоны»¹.

Для того, чтобы хорошо ориентироваться в вопросах культуры и истории зарубежных славян, славянофилы с увлечением изучали научные труды славянских просветителей (В. Ганки, П. Шафарика, Я. Коллара, Л. Штура, Л. Гая, В. Караджича), а также работы отечественных учёных-славистов. В частности, большую помощь им оказывал филолог и историк О.М. Бодянский, разделявший многие взгляды славянофилов на славянский мир, хотя и не принимавший активного участия в их изданиях. Здесь как нельзя кстати пригодились его обширные теоретические знания, а также богатый практический опыт работы с источниками по истории и культуре зарубежных славян. Один из его учеников, А.А. Кочубинский, писал в связи с этим буквально следующее: «Бодянский, бесспорно, оказывал добрую службу на первом месте московским друзьям славян – славянофилам: большинство их, при философском образовании, имели посредственное знание действительного славянства» [8, с. 512]. В то же время стоит отметить, что постепенно знания «московских друзей» славянства всё больше и больше расширялись, не ограничиваясь теперь лишь сугубо теоретическими сведениями, поскольку уже в 40-е гг. почти всем членам славянофильского кружка удалось побывать в славянских странах [5, с. 266].

Несмотря на важность поднимаемых вопросов и стремление обо-

значить своё отношение к вопросам славянского единства, славянофилы не были однозначно восприняты в русском обществе, а также вызывали определённое недоверие в космополитически настроенных правительственных кругах, что даже послужило причиной их цензурного преследования. Между тем, в землях православных славян и, в частности, среди сербов, славянофилы были нередко более известны и популярны, чем у себя на родине. Одним из примеров тому может служить позиция архимандрита Кувежинского монастыря и исследователя славянских древностей Никанора Груича, переводившего на сербский язык некоторые труды А.С. Хомякова и называвшего его даже «великим учителем Церкви» [12, с. 37].

Русские мыслители-славянофилы и близкие им по образу мыслей учёные и деятели культуры усваивали достижения своих предшественников в области русско-сербских культурных и исторических взаимосвязей, создавая новые научные труды и поэтические переводы народной поэзии, а также оказывая помощь и поддержку зарубежным славянским учёным. В последнем случае они руководствовались прежде всего чувством нравственного долга по отношению к деятельности и заслугам своих коллег и соратников. Показательно, например, высказывание М.П. Погодина, который в одном из своих писем к издателю и со-редактору «Отечественных записок» А.А. Краевскому от 3 августа 1856 г. просит посодествовать собранию средств для славянских исследований, сообщая: «Я собирал для Шафарика и Вука в Москве и набрал рублей 800, из коих 500 послал Шафарику. Не со-

¹ ОР РНБ. Ф. 349. Киреев А.А. и Новиков А.И. Ед.хр. № 160. Щербина Н.Ф. Письма О.А. Новиковой. Л. 7.

берёт ли у [себя?] что-нибудь князь Одоевский¹? Он может на дела такого рода, а это – благое. Люди достойные и родные – им надо помочь. Если соберёте, то шлите прямо к Вуку Стефану Караджичу, в Вену, через священника посольства Меглацкого»².

Важно отметить, что для всех славянофилов их деятельность являлась своего рода служением славянским и вместе с тем русским интересам. Так, подводя предварительный итог журналу «Русская беседа», И.С. Аксаков призывал друзей и читателей не смущаться из-за прекращения издания, поскольку, писал он, «теперь многие, даже из наших петербургских газет и журналов, допускают на своих страницах статьи по Славянскому вопросу и выражают сочувствие к славянской народности (дай Бог, чтоб это сочувствие привело их наконец к полному сочувствию народности русской)...» [1, с. 272]. Славянофилы считали, что отстаивание русских интересов во всех сферах жизни позволит привлечь славян к России. На данную тему, в частности, высказывался А.И. Кошелев, который в своём письме «Шесть недель в Австрийских Славянских землях», обращаясь к А.С. Хомякову, ссылаясь на «одного весьма умного Славянина» [9, с. 18], встреченного им за границей, по мнению которого усиление духовного и культурного влияния России на славян будет прочно и плодотворно лишь в том случае, если русские сами твёрдо встанут на свою

славянскую почву, отбросив «чужия ходули» [9, с. 18]: «Будьте, чем вы быть должны; тогда, для блага Славянского мира и всего человечества, общение между нами установится само собою и сделается общою и ничем не удержимою необходимостью» [9, с. 18].

Подводя итог, можно уверенно заключить, что в середине и второй половине XIX в. русские мыслители-славянофилы, а также разделявшие их мировоззрение учёные и общественные деятели дали новый импульс к изучению зарубежных славян, в кругу которых важное место они уделяли сербам, единокровному и единоверному с русскими южнославянскому народу. С этим аспектом служения славянофилов и их единомышленников связано возобновление деятельности Общества любителей российской словесности, а также создание ряда периодических изданий соответствующей направленности (газеты «Молва», «Парус», журнал «Русская беседа»). Важным связующим звеном между учёными и мыслителями России и других славянских стран выступал историк М.П. Погодин, много потрудившийся в области культурных и общественных взаимосвязей славянского мира. Идеи мыслителей-славянофилов, их последователей и сподвижников о самобытном пути России и важности взаимного освоения культурного и литературно-научного достояния славянства не теряют своей актуальности и поныне.

¹ Речь идёт о князе В.Ф. Одоевском (1804–1869), ранее принимавшем участие в журнале М.П. Погодина «Московский вестник».

² ОР РНБ. Ф. 391. А.А. Краевский. Ед. хр. № 627. Л. 13.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аксаков И.С. (?). Заключительное слово // «Русская беседа»: История славянофильского журнала: Исследования. Материалы. Постатейная роспись. СПб.: Пушкинский Дом, 2011.
2. Архив братьев Тургеневых. Выпуск 4. Путешествие А.И. Тургенева и А.С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году. Пг., 1915. С. II.
3. Внутренние известия. Шевырёв С.П. Отголоски. О новом происхождении имени Славян и Славянофилов // Москвитянин, 1848. № 4.
4. Донесение адъюнкта Срезневского Г[осподину] Министру Народного Просвещения, из Вены, от 8 (20) февраля 1841 года. СПб., 1841.
5. Дудзинская Е.А. Русские славянофилы и зарубежное славянство // Методологические проблемы истории славистики. М.: Наука, 1978.
6. Кеппен П.И. Литература славянских народов. (Из Журнала Министерства Народного Просвещения 1836 года, книга II).
7. Клейменова Р.Н. Общество любителей Российской словесности 1811–1930. М.: Academia, 2002.
8. Кочубинский А.А. О.М. Бодянский в его дневнике // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. 1887 г., декабрь.
9. Кошелев А.И. Шесть недель в Австрийских Славянских землях // Русская беседа. М., 1857. Кн. IV.
10. Курилов А.С. Теоретико-литературные взгляды славянофилов // Литературные взгляды и творчество славянофилов (1830–1850 годы). М.: Наука, 1978.
11. Могин С.В. Константин и Иван Аксаковы и Общество любителей Российской словесности при Московском университете // Аксаковский сборник, выпуск V. Уфа, 2008.
12. Остатки работ П.И. Прейса (К истории Славяноведения). СПб. Типография князя В.П. Мещерского. 1898.
13. Попов А.Н. Путешествие в Черногорию. СПб.: В типографии Эдуарда Праца. 1847.
14. Сборник «Славянство». Издание II –е. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1877.
15. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Том четвертый. Трагедии и стихотворения. М.: Университетская типография, 1900.

REFERENCES:

1. Aksakov I.S. (?). Zaklyuchitel'noe slovo [(?). Closing speech] // «Russkaya beseda»: Istoriya slavyanofil'skogo zhurnala: Issledovaniya. Materialy. Postateinaya rospis' [«Russian conversation»: the History of the Slavophile journal: Research. Materials. Itemized list]. SPb., Pushkinskii Dom, 2011.
2. Arkhiv brat'ev Turgenevykh. Vypusk 4. Puteshestvie A.I. Turgeneva i A.S. Kaisarova po slavyanskim zemlyam v 1804 godu. [Archive of brothers Turgenevs. Issue 4. The journey of A. Turgenev and A. Kaisarova to the Slavic lands in 1804]. Pg., 1915. P. II.
3. Vnutrenniya izvestiya. Shevyrev S.P. Otgoloski. O novom proiskhozhdenii imeni Slavyan i Slavyanofilov [Internal news. S. Shevyrev. Echoes. On the new origin of the name Slavs and Slavophiles] // Moskvityanin. 1848. no. 4.
4. Donesenie ad»yunkta Sreznevskogo G[ospodinu] Ministru Narodnago Prosveshcheniya, iz Veny, ot 8 (20) fevralya 1841 goda [The report of the adjunct Sreznevsky to the Minister of National Education, from Vienna, of 8 (20) February 1841] SPb., 1841. P. 13.
5. Dudzinskaya E.A. Russkie slavyanofily i zarubezhnoe slavyanstvo [Russian Slavophiles and foreign Slavs] Metodologicheskie problemy istorii slavistiki [Methodological problems of history of Slavistics]. M., Nauka, 1978.

6. Keppen P.I. Literatura slavyanskikh narodov [Literature of the Slavic peoples]. (From the Journal of the Ministry of National Education, 1836, book II).
7. Kleimenova R.N. Obshchestvo lyubitelei Rossiiskoi slovesnosti 1811–1930 [Society of fans of Russian literature 1811–1930]. M., Academia, 2002.
8. Kochubinskii A.A. O.M. Bodyanskii v ego dnevnike [Bodyansky in his diary] Istoricheskii vestnik. Istoriko-literaturnyi zhurnal [Historical journal. Historical and literary magazine]. 1887, Dec.
9. Koshelev A.I. SHest' nedel' v Avstriiskikh Slavyanskikh zemlyakh [Six weeks in the Austrian Slavic lands] // Russkaya beseda [Russian conversation]. M., 1857. Book IV.
10. Kurilov A.S. Teoretiko-literaturnye vzglyady slavyanofilov [The theoretical and literary views of the Slavophiles] // Literaturnye vzglyady i tvorchestvo slavyanofilov (1830–1850 gody) [Literary views and creative works of the Slavophiles (1830–1850 years)]. M., Nauka, 1978.
11. Motin S.V. Konstantin i Ivan Aksakovy i Obshchestvo lyubitelei Rossiiskoi slovesnosti pri Moskovskom universitete [Konstantin and Ivan Aksakov and the Society of fans of Russian literature at Moscow University] // Aksakovskii sbornik, vypusk V [Aksakovsky collection, issue V]. Ufa, 2008.
12. Ostatki rabot P.I. Preisa (K istorii Slavyanovedeniya) [The remains of the works of P. Preis (to the history of Slavic studies)]. SPb., Tipografiya knyazya V.P.Meshcherskago, 1898.
13. Popov A.N. Puteshestvie v Chernogoriyu [The journey to Montenegro]. SPb., V tipografii Eduarda Pratsa, 1847.
14. Sbornik «Slavyanstvo» [A Collection «Slavonic people»]. Edition 2nd. SPb., Tipografiya V.S.Balasheva, 1877.
15. Khomyakov A.S. Polnoe sobranie sochinenii. Tom chetvyyi. Tragedii i stikhotvoreniya [Complete works. Volume the 4th. Tragedies and poems]. M., Universitetskaya tipografiya, 1900.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Осипова Елена Аркадьевна – старший научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН;
e-mail: osipovv@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena Osipova – senior researcher of A. Gorky Institute of world literature;
e-mail: osipovv@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Осипова Е.А. Славянофилы и их отношение к «Славянскому вопросу» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 142-149.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-142-149

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

E. Osipova. Slavophiles and their attitude towards the Slavic question // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 142-149.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-142-149

УДК 71.2:81.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-150-155

О ВОЗМОЖНЫХ ИСТОЧНИКАХ РИСУНКА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ЛИРА» (1829)

Поташова К.А.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, улица Радио, д.10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье представлен возможный источник рисунка М.Ю. Лермонтова, выполненного в 1829 году орешковыми чернилами на обороте тетради со стихами, подаренной поэтом своему учителю рисования А.С. Солоницкому. Изображённая лира представляет собой вариацию типового оформительского рисунка периодических изданий первой трети XIX века. В качестве возможных источников для рисунка указывается художественное оформление двух журналов – «Московский вестник» и «Соревнователь просвещения и благотворения». Рисунок М.Ю. Лермонтова атрибутируется как отмеченный авторским видением политипаж.

Ключевые слова: лира, политипаж, М.Ю. Лермонтов-художник, книжное оформление, атрибуция.

ON POSSIBLE SOURCES OF M. LERMONTOV'S PICTURE «LYRE» (1829)

K. Potashova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. The article presents possible source of M. Lermontov's picture (1829) made by nut ink on the notebook with poems presented to the teacher A. Solonitsky. The M. Lermontov's lyre represents a variation of standard decor drawing on the paperback books of the first third of the 19th century. Decorations of two magazines are specified as possible sources for drawing – «Moscow bulletin» and «Contestant of education and charity».

Keywords: lyre, duplicated ornament, M. Lermontov as a painter, books decoration, attribution.

Первый рукописный сборник стихотворений М.Ю. Лермонтова, известный в лермонтоведении как «тетрадь А.С. Солоницкого» (по имени владельца – тетрадь была подарена М.Ю. Лермонтовым своему учителю рисования А.С. Солоницкому), представляет собой самодельную тетрадь из 10 сброшюрованных листов. Передняя обложка тетради отсутствует; тетрадь открывается романтической поэмой «Преступник» (1829). Внутреннее оформление и логика расположения сочинений позволяет отнести «тетрадь А.С. Солоницкого» не к черновой тетради стихотворений, а к рукописному сборнику. Свои сочинения М.Ю. Лермонтов делит на две части – в первой части помещает поэму «Преступник», во второй,

озаглавленной в традиции книгоиздания или периодики – «Мелкие стихотворения», поэт располагает шесть стихотворений 1829 года – «К П...ну» («Забудь, любезный Петерсон»), «К Д...ву» («Я пробегал страны России...»), «К друзьям», «Портреты» («Он некрасив, он невысок»), «Эпиграммы», «К Грузинову». Все произведения переписаны начисто, с редкой авторской правкой, заголовки выведены каллиграфической прописью. Произведения отделены рядовыми полосами, сборник оканчивается графической концовкой – вычерченной линией с ромбом по центру. В центре оборотного листа, сегодня немного надорванного по краям, М.Ю. Лермонтовым выполнен пером и орешковыми чернилами рисунок с изображением лиры. Авторскую принадлежность рисунка подтверждает чернильная подпись в нижнем углу обложки – «Лермонтов пером нарисовал» (в описи НИОР РГБ подпись определяется как автограф Лермонтова).

Профессионально выполненная М.Ю. Лермонтовым лира¹ – одна из наиболее интересных оформительских работ поэта. Рисунок до сих пор не до конца атрибутирован – благодаря подписи известна только авторская принадлежность. Несмотря на бесспорный факт принадлежности лиры Лермонтову, рисунок не был описан в академическом исследовании Н.П. Пахомова «Живописное наследство Лермонтова» (1948) [4], описание копии с автографа пропущено также А.Ю. Вейсом и Е.А. Ковалевской в «Описании рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома» (1953) [1].

¹ НИОР РГБ; Ф. 298 (Н.С. Тихонравов); К.1. Ед. хр. 24. М.Ю. Лермонтов.

Атрибуция оказалась в стороне и в современных исследованиях – лира не воспроизводилась в отдельном томе изобразительных материалов Лермонтова, вошедших в собрание сочинений М.Ю. Лермонтова в 10 томах (2000–2002) [5]. Важным представляется как описание лермонтовского рисунка, так и установление источника – образца, послужившего предметом для перерисовки, а также определение места данного рисунка среди оформительских работ первой половины XIX века.

Выбранный поэтом для оформительского рисунка сюжет – изображение старинного струнного музыкального инструмента – символичен: античная лира ассоциируется с высоким назначением поэтического творчества. В поэзии 1829–1831 годов М.Ю. Лермонтов не раз обращается к звукам музыкальных инструментов. Под впечатлением от услышанной гитары написано стихотворение «Звуки» (1830–1831), романтический герой выражает свои чувства под звуки арфы («Арфа», 1830–1831), в поэзии слышен звон колокола, народная песня, да и для жанровой системы поэта в этот период наиболее характерны песня и романс. Первенство среди изображённых инструментов М.Ю. Лермонтов отдаёт лире – символу поэтического дара («Поэт», 1828: «Таков поэт: чуть мысль блеснёт, / Как он пером своим прольёт / Звуком громкой лиры чарует свет» [6, с. 12]). Со звуком лиры в восприятие поэта связано и чувство неразделенной любви:

*Над яблоней мой тирс и с лирой
золотой*

*Повесь и начерти: здесь жили
вдохновенья!*

*Певец знавал любви живые упо-
енья,*

*И я приду сюда и не узнаю вас,
О струны звонкие!»*

(«К гению», 1829) [4, с. 27];

или «Письмо» (1829): «*Всё изменило мне, везде отравы, / Лишь лиры звук мне неизменен был!*» [6, с. 32]. Лира как символ поэтического духа становится частым символом в дружеских посланиях М.Ю. Лермонтова. В стихотворении «К друзьям» (1829), помещённом в «тетрадь А.С. Солоницкого», поэт пишет:

*Я не склонен к славе громкой,
Сердце греет лишь любовь;
Лиры звук дрожащий, звонкой
Мне волнует также кровь.*

(«К друзьям», 1829) [6, с. 19]

Схематическое изображение лиры – эмблема вдохновения и искусства. На корпусе лиры, служащем основанием для двух изогнутых стоек, М.Ю. Лермонтов изобразил двух лебедей, символизирующих мудрость, венчает лиру изображение раковины – символа Святого Духа, приобщение к Которому столь важным почитает для себя М.Ю. Лермонтов [см.: например, [2; 3], связывая свой поэтический труд с пророческим служением. Столь проработанное изображение лиры, тонкая и точная прорисовка деталей позволяет говорить как о высоком профессионализме М.Ю. Лермонтова в графике, так и о возможном источнике для рисунка.

Само изображение лиры в качестве оформительской работы было характерно для книжных и периодических изданий первой половины XIX века. Работы художников Н.И. Уткина, А.А. Агина, Г.Г. Гагарина, появление художественных журналов воспитывало вкус и книжную культуру владельцев библиотек, способствовало появлению самых разнообразных

оформительских работ. После смерти А.А. Дельвига в январе 1831 года по просьбе А.С. Пушкина В.П. Лангер выполнил фронтиспис к посвящённому памяти поэта альманаху «Северные цветы» на 1832 год – лавровый венок и лиру с разорванными струнами. Для **сюжетно-орнаментальных экслибрисов** первой половины XIX века, выполненных для книгопродавцов и издателей А.Ф. Смирдина, А.С. Ширяева и П.И. Крашенинникова, были использованы почти одинаковые книжные знаки – украшенное цветами изображение лиры с двумя глобусами.

Изображение лиры стало частым сюжетом и для полнотипажа, помещавшегося на обложке периодических изданий. В качестве оформительской работы полнотипаж, т. е. типовое книжное украшение, воспроизводимое несколько раз, утвердился в книжной графике первой трети XIX века. Эта распространённая благодаря минимальным затратам печатная форма с аллегорическим рисунком использовалась в качестве заставки или концовки внутри книги, помещалась в качестве украшения обложки или титула.

Проведённые разыскания возможного источника лиры М.Ю. Лермонтова позволяют говорить о том, что именно такой полнотипаж стал основой для рисунка поэта. Среди различных вариаций изображения лиры на обложках периодических изданий максимально приближены к лермонтовскому рисунку два – лира на обложке журнала «Соревнователь просвещения и благотворения» (издание, выходившее при Вольном обществе любителей русской словесности) и лира на обложке журнала «Московский вестник», издаваемого М.П. Погодиным.

Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» издавался в Петербурге с 1818 по 1825 год ежемесячно. С изображением лиры на обложке журнал выходил только в 1825 году – рисунком были снабжены все номера за этот год. В качестве журнала, входившего в круг чтения Лермонтова, издание не называлось. Однако, по регулярным сообщениям о нём в журнале «Отечественные записки» П.П. Свинына, читателей регулярно информировали о выходе «Соревнователя...», о правилах подписки, о содержании номеров; можно говорить о популярности журнала в московском и петербургском обществе. Журнал мог заинтересовать Лермонтова публикацией произведений А.С. Пушкина, В.К. Кюхельбекера, А.А. и Н.А. Бестужевых, П.А. Вяземского, О.А. Сомова.

Обложка с журнала «Московский вестник» в качестве источника для рисунка представляется более убедительным – знакомство поэта с этим журналом неоспоримо. Историко-философский журнал, издаваемый М.П. Погодиным с 1827 по 1830 год, был хорошо знаком М.Ю. Лермонтову. Заметно влияние «Русской разбойничьей песни» С.П. Шевырёва на помещённую в «тетради А.С. Солоницкого» юношескую поэму «Преступник», интересными для Лермонтова были и фольклорные материалы, печатавшиеся в журнале. Прямых переключек произведений Лермонтова с номерами журнала за 1827 год, когда на обложке помещалась именно эта лира, нет. Но то обстоятельство, что номера «Московского вестника» печатались в университетской типографии, а сам М.П. Погодин преподавал в Московском Благородном пансионе, экзаменовал Лермонтова по истории, читал

воспитанникам лекции, оказывал несомненное влияние на формирование исторических и эстетических взглядов подтверждает, что журнал был в постоянном и близком доступе.

В художественном отношении ближе к лермонтовскому рисунку оказывается лира с обложки журнала «Московский вестник». Как и на рисунке М.Ю. Лермонтова, менее округлым и более устойчивым нарисован её корпус, стойки хомута лиры более правильной формы и менее вытянуты. Свою лиру М.Ю. Лермонтов изображает по памяти или сознательно изменяет некоторые детали рисунка, его книжный знак имеет небольшие отличия. Обладая несомненным умением убедительно выполнять копии, что следует из рисунков, выполненных в это же время – графических копий с картин европейских мастеров «Младенец, тянущийся к Матери» (1829) и «Мадонна с Младенцем» (1831), в данном случае Лермонтов не скопировал лиру. На его рисунке корпус инструмента менее резной, поперечная перекладка простой формы, без трезубца, а её украшение (раковина) выполнено более изящно. Интересно, что поэт изображает не пять струн, как на обеих обложках журналов, а четыре – как у самых первых античных лир.

Необычно и само положение лиры на тетради. Размещённое поэтом на обороте, да ещё и с левой стороны изображение оказывается несколько неожиданным для читателя и заставляет остановиться, задуматься над глубиной прочитанного. Лира М.Ю. Лермонтова служит своеобразным завершением сборника стихотворений и одновременно знаком оформительского отличия подаренной А.С. Солоницкому

тетради. Расположение рисунка на нижней обложке тетради затрудняет определение типа книжного знака. Выбранное положение нарушает традиционное размещение экслибриса и книжной марки – владельческий знак обычно размещается на обороте первой страницы. Выполненная с рисунка на журнале, лира М.Ю. Лермонтова скорее

может быть отнесена к политипажу как типовой оформительский декор.

Атрибуция данного рисунка позволяет не только дополнить известные сегодня графические работы поэта, но и оценить оформительский опыт М.Ю. Лермонтова, книжные знаки которого имеют самостоятельное художественное значение.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вейс А.Ю., Ковалевская Е.А. Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского дома // Живописное наследие Лермонтова. М; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 110-157.
2. Киселева И.А. «Тесный путь спасенья»: М.Ю. Лермонтов и преподобный Серафим Саровский // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2011. № 5. С. 95-101.
3. Киселёва И.А. Онтология стихии в художественном мире М.Ю. Лермонтова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2011. № 4. С. 74-78.;
4. Пахомов Н.П. Живописное наследие Лермонтова // М.Ю. Лермонтов. Кн. II. М.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 55-222.
5. Лермонтов М.Ю. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М.: Воскресенье, 2000-2002. 336 с.
6. Лермонтов М.Ю. Т. 2. Стихотворения, 1828-1831 / ИРЛИ РАН (Пушкинский дом); ред. Н.Ф. Бельчиков. М., Л.: АН СССР. 1954. 452 с.

REFERENCES:

1. Veis A.YU., Kovalevskaya E.A. Opisanie rukopisei i izobrazitel'nykh materialov Pushkinskogo doma [Description of manuscripts and visual materials of the Pushkin house] Zhivopisnoe nasledie Lermontova [The scenic heritage of Lermontov]. M; L., Izd-vo AN SSSR, 1953. pp. 110-157.
2. Kiseleva I.A. «Tesnyi put' spasen'ya»: M.YU. Lermontov i prepodobnyi Serafim Sarovskii ["Narrow way of salvation": Lermontov and St. Seraphim of Sarov] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. 2011. no. 5. pp. 95-101.
3. Kiseleva I.A. Ontologiya stikhii v khudozhestvennom mire M.YU. Lermontova [Ontology elements in the artistic world of M. Lermontov] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki. 2011. no. 4. pp. 74-78.
4. Pakhomov N.P. Zhivopisnoe nasledstvo Lermontova [The scenic heritage of Lermontov] // M.YU. Lermontov. Kn. II [M. Yu. Lermontov. Book. 2nd]. M., Izd-vo AN SSSR, 1948. pp. 55-222.
5. Lermontov M.YU. Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t. T. 8 [Complete works: In 10 vols. Vol. 8]. M., Voskresen'e, 2000-2002. 336 p.
6. Lermontov M.YU. T. 2. Stikhotvoreniya, 1828-1831 [Vol. 2. Poems, 1828-1831] / Institute of Russian literature (the Pushkin house), ed. N. F. Belchikov. M., L., AN SSSR, 1954. 452 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Поташова Ксения Алексеевна – ассистент кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета
e-mail: classikaXIX@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ksenia Potashova – assistant at the Department of epy Russian classical literature of Moscow State Region University
e-mail: classikaXIX@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Поташова К.А. О возможных источниках рисунка М.Ю. Лермонтова «Ли́ра» (1829) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 150-155.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-150-155

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

K. Potashova K. On possible sources of M.Lermontov's picture «Lyre» (1829) // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 150-155.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-150-155

УДК 821.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-156-165

ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В РАССКАЗАХ А. Т. АВЕРЧЕНКО: К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОЙ КЛАССИФИКАЦИИ

Салова О.И.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается один из вариантов классификации детских образов в рассказах А.Т. Аверченко. Основанием для выделения нескольких групп образов становятся особенности стиля воспитания детей, а также их поведения и мировоззрения. В статье рассматривается ряд характерных для прозы А.Т. Аверченко приёмов – в частности, гиперболизация действительности, увиденной глазами ребёнка. Проводится сопоставление детских и взрослых образов, устанавливаются смысловые параллели с текстами произведений других авторов. Делается вывод о необходимости подробного исследования структуры детских образов в прозе А.Т. Аверченко.

Ключевые слова: классификация, детские образы, стиль семейного воспитания, автор-рассказчик, гиперболизация.

IMAGES OF CHILDREN IN A. AVERCHENKO'S STORIES: TO THE QUESTION OF POSSIBLE CLASSIFICATION

O. Salova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

Abstract. In the article, one of options of classification of images of children in A. Averchenko's stories is considered. Features of educational styles as well as children's behavior and outlook become the basis for allocation of several groups of images. The paper presents a number of methods, characteristic of A. Averchenko's prose, – in particular, an exaggeration of the reality seen by child's eyes. Comparison of children and adult images is carried out, semantic parallels with texts of works of other authors are established. The conclusion is made that there is a need of detailed research of structure of children's images in A. Averchenko's prose.

Keywords: classification, children images, style of family education, author-story-teller, exaggeration.

Творчество Аркадия Тимофеевича Аверченко представляет собой яркую страницу в истории русской литературы начала XX века. На протяжении последних лет появился целый ряд работ, связанных с этим именем. Среди них есть и биографические [8], и лингвистические [10], [12], и литературоведческие исследования [2], [4].

Рассматривая в своей статье рассказы А.Т. Аверченко, мы хотели бы обратиться к образам детей, поскольку их значение для художественного мира писателя очень велико. Нельзя сказать, что эта тема совершенно обойдена вниманием литературоведов. Так, можно назвать, например, работу А.В. Коротких [6], в которой идёт речь о детских образах в прозе трёх авторов-сатириков: Саши Чёрного, А.Т. Аверченко и Тэффи. Герои Аверченко представлены здесь в рамках сравнительно-сопоставительного анализа. Между тем, необходимо, как нам кажется, подробный разговор об особенностях индивидуально-авторского восприятия образа ребёнка в прозе писателя.

В соответствии с этим следует признать: мир детства для Аверченко включает в себе огромную ценность. Ребёнок с его непосредственностью, искренностью вызывает у автора улыбку умиления и радости, поэтому сам тон повествования в рассказах о детях снисходительно-ласковый, не имеющий ничего общего с назидательностью и менторством.

Писатель всегда с интересом, нередко и с восхищением наблюдает за своими маленькими героями. Каждая встреча с ними заставляет автора-рассказчика (и читателя тоже) задуматься: почему же взрослым не удаётся сохранить такую чистоту помыслов, убеждений, простоту общения с миром и возможность по-настоящему чувствовать?

За редким исключением, в рассказах Аверченко мир детей и мир взрослых – понятия-антагонисты, противопоставленные по многим параметрам, среди которых – отношение к жизни, людям, к самому себе. Эти понятия со-

относятся, когда необходимо показать подчас разрушительное влияние старших на младших.

Каждый взрослый человек в «детских» рассказах Аркадия Тимофеевича Аверченко ставит себе целью воспитать ребёнка, своего или чужого, привить ему определённый стиль поведения, научить хорошим манерам, сделать культурным. Методы, выбранные для достижения этой цели, и достигнутые героями результаты являются объектом рассмотрения в данной статье.

На основании подобного типа взаимоотношений – воспитателя и воспитанника – вполне возможно, как нам представляется, составить классификацию детских образов в рассказах писателя. Для реализации этой задачи следует рассмотреть некоторые психологические особенности поведения детей.

Известно, что важнейшей характеристикой семейного воспитания является его стиль. Стили семейного воспитания – установки и соответствующее поведение родителей, которые не связаны именно с данным ребёнком, а характеризуют отношение взрослых к детям вообще [5, с. 320]. Как определяют учёные, существует три стиля семейного воспитания – авторитарный, демократический и попустительский [5, с. 320].

Однако, поскольку воспитание – «процесс, обеспечивающий не приспособление растущих людей к наличным формам бытия, не подгонку под определённый стандарт, но целенаправленное развитие каждого ребёнка как человеческой индивидуальности» [11, с. 76], следует отметить, что границы стилей не являются чёткими и опре-

делёнными в связи с проявлением воспитанниками характерных только для них черт, которые в глазах воспитателей являются допустимыми и не противоречащими принятым в обществе нормам.

Характеры детей, представленные в рассказах Аверченко, можно разделить на несколько условных групп в соответствии со стилями семейного воспитания.

Примером авторитарного воздействия старших является первая группа – это дети, полностью находящиеся под влиянием родителей и прочих значимых взрослых. В связи с этим можно вспомнить трёх маленьких девочек из рассказа «Душистая гвоздика» [1, с. 391-393].

«Крохотная девочка Ленка» [1, с. 391], «чем-то больно» обиженная мамой, собирается уйти из дома, но встаёт у калитки, заметив «самое страшное, самое непреодолимое препятствие: в десяти шагах от ворот лежала большая тёмная собака» [1, с. 391]. «Горемычной Ленке» [1, с. 391] ничего не остаётся, кроме как вернуться домой, где её поджидают свидетели её героического шага. Она ещё не понимает, что можно как-то иначе отстаивать свою независимость, потому что унижение у неё ассоциируется с язвительностью матери. Несмотря на явное сочувствие автора-рассказчика (а он не только является свидетелем событий, но даже вступает с девочкой в диалог), мы видим, что мама не делает попыток остановить дочку – она совершенно уверена в своей правоте, и чувства ребенка её не беспокоят.

Аверченко заставляет нас задуматься о том, что происходило в душе ребёнка, стоящего у ворот, испуганного

и растерянного: «Разве знаем мы, что пережила она в эти восемь минут?» [1, с. 392]. Никакой воспитательный процесс не оправдывает унижения личности, особенно в столь нежном и ранимом возрасте, каковым является детский.

О проблемах, связанных с личностью самих взрослых, воспитывающих детей, говорил М.Е. Салтыков-Щедрин: «Дети ничего не знают о качествах экспериментов, которые над ними совершаются, – такова общая формула детского существования. Они не выработали ничего своего, что могло бы дать отпор попыткам извратить их природу. Колея, по которой им предстоит идти, проложена произвольно и всего чаще представляет собой дело случая.

Не все родители обязательно опытные и разумные; не все педагоги настолько проникательны, чтоб угадать природу ребёнка, вверенного их воспитанию. По большей части, в этом деле господствует полное смешение, которое способно извратить даже наиболее счастливо одарённую детскую природу» [9, с. 105].

Таким образом, писатель уверен, что ребёнок находится подчас в совершенно зависимом положении – он обязан подчиняться воспитателям, чья компетентность часто не доказана, а методики обучения построены без учёта характерных особенностей конкретной личности, её темперамента и предпочтений.

При таких условиях ребёнку нечего противопоставить педагогической системе, в которой он находится, и положение часто усугубляется абсолютной убеждённостью родителей в своей правоте и непогрешимости; в том, что

они действуют исключительно в интересах своего любимого чада.

«Другая девочка, – продолжает автор, – отличалась тем, что превыше всего ставила авторитет старших» [1, с. 392]. Следствием авторитарного воспитания, которое подавляет любые проявления личности, явилось то, что малышка решила: взрослые непогрешимы, не совершают ошибок: «что ни делалось старшими, в её глазах всё было свято» [1, с. 392]. Поэтому, когда «её брат, весьма рассеянный юноша» [1, с. 392], увлекшись чтением, поджёг кресло, «утомительное дитя» [1, с. 392] решило, «что это нужно брату из каких-нибудь высших соображений» [1, с. 392].

Мы видим, что девочке даже не пришло в голову оспаривать действия брата Данилы: природная робость сочетается тут со вполне очевидным стилем воспитания – нельзя мешать взрослым, надо их беспрекословно слушаться, не лезть со своими замечаниями, пока тебя не спросят. Трудно судить о том, как относятся родители к девочке, но то, что они строги с малышкой и исключают любые проявления воли и самостоятельности с её стороны, очевидно.

Третья маленькая девочка, очаровательная Любочка, отказалась молиться во время молитвы своего братишки. «Заковыристый ребёнок» [1, с. 393] так объяснил свои действия «умилённой няньке»: «Не могу же я лезть, когда Бог сейчас Борей занят!» [1, с. 393].

В данном случае самое святое, что может быть у человека – образ Бога – в голове ребёнка ассоциируется с образами взрослых людей, которых нельзя отвлекать от важных дел. Возможность обращения к Богу с молитвой – неотъ-

емлемая часть духовной жизни любого человека, и каждый знает, что святое таинство молитвы не может иметь временных или прочих ограничений, ибо это потребность души.

Родители, пытаясь привить девочке определённую культуру поведения – не перебивать, не мешать, не отвлекать, забывают о том, что дети не мыслят абстрактными категориями, и полученные поведенческие установки воспринимают буквально. Кроме того, культура – это часть духовного мира человека, и без веры этот мир будет скудным и ущербным, поскольку именно вера помогает развить чувство любви ко всему окружающему.

Потребность в вере и восприятие божественного образа в связи с типом воспитания описывает М. Горький в своей автобиографической трилогии: «Бабушкин Бог был понятен мне и не страшен, но пред Ним нельзя было лгать, – стыдно. Он вызывал у меня только непобедимый стыд, и я никогда не лгал бабушке» [3, с. 71]; «Дедов Бог вызывал у меня страх и неприязнь: Он не любил никого, следил за всем строгим оком, Он, прежде всего, искал и видел в человеке дурное, злое, грешное. Было ясно, что Он не верит человеку, всегда ждёт покаяния и любит наказывать» [3, с. 77].

Взаимосвязь воспитания и поведения очевидна: с бабушкой мальчик добр и искренен, а деда боится. Маленькая девочка Любочка всей душой стремится к Богу, но боится Его разгневать своей назойливостью и невоспитанностью.

Таким образом, можно сделать вывод: если ребёнок постоянно испытывает давление со стороны взрослых, то его духовный мир оскудевает, а

детская непосредственность постепенно уступает место робости, застенчивости, нежеланию развиваться как личность, поскольку любое проявление собственной воли может вызвать осуждение и неодобрение старших.

Вторая группа детских характеров, представленных в рассказах А.Т. Аверченко, – это дети, которые ощущают поддержку родителей, но при этом показаны в ситуациях, комически описывающих «жестокость» этих самых родителей или их взрослых, как правило, весьма пошлый и грубый мир.

Демократичный стиль воспитания, когда ребёнка ставят в определённые рамки, но не стесняют при этом его личной свободы, описан в рассказах «Блины Доди», «Человек за ширмой», «Под столом», «О детях». Родители разрешают маленьким героям самостоятельно познавать мир, помогая пережить беды и разочарования.

О маленьком мальчике по имени Додя мы сразу узнаём следующее: «у Доди было своё настоящее имя, но оно как-то стёрлось, затерялось, и хотя этому парню уже шестой год – он для всех Додя, и больше ничего» [1, с. 303]. Однако затем автор подробно описывает его характер, свидетельствуя о том, что мальчика не пытаются перевоспитать, игнорируя его природные особенности: «Он любит всё приятное и с гадливостью, омерзением относится ко всему неприятному; в восторге от всего сладкого; ненавидит горькое, любит всякий шум, чем бы и кем бы он ни был произведён; боится тишины» [1, с. 304].

Самой забавной характеристикой мальчика является ещё «одна черта: он – страшный приобретатель» [1, с. 305]. Автор повествует: увидев и ус-

лышав нечто любопытное, красивое или непонятное, ребёнок говорит про себя: «Хочу, чтоб это было моё». Абсолютно неважно, о чём идёт речь – о лошади, доме, первом снеге или камнях в печени. Последнее Додя пожелал присвоить, подслушав разговор матери и отца. Подобная мечта приводит автора, любующегося простодушием малыша, в восторг: «Славный, бескорыстный ребёнок» [1, с. 305].

Ожидание чуда – блинов – заставляет мальчика восхищаться богатым убранством стола для гостей, быть ласковым с кухаркой и даже воровать для неё папиросы – только бы «всемогущая кухарка не раздумала бы почему-нибудь делать блины» [1, с. 306].

Гиперболизация мира глазами детей – отличительная черта рассказов Аверченко. Например, «для пятилетнего ребёнка протёкший год – это что-то такое громадное, монументальное, что, как Монблан, заслоняет от его глаз предыдущие четыре года» [1, с. 305]. Всё мальчику кажется невероятно большим, и тот мир, который он познаёт, может подавлять или вдохновлять его своими размерами.

Обманутые ожидания – блины оказались невкусным и самым обычным блюдом – оказываются для Доди бедой вселенского масштаба. Никакие уговоры не действуют, слёзы переходят в рыдания. Автор сочувствует маленькому герою и возмущается миром взрослых: «Как они не хотят понять, эти тупоголовые дураки, что Додя блины просто не нравятся, что Додя разочаровался в блинах, как разочаровывается взрослый человек в жизни» [1, с. 308].

Несмотря на то что мальчика выгоняют из-за праздничного стола, мама и

папа не сердятся на него и после ухода гостей пытаются ласково утешить сына. Мы понимаем, что ребёнок смог пережить своё горе, когда он, реагируя на рассказ родителей о предполагаемой дуэли знакомых, повторяет свою коронную, продиктованную «приобретательским инстинктом», фразу: «Хочу, чтоб мне было оскорбление действием» [1, с. 308].

Аверченко подчёркивает безмятежность жизни ребёнка в родительском доме: спокойная и уютная комната, «тихо мерцает в детской красная лампадка» [1, с. 308]. Тот самый Бог, который маленькой Любочке из-за сурового воспитания кажется строгим взрослым, для Доди, выросшего в любви, является утешителем и защитой от будущих бед, ведь, несмотря на успокоение, наступившее после разочарования, «ещё слегка пахнет всепроникающим блинным чадом» [1, с. 308]. Тем самым автор словно указывает нам на те жизненные испытания, которые ещё предстоят мальчику и пережить которые ему помогут любовь родителей и милостивый Бог.

Третья группа образов в произведениях А.Т. Аверченко – это «неприкаянные» [1, с. 330] дети, которые служат взрослым досадной помехой или, наоборот, средством достижения цели, иногда довольно неприглядной и низкой. Подобный стиль воспитания подразумевает полное равнодушие к ним родителей, нежелание заниматься их проблемами и развитием. Своеобразное попустительство – делай всё, что хочешь, только не мешай – приводит к разрушению семьи, потому что все её члены существуют как бы обособленно, без должной психоэмоциональной связи.

Такую ситуацию автор описывает в рассказах «День делового человека», «Грабитель», «Володька», «Вечером».

Маленькая девочка Ниночка, героиня рассказа «День делового человека», кроткая, доверчивая, по-взрослому одинокая. Аверченко проводит её по замкнутому кругу общения с домочадцами, и циклическая структура рассказа создаёт у читателя впечатление безысходности положения ребёнка.

День малышки начинается с общения с нянькой, которая готова на любые ухищрения, дабы «отвязаться на полчаса от Ниночки, чтобы на свободе выпить чаю со сдобными сухариками» [1, с. 324].

Результатом становится прогулка, во время которой на Ниночку «обрушился, пожалуй, самый тяжёлый удар: некто, именуемый Колькой, сочинил на неё преядовитый стихотворный памфлет» [1, с. 324].

Гиперболизация переживаний ребёнка, которому сиюминутное горе кажется непоправимым: «сердце болит, как прожжённое раскалённым железом, и жить не хочется» [1, с. 324], вызывает у читателя улыбку. Но у девочки от глупого стишка «солнце померкло», «весь мир окрасился в самые мрачные тона» [1, с. 325]. И вскоре становится понятно, что автор таким образом подчёркивает искренность и открытость детской души, восхищается чистотой помыслов маленькой героини, её умением принимать всё близко к сердцу и по-настоящему страдать.

Придумав ответный «памфлет», девочка репетирует «жгучие огненные строки», и «кроткое личико её озаряется неземной радостью» [1, с. 326]. Все переживания героини отражаются на её «простодушном, наивном лице»

[1, с. 327], и Аверченко восхищается умением детей с такой непосредственностью выражать свои чувства.

«Отомстив» мальчикам, девочка возвращается к няне, но та отправляет её к старшей сестре. Четырнадцатилетняя Лиза отсылает девочку к папе, тот – обратно к Лизе, Лиза – к кухарке, кухарка – к няне. Круг замкнулся. Ни у кого нет времени на «исполнительную», «покорную» [1, с. 327] девочку, и «ни одной минуты Ниночке не приходится в голову, что от неё хотят избавиться» [1, с. 328].

У каждого из домочадцев находится для малышки «ответственное поручение», которое она «с видом домохозяйки-хлопотуньи» [1, с. 328] спешит исполнить. Никому не интересен результат задания, ибо все взрослые преследуют лишь одну цель – отделаться от девочки. Один только раз Ниночка находит «настоящий приветливый приём» [1, с. 330]: её тётя, Вера, просит девочку остаться в её комнате. Но присутствие ребёнка необходимо женщине исключительно на время визита поклонника. Когда он уходит, Нину немедленно гонят прочь.

Только в конце рассказа мы узнаём, почему девочке так важно весь день хлопотать: после смерти матери ей необходимо чувствовать себя нужной, ощущать, что на её хрупких плечиках держится дом. Вечером, помолвившись о покойной матери – по настоянию няньки, как пишет Аверченко, – Ниночка пытается определить своё место в мире взрослых, отвергающих её. «А что, если и я помру? Кто тогда всё делать будет?» [1, с. 331], – думает неприкаянная малышка. Ребёнок способен к рефлексии, и защитный механизм, включивший модель поведения забо-

тящейся о доме серьёзной женщины, помогает девочке не чувствовать себя брошенной и одинокой.

Рассматривая характеры, созданные писателем, мы можем выделить ещё одну, четвёртую, группу образов. Речь идёт о детях, живущих самостоятельной, практически взрослой жизнью, потому что по стилю поведения и характеру переживаний они сближаются со взрослыми людьми. В данном случае можно сказать, что индивидуальность ребёнка берёт верх над воспитательной системой. Таков, например, герой рассказа «Продувной мальчишка».

Перед Рождеством, узнав от матери, что ёлку им купить не на что, маленький мальчик Володька решает, что ёлку он всё-таки «устроит». Сумев заработать на ёлочку и подарки для мамы и себя, Володька остаётся ребёнком – наивным, смешным, милым. Он способен на составление «хитрых стратегий» бизнеса – прийти в ресторан и знать, что если громко зареветь, то точно не выгонят; прийти в кино-театр и выменять программку, потому что красивая барышня с офицером его пожалели. При этом герой – и автор неоднократно подчёркивает это – ни разу не опускается до унижительного попрошайничества. Чувство собственного достоинства, честность, умение заботиться о близких – все эти качества в полной мере присущи маленькому Володьке, и мы видим, как дороги писателю эти черты в характере его героя – «продувного мальчишки».

Пятая группа образов – это фантазёры и мечтатели, герои таких рассказов, как «Смерть африканского охотника» и «Костя». Сюда же можно отнести и героев, которые получили (на время)

полную свободу от родительской опеки и возможность делать то, что им хочется, как в рассказе «Дети».

Главный герой рассказа «Смерть африканского охотника» – отчаянный фантазёр, увлечённо читающий «двух своих любимцев: Луи Буссенара и капитана Майна Рида» [1, с. 281]. Автобиографический характер этого произведения, во многом перекликающегося с рассказом «Отец», вполне очевиден. Возвращаясь к своим детским годам, проведённым в Севастополе, писатель вспоминает: «Проза жизни тяготила меня. Я уходил на несколько вёрст от города и, пролеживая целыми днями на пустынном берегу моря, у подножия одинокой скалы, мечтал...» [1, с. 281].

Не удивительно, что и поход в зверинец, приехавший в город, мальчик поначалу воспринимает как волнующее приключение – тем более, что отец с восторгом говорит ему: «– Понимаешь – львы есть! Тигры! Крокодил! Удав! <...> Вот это, брат, штука! Индеец там есть – стрелок, и негр» [1, с. 282]. Однако позже герой признаёт, что «рассуждал, так сказать, академически» [1, с. 284], ведь индеец не снимал скальп со зрителей, негр не поджаривал «на костре мучного торговца Слуцкина» [1, с. 284]: ничего подобного не происходило.

Разочарование мальчика достигает апогея, когда актёры балагана приходят в гости к его отцу. Индеец, негр и хозяин зверинца ведут себя, как обычные люди, что не может удовлетворить героя, мечтающего о славных пиратских подвигах. Результатом столкнове-

ния с действительностью становится разочарование: мальчик закапывает любимые книжки, заключая: «Пиратов не было и не могло быть; не должно быть. Мальчик умер. Вместо него – родился юноша» [1, с. 286].

Однако последняя фраза рассказа: «В слонов лучше всего стрелять разрывными пулями» [1, с. 286] – свидетельствует о том, что разочарованный мальчик, превратившийся в юношу, не забыл свои мечты о путешествиях и дальних странах.

Подводя итоги сказанному, хочется отметить, что пять условных групп детских образов в рассказах А.Т. Аверченко были выделены нами с учётом особенностей стиля семейного воспитания. В перспективе рассмотрение детских образов даёт нам возможность предложить целый ряд классификаций рассказов на основе анализа композиции, поэтики, образной системы. Наличие в большинстве рассказов образа автора, так или иначе причастного к описываемым событиям, позволяет говорить о возможной классификации по степени участия рассказчика.

Пристального внимания заслуживает и речевое поведение юных героев, которое часто является воспроизведением в сатирически заострённой форме оценочных суждений взрослых.

Таким образом, исследование рассказов Аркадия Тимофеевича Аверченко, посвящённых детям, представляет собой, на наш взгляд, одно из актуальных направлений современного литературоведения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверченко А. Малое собрание сочинений. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 544 с.
2. Богданова М.В. Проблема жанрового своеобразия литературного и публицистического творчества А.Т. Аверченко: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000.

3. Горький М. Детство. В людях. Мои университеты. Петрозаводск: Изд-во «Карелия», 1970. 568 с.
4. Егорова Н.С. Художественное своеобразие женских типов в прозе А.Т. Аверченко: образ девочки // Казанская наука. 2014. № 4. С. 151-156.
5. Коджаспирова Г.М. Педагогика: учеб. для студ. образоват. учреждений сред. проф. образования. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. 352 с.
6. Коротких А.В. Детские образы в юмористической прозе Саши Черного, А. Аверченко и Тэффи: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Южно-Сахалинск, 2002.
7. Кузьмина О.А. Рассказы А.Т. Аверченко. автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Тверь, 2003.
8. Миленко В.Д. Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. 327 с.
9. Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. М.: Правда, 1980. 576 с.
10. Соловьёва О.И. Фразеологические единицы как средство создания комического в произведениях А.Т. Аверченко и Н.А. Тэффи: дисс. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2001.
11. Психологический словарь / авт.-сост. В.Н. Копорулина, М.Н. Смирнова, Н.О. Гордеева, Л.М. Балабанова; под общей ред. Ю.Л. Неймера. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. 640 с.
12. Щербакова А.В. Лексико-фразеологические средства создания языковой игры в художественной прозе «Сатирикона» (На материале произведений А. Аверченко, Н. Тэффи, С. Чёрного): дисс. ... канд. филол. наук. Иваново, 2007.

REFERENCES:

1. Averchenko A. Maloe sobranie sochinenii [Small work collection]. SPb., Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 544 p.
2. Bogdanova M.V. Problema zhanrovogo svoeobraziya literaturnogo i publitsisticheskogo tvorchestva A.T. Averchenko: avtoref. diss. ... kand. filol. n [The problem of genre originality of literary and journalistic works of A. Averchenko: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Krasnodar, 2000.
3. Gor'kii M. Detstvo. V lyudyakh. Moi universitety [Childhood. In people. My universities]. Petrozavodsk, Izd-vo «Kareliya», 1970. 568 p.
4. Egorova N.S. Khudozhestvennoe svoeobrazie zhenskikh tipov v proze A.T. Averchenko: obraz devochki [The artistic originality of feminine types in the prose of A. Averchenko: the image of a girl] // Kazanskaya nauka. 2014. no. 4. pp. 151-156.
5. Kodzhaspirova G.M. Pedagogika: ucheb. dlya stud. obrazovat. uchrezhdenii sred. prof. obrazovaniya [Pedagogy: textbook for stud. institutions of mid. prof. ed.]. M., Humanit. izd. center VLADOS, 2003. 352 p.
6. Korotkikh A.V. Detskie obrazy v yumoristicheskoi proze Sashi Chernogo, A. Averchenko i Tefi: avtoref. diss. ... kand. filol. n. [Children's images in Sasha Cherny, A. Averchenko and Taffy's comic prose: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2002.
7. Kuz'mina O.A. Rasskazy A.T. Averchenko: avtoref. diss. ... kand. filol. n [A. Averchenko stories: abstr. of thesis of candidate of Philological sciences]. Tver, 2003.
8. Milenko V.D. Arkadii Averchenko [Arkady Averchenko]. M., Molodaya gvardiya, 2010. 327 p.
9. Saltykov-SHCHedrin M.E. Poshekhonskaya starina [Poshehonsky old time]. M., Pravda, 1980. 576 p.
10. Solov'eva O.I. Frazеologicheskie edinitsey kak sredstvo sozdaniya komicheskogo v proizvedeniyakh A.T. Averchenko i N.A. Tefi: diss. ... kand. filol. n. [Phraseological units as

a means of creating a comic in the works of A. Averchenko, N. Taffy: thesis of candidate of Philological sciences]. Magnitogorsk, 2001.

11. Psikhologicheskii slovar' [Psychological dictionary]. Rostov-on-Don, Feniks, 2003. 640 p.
12. Shcherbakova A.V. Leksiko-frazeologicheskie sredstva sozdaniya yazykovoi igry v khudozhestvennoi proze «Satirikona» (Na materiale proizvedenii A. Averchenko, N. Teffi, S. Chernogo): diss. ... kand. filol. n [Lexico-phraseological means of creating a language game in fiction «Satyricon» based on the works by A. Averchenko, N. Taffy, S. Cherny: thesis of candidate of Philological sciences]. Ivanovo, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Салова Ольга Ильинична – соискатель учёной степени кандидата филологических наук кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета (МГОУ);
e-mail: savi85@yandex.ru

INFORMATION ON THE AUTHOR

Olga Salova – the applicant of an academic degree of candidate of Philological Sciences, Department of the Russian literature of the 20th century, Moscow State Regional University;
e-mail: savi85@yandex.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Салова О.И. Детские образы в рассказах А.Т. Аверченко: к вопросу о возможной классификации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 156-165.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-156-165

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

O. Salova. Images of children in A. Averchenko's stories: to the question of possible classification // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 156-165.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-156-165

УДК 82

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-166-174

«КИТАЙСКИЕ» СТИХОТВОРЕНИЯ Е.И. ВАСИЛЬЕВОЙ – ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ И ВЛИЯНИЯ

Сорокина Г.А.

*Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина.
123001, Москва, Садовая-Кудринская ул., д. 9, Российская Федерация*

Аннотация. В русской литературе Восток увлекал многих прозаиков и поэтов. Он вошёл в творчество Л. Толстого, С. Надсона, К. Бальмонта, И. Анненского, И. Бунина, З. Гиппиус, Д. Мережковского, М. Волошина, В. Хлебникова, Н. Гумилёва и других. К ним относится и Е.И. Васильева, известная под псевдонимом Черубина де Габриак. Статья посвящена анализу её поэтического сборника «Домик под грушёвым деревом». Автор данной статьи отмечает, что стихотворения Васильевой, написанные в форме стилизации китайской поэзии в 1927 году, теснейшим образом связаны с именами М. Волошина, Н. Гумилёва, синоведа Ю. Щуцкого и других представителей Серебряного века.

Ключевые слова: Васильева, Черубина де Габриак, стихотворения, китайская стилизация, литературные влияния.

“CHINESE” POEMS BY E. VASILYEVA – LITERARY CONNECTIONS AND IMPACTS

G. Sorokina

Kutafin Moscow State Law University

9, Sadovaya Kudrinskaya St., Moscow, Russian Federation, 123001

Abstract. In the Russian literature, the East inspired many prose-writers and poets. It is present in the works of L. Tolstoy, S. Nadson, K. Balmont, I. Annensky, I. Bunin, Z. Gippius, D. Merezhkovsky, M. Voloshin, V. Khlebnikov, N. Gumilev and others. E. Vasilyeva who goes under the pen-name Cherubina de Gabriak, belongs to this circle too. The article is devoted to the analysis of her collected poems “Little house under the pear tree”. The author of the article emphasizes that the poems by Vasilyeva are written in the stylization of the Chinese poetry of 1927 and are closely connected with the works of M. Voloshin, N. Gumilev, sinologist Y. Shustsky and other representatives of the Silver Age.

Keywords: Vasilyeva, Cherubina de Gabriak, poems, Chinese stylization, literary impacts.

Двадцатый век в русском и западном обществах характеризовался постоянно возрастающим интересом к восточным культурам. Этот интерес затронул различные стороны общественной жизни, в том числе и область литературно-художественного творчества. С начала века многие представители творческой интеллигенции включали в сферу своих размышлений и творческих поисков

идеи Востока, категории восточных культур как мировоззренческие универсалии. Этот материал стал основой для их художественного творчества: он отражался в литературе, живописи, фотографии, кинематографе, популяризовался и всё более становился достоянием широких слоёв общества.

Ещё в XIX веке в условиях изменившегося мира русское и западное общества достигли определённого понимания единства огромного мира, единства человечества. В поисках основ этого единства, в поисках решения онтологических и антропологических проблем представители культуры, философии, искусства литературы обращались на Восток.

Увлечение Востоком, буддизмом, часто воспринимаемое как *lux ex oriente* (свет с Востока), пронизывало культуру России конца XIX – начала XX века. «Ориентализм» в России начала века не был однороден; под его знаменем не создавались школы и направления, не сочинялись программы и манифесты. Его настроения проникали сквозь групповые препоны; минуя внутренние разногласия, они соединяли художников, словно невидимой скрепой...» [6, с. 175].

Отметим, что ориентализм как явление культуры, возникший под влиянием многогранных и сложных общественных процессов и явлений, в том числе событий государственной жизни, внешнеполитических устремлений России на Восток, стал неотъемлемой частью жизни великосветского общества и творческой интеллигенции, прежде всего Санкт-Петербурга и Москвы.

Некоторые деятели культуры воспринимали ориентализм через антро-

пософию. Антропософами были многие русские философы, литераторы, художники, представители светского общества. Антропософские идеи оказывали влияние на различные стороны интеллектуальной, художественной и духовной жизни образованной части российского общества.

В русской литературе Восток увлекал многих прозаиков и поэтов. Он вошёл в творчество Л. Толстого, С. Надсона, К. Бальмонта, И. Анненского, И. Бунина, З. Гиппиус, Д. Мережковского, М. Волошина, В. Хлебникова, Н. Гумилёва и других. Таким образом, ещё в конце XIX – начале XX века в России возникло целое литературное направление, испытывавшее воздействие восточных идей. Воздух литературы XX столетия был наполнен «ароматами Востока». В связи с этим важной для нас является мысль, высказанная российским учёным С.С. Аверинцевым, что «для самосознания и самочувствия литературы не может быть безразличной психологическая атмосфера, которая возникает вокруг атрибутов древней игры – вокруг начертаний иероглифов или букв... Эта психологическая атмосфера – воздух литературы» [1, с. 192].

Литература, откликнувшись на интерес к Востоку со стороны общества, приступила к художественному исследованию различных аспектов восточных культур, в результате чего происходило вхождение новых смыслов, идей, терминов, понятий, образов в русскую и западную культуры и формирование общего восточного текста.

Размышляя о блестящей литературе Серебряного века, в которой ориентальные темы и образы, экзотика Востока занимают большое место, нельзя

не вспомнить такие имена, как И. Бунин, М. Волошин, Н. Гумилёв, М. Цветаева, Андрей Белый.

Имя поэтессы Елизаветы Ивановны Васильевой (урождённой Дмитриевой, 1887–1928) сегодня почти неизвестно. Однако с её именем связаны две литературные мистификации – два литературных псевдонима.

Она вошла в русскую литературу в 1909 году под загадочным именем Черубина де Габриак. Впоследствии Марина Цветаева в книге «Живое о живом» назвала несколько месяцев этого года «эпохой Черубины де Габриак». Автором и режиссёром этой мистификации был Максимилиан Волошин, оказавший огромное влияние на её творческую судьбу.

Среди стихов Черубины, опубликованных в журнале «Аполлон», есть венки сонетов «Золотая ветвь» с посвящением Волошину: «Моему учителю». Позднее, уже в 1921 году, она писала одному из корреспондентов о роли Волошина в своей жизни: «он мой близкий друг и даже учитель» [9, с. 162]. Столь высокое признание значения личности Волошина в жизни поэтессы предполагает, прежде всего, восприятие и понимание внутреннего мира Волошина и его духовной устремлённости, в том числе и к идеям Востока. Во многом благодаря ему идеи антропософии, идеи Востока навсегда вошли в жизнь поэтессы. Личность того, кого она называла своим учителем, сопровождала её всю жизнь. Фигура Волошина в контексте культуры своего времени замечательна среди прочего и тем, что он был выдающимся посредником, посредником между людьми, идеями и культурами.

В 1911 году Дмитриева вышла замуж за инженера Вс.В. Васильева и с

этого времени публиковала стихи уже под фамилией супруга. Будучи членом Антропософского общества, она совершала поездки в Германию, Швейцарию, Финляндию, встречалась с Рудольфом Штейнером, печаталась в антропософских журналах. По своему мировоззрению и культуре Васильева была человеком Серебряного века, поэтому в её стихах, кроме любовной лирики, большое место занимали религиозно-мистические мотивы. Многие стихи этого периода ещё предстоит вернуть читателям – они разбросаны по разным журналам, хранятся в различных архивах. Из одного из таких архивов до нас дошёл всего один сборник её стихотворений, подписанный ещё одним псевдонимом. Этот сборник «Домик под грушёвым деревом» написан в форме стилизации китайской поэзии. Он прозвучал как отголосок поэзии Серебряного века. История создания сборника интересна и, вместе с тем, драматична, поскольку это были последние стихи поэтессы. Вдохновителем этих стихов был Юлиан Константинович Шуцкий (1897–1946), который сыграл большую роль в жизни Елизаветы Ивановны.

Известный синолог, переводчик китайской поэзии, он окончил Петроградский университет, где специализировался на кафедре китаеведения. Научные интересы Шуцкого были связаны со средневековой китайской философией. Он перевёл на русский язык ряд сочинений китайских философов. В 1923 году в переводе Шуцкого вышла «Антология китайской лирики VII–IX веков». Перевод был сделан совместно с известным востоковедом В.М. Алексеевым и оценивался как новаторский, осуществлённый блестящими знатока-

ми Китая. Эта книга и сегодня воспринимается как новая ступень в освоении поэтического Китая европейцами [4, с. 200, 201; 7, с. 295].

Важнейший труд Шуцкого «Китайская классическая “Книга перемен”» (перевод и научное исследование) стал темой его докторской диссертации, защита которой состоялась в 1937 году. В том же году Шуцкий был репрессирован и впоследствии расстрелян. В лице этого учёного отечественное востоковедение понесло невосполнимую утрату.

Профессиональные занятия духовной культурой, мистическими учениями Востока привели Шуцкого к антропософии. Учёный оставил записи о том, какое значение имела антропософия для его самопознания, совершенствования своего внутреннего Я, развития интуиции, которая помогала ему, по его собственному признанию, в профессиональной деятельности. Духовным водителем на этом пути для него стала Васильева [4, с. 201].

Знакомство Васильевой и Шуцкого, перешедшее в близкие отношения, произошло в 1922 году. В 1926 году в СССР начались репрессии в отношении антропософов, и в 1927 Васильева была выслана в Ташкент. Там её навещил Шуцкий, следуя в Японию в научную командировку. Из письма Васильевой Волошину 1928 года мы узнаем, что в Японии Шуцкий жил в буддийском храме, изучал философию [4, с. 203]. Это была их последняя встреча: в декабре 1928 года Васильева умерла. Позднее в своих записках Шуцкий написал о той огромной роли, которую сыграла Елизавета Ивановна в его жизни: «Несмотря на то, что прошли уже годы с её смерти, она продолжает быть центром

моего сознания как морально-творческий идеал человека» [4, с. 203].

Именно в Ташкенте был задуман и создан этот «китайский» сборник стихов. В письме к Е.Я. Архиппову, библиографу и педагогу, Васильева рассказала литературную историю сборника «Домик под грушёвым деревом»: «Грушёвое дерево существует, оно вросло в террасу флигелька, где я живу. Это дало повод Ю[лиану] называть меня по китайскому обычаю Ли-сян-цзы – философ из домика под груш[ёвым] деревом – и предложить мне, как делали все кит[айские] поэты в изгнании, написать сборник «Домик под грушёвым деревом» поэта Ли-сян-цзы. Так и сделано. С его помощью написано предисловие в духе кит[айских] поэтов и даны заглавия каждому из 7-стиший.

Внутри они, конечно, вовсе не китайские, кроме 3–4 образов. Всё это чистейшая chinoiserie» [9, с. 161-162].

Псевдоним Ли-сян-цзы для Васильевой и Шуцкого стал частью их общей литературной игры, своеобразным творческим методом погружения в иную реальность.

Приведём несколько стихотворений из этого сборника.

Домик под грушей

Домик под грушей...

Домик в чужой стороне.

Даже в глубоком сне

Сердце своё послушай:

Там – обо мне!

Звёздами затканый вечер –

Время невидимой встречи.

Река

Здесь в реке – зелёная вода,

Как плотная, ленивая слюда

*Оттенка пыли и полыни...
Ах, лишь на севере вода бывает си-
ней...*

*А здесь – Восток.
Меж нами, как река, пустыня,
А слёзы, как песок.*

В этих стихах звучит мотив изгнанничества, одиночества в чужом далёком краю, мотив разлуки с другом (так же как в стихотворениях «Ивы», «Журавль», «Небо», «Разлука с другом»). Наградой поэту служит только связь с бесконечным космосом. В ряде стихотворений Васильева использовала традиционные китайские поэтические образы сосны, веера, луны, павлиньих перьев, летящих гусей. Интересно стихотворение «Бабочка», по своему смыслу отсылающее читателя к известной притче о Лао-цзы, которому приснилось, что он – бабочка.

Бабочка

*И сон один припомнился мне вдруг:
Я бабочкой летала над цветами.
Я помню ясно: был зелёный луг,
И чашечки цвевов горели словно пламя.
Смотрю теперь на мир открытыми
глазами,
Но, может быть, сама я стала сном
Для бабочки, летящей над цветком.*

Васильева включила в сборник 21 стихотворение (каждое из 7 строк). Таким образом, в своём поэтическом творчестве она создала ещё один литературный образ – Ли-сян-цзы.

В 1928 году Васильева переписала все стихи сборника в тетрадь и передала её Архиппову, который сохранил как эту тетрадь, так и её письма. После его смерти все материалы были переданы в архив. Первая полная пуб-

ликация «Домика» состоялась только в 1988 году [2]. Однако ранее, в 1970 году, писатель и библиофил В. Лидин в статье, посвящённой Васильевой, привёл три стихотворения из этого сборника [5, с. 46]. Её поэтический сборник уже вошёл в сферу современных научных исследований. Одной из работ, посвящённых анализу «китайской» образности стихотворений «Домика», является статья Ю.А. Сорокина «Елис. Васильева (Черубина де Габриак) и её «Домик под грушёвым деревом» [8]. Автор всесторонне рассматривает, как традиционные символы и образы китайской поэзии преломились в стихах Васильевой – Ли-сян-цзы. Однако вызывают определённые сомнения методы исследования поэтического текста Васильевой и, прежде всего, тот ригоризм в оценке тех или иных образов её стихотворений, которые, по мнению исследователя, не соответствуют духу реальной китайской поэзии. Сборник «Домик под грушёвым деревом» не следует оценивать по таким критериям, ведь это – поэтическая игра, попытка выразить своё представление об интонации, образах, философии «чужой» китайской поэзии.

В цикле стилизованных китайских стихотворений Васильевой также чувствуется несомненное влияние «китайской» поэзии Гумилёва. И это вполне объяснимо. Васильева, Цветаева, Волошин, Гумилёв принадлежали к одному, довольно тесному кругу деятелей Серебряного века. Васильеву и Гумилёва в определённый период их жизни связывали особые и эмоционально непростые отношения, отразившиеся как в творчестве Гумилёва, так и Дмитриевой-Васильевой: именно из-за Черубины де Габриак между

Гумилёвым и Волошиным в 1909 году состоялась дуэль.

В 1906–1907 годах Гумилёв жил в Париже, учился в Сорбонне. В 1907 году произошло знакомство Гумилёва с Дмитриевой, которая также в это время училась в Сорбонне. Общая волна ориентализма в культуре, как на Западе, так и в России, на рубеже XIX–XX веков захватила Гумилёва. Источников восточного вдохновения у Гумилёва было много. Прежде всего, это настроения века, связанные с религиозно-философскими идеями Востока, теософия, антропософия. Важным источником знаний о Востоке были лекции предметов материальной культуры и искусства, сосредоточенные в музеях России и Европы, с которыми знакомился поэт.

В 1909 году поэт написал стихотворение «Путешествие в Китай». В 1911 году появилось стихотворение «Я верил, я думал, и свет мне блеснул наконец...» Строки этого стихотворения впоследствии стали популярным романсом «Китайская акварель», исполнявшимся А. Вертинским. В 1912 году было опубликовано стихотворение «Возвращение» с его загадочной китайской темой и образом Будды, представленным как личное эмоциональное впечатление поэта.

В Париже был написан и стихотворный сборник «Фарфоровый павильон», состоящий из двух частей – «Китай» и «Индокитай» (опубликован в 1918 году в издательстве «Гиперборей»).

К 1918 году относится и незавершённая китайская поэма Гумилёва «Два сна». В своих стихах, обращённых к Востоку, он создал поэтическую знаково-образную систему, основанную

на традиционных темах и образах Востока, свой собственный мир условной восточной реальности, той реальности, которая оказала большое влияние на русскую литературу и культуру в целом, в том числе на литературу русского зарубежья.

«Китайские» стихи Гумилёва в отличие от многих других его поэтических произведений, написанных под впечатлением путешествий по экзотическим странам, носят скорее умозрительный, опосредованный, литературный характер, поскольку Гумилёв никогда не был на Дальнем Востоке и не посещал Китая. Но это вполне соответствует русской литературной традиции: о Востоке писали М.В. Ломоносов, А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, А.А. Фет, Д.П. Ознобишин, С.Я. Надсон, В.С. Соловьёв, А.К. Толстой и другие. Поэты, устремлявшиеся на Восток только в своём творчестве, пытались таким образом постичь идеи и образы этого далёкого мира.

В 1909 году поэт написал стихотворение «Царица», в котором ярко и неожиданно возникают образы Тибета и Гоби.

*Твой лоб в кудрях отлива бронзы,
Как сталь, глаза твои остры,
Тебе задумчивые бонзы
В Тибете ставили костры.*

*Когда Тимур в унылой злобе
Народы бросил к их мете,
Тебя несли в пустынях Гоби
На боевом его щите...*

Считается, что это стихотворение, как и ряд других, Гумилёв посвятил Черубине.

Гумилёв выработал свой собственный язык, отражающий его поэтиче-

скую и духовную устремленность к Востоку. В стихах Гумилёва предстаёт «южная изумительная Азия-Китай, Индо-Китай, Персия. <...> Китай богдыханов, ибо автор неисправимый аристократ, но его экзотическая романтика звучит и не забывается и напряжённо зовёт к недостигнутой цели» [3, с. 484]. Гумилёв – поэт-ориенталист, создавший собственный язык ориентальной поэзии в русской литературе, свой тезаурус восточных образов.

В 1921 году Васильева написала стихотворение «Памяти Анатолия Гранта», посвящённое погибшему поэту, используя в названии один из псевдонимов Гумилёва. В этих трагических стихах звучит признание великой посмертной славы поэта:

<...>

*И откроются очи для света.
В небесах он совсем голубой.
И звезда твоя – имя поэта
Неотступно и верно с тобой.*

Ещё через четыре года поэтесса написала стихотворение, наполненное глубокими интимными воспоминаниями, где прослеживаются и реминисценции их парижских встреч:

*Помнишь, сквозь снег над порталом
Готической розы цветок?
Как я тебя обижала!
Как ты поверить мог!*

Обращение к сборнику «Домик под грушёвым деревом» даёт возмож-

ность очередной раз обратить внимание на огромную концентрацию творческой энергии, связанной с интересом многих представителей культуры Серебряного века к Востоку и выявить некоторые новые аспекты литературных связей, влияний и перекличек. Подобно Гумилёву, Васильева предприняла попытку передать свои собственные представления, эмоциональные впечатления и выразить собственным поэтическим языком образы китайской поэзии, полученные ею из вторичных источников. «Домик под грушёвым деревом» – стихотворения, принадлежащие незаурядному, тонко чувствующему человеку, автору, многочисленными нитями связанному с литературой Серебряного века. Перед нами произведение, достойное того, чтобы найти своих читателей и остаться в памяти русской культуры.

Тенденция к универсалистскому осмыслению мира, что предполагает в том числе и включение идей Востока, – это характерная черта всей культуры XX и начала XXI века. Идеи Востока определили и литературные реалии многих произведений. Большое значение имеет контекстуальность взгляда на те или иные стороны восточных культур в различных литературных произведениях. В данном контексте нас интересовали некоторые символические смыслы, связанные с Востоком и преломлённые в творчестве М. Волошина, Н. Гумилёва, Е. Васильевой, Ю. Щуцкого.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. 343 с.
2. Васильева Елис. «Две вещи в мире для меня всегда были самыми святыми: стихи и любовь» // Новый мир. 1988, №12. С. 168-170.

3. Гумилёв Н.С. «Огненный столп» // Н.С. Гумилёв: pro et contra. СПб., 2000. С. 484-485.
4. Грякалова Н.Ю. Стихотворения Е.И. Васильевой, посвящённые Ю.К. Шуцкому // Русская литература. 1988. № 4. С. 200-205.
5. Лидин В. Друзья мои – книги. Домик под грушевым деревом // В мире книг. 1970. № 9. С. 45-46.
6. Смирнов И.С. «Всё видеть, всё понять...» (Запад и Восток Максимилиана Волошина) // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1985. Вып. 2. С. 170-188.
7. Смирнов И.С. Стафф, Туссен и ... Гумилёв // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1989. Вып. 4. С. 295-299.
8. Сорокин Ю.А. Елис. Васильева (Черубина де Габриак) и её «Домик под грушевым деревом» // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2004. № 2. С. 65-69.
9. Суворова К.Н. На чердаке старого московского дома // Встречи с прошлым. Вып. 6. М., 1988. С. 150-163.

REFERENCES:

1. Averintsev S.S. Poetika rannevizantiiskoi literatury [Poetics of early Byzantine literature]. М., 1997. 343 p.
2. Vasil'eva Elis. «Dve veshchi v mire dlya menya vseгда byli samymi svyatyimi: stikhi i lyubov'» [Vasiliev Elis. «Two things in the world for me have always been the most sacred: poems and love»] // Novyi mir. 1988. no. 12. pp. 168–170.
3. Gumilev N.S. «Ognennyi stolp» [«Pillar of fire»] // N.S. Gumilev: pro et contra [N.S. Gumilyov: pro et contra]. СПб., 2000. pp. 484–485
4. Gryakalova N.YU. Stikhotvoreniya E.I. Vasil'evoi, posvyashchennye YU.K. Shutskomu [Poems of E. Vasilyeva on Y. Shutsky] // Russkaya literatura. 1988. no. 4. pp. 200–205.
5. Lidin V. Druz'ya moi – knigi. Domik pod grushevym derevom [My friends are books. Little house under the pear tree] // V mire knig. 1970. no. 9. pp. 45–46.
6. Smirnov I.S. «Vse videt', vse ponyat'...» (Zapad i Vostok Maksimiliana Voloshina) [«To see everything, to understand everything...» (the West and the East of Maximilian Voloshin)] // Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. М. 1985. no. 2. pp. 170–188.
7. Smirnov I.S. Staff, Tussen i ... Gumilev [Staff, Toussaint and ... Gumilyov] // Vostok – Zapad. Issledovaniya. Perevody. Publikatsii. М. 1989. no. 4. pp. 295–299.
8. Sorokin YU.A. Elis. Vasil'eva (CHerubina de Gabriak) i ee «Domik pod grushevym derevom» [Elis. Vasilyeva (Cherubina de Gabriak) and her «Little house under the pear tree»] // Vestnik VGU. Seriya: «Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya». 2004. no. 2. pp. 65–69.
9. Suvorova K.N. Na cherdake starogo moskovskogo doma [In the attic of the old Moscow house] // Vstrechi s proshlym. Iss. 6. М., 1988. pp. 150–163.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокина Галина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры иностранных языков Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина.

e-mail: inyazmgua@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Galina Sorokina – candidate of Philological Sciences, associate professor at the departments of Foreign Languages of Kutafin Moscow State Law University;
e-mail: inyazmgua@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Сорокина Г.А. «Китайские» стихотворения Е.И. Васильевой – литературные связи и влияния // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 166-174.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-166-174

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

G. Sorokina. “Chinese” poems by E. Vasilyeva – literary connections and impacts // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 166-174.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-166-174

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-175-179

ДЕНЬ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ И КУЛЬТУРЫ – 2016

Батурова Т.К.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

DAY OF SLAVIC WRITTEN LANGUAGE AND CULTURE – 2016

T.K. Baturova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

В этом году праздник святых равноапостольных Кирилла и Мефодия отмечался в особой атмосфере: в 2016 году празднуется тысячелетие русского пребывания на Афоне. С этим событием были связаны и традиционные Рождественские чтения в Храме Христа Спасителя.

Россия и Греция – духовно близкие страны. Грецию называют «самым старым другом России». А ещё это самый надёжный друг России, несмотря на все исторические перипетии: два народа связаны православной верой. Потому и говорят: «Славяне и греки – братья навеки».

Преобладает мнение, что святые Кирилл и Мефодий были по национальности греками. Правда, для святых не так и важна национальность: они принадлежат всему миру, их называют земными ангелами и небесными человеками. Тем не менее, святые равноапостольные Кирилл и Мефодий родились в Салоники. Сейчас это греческий город Салоники – город исключительный: родина не только святых равноапостольных братьев, но и святого Аристарха – апостола от семидесяти, Димитрия Солунского – великого христианского святого III века, покровителя города.

Всем известно, что главная святыня Греции – Гора Афон. Это Второй удел Пресвятой Богородицы. Всего у Святой Девы четыре земных удела, четыре святых места, где Она полновластная правительница: Иверия (Грузия), Афон, Киев и Дивеево.

Об Афоне следует сказать особо. Удивительна его история. Когда Божия Мать отправилась на остров Кипр навестить святого Лазаря, воскрешённого Господом, поднялся сильный ветер. Корабль был отнесён бурей к Афонской горе,

© Т.К. Батурова, 2016.

населённой язычниками. Пресвятая Дева, видя в этом указание воли Божией, вышла на берег не ведомой Ей земли и возвестила местным жителям евангельское учение, обратила их в христианство. Перед отплытием с Афона Богородица благословила новообращённых и обещала милость Своего Сына всем пребывающим на этом святом месте. С тех далёких пор Пресвятая Дева – единственная Хозяйка Святой Горы. Других женщин тут не бывает.

Одна из главных святынь Афона – Иверская икона Пресвятой Богородицы, перед которой горит неугасимая лампада – «Лампада Вратарницы». По афонскому преданию, пока горит эта лампада, продолжается жизнь на земле. Причём перед большими потрясениями лампада начинает раскачиваться, порой очень сильно, так, что масло из лампады выплёскивается, и тогда монахи встают на усиленную молитву за весь мир.

А в России находится Четвёртый, последний, удел Пресвятой Богородицы – Дивеево, любимое детище преподобного Серафима Саровского, дорогого русского святого, чьи мощи покоятся в этой обители. Вокруг Дивеевского монастыря прошли когда-то стопочки Царицы Небесной. И сейчас Пресвятая Богородица не оставляет Дивеева. Поэтому и стремятся сюда люди, и не только из всех уголков России, но и из-за рубежа. О Святой Канавке старец Серафим говорил: «Кто Канавку с молитвой пройдёт да полтораста “Богородиц” прочтёт, тому все тут: и Афон, и Иерусалим, и Киев!». Иными словами: все святыни соединяются в Дивееве.

Русский писатель и профессор XX века Иван Михайлович Андреевский

(псевдоним – Андреев) посетил Дивеево в 1926 году, накануне закрытия святой обители, а потом в очерке «Путешествие в Саров и Дивеево в 1926 году» проникновенно рассказал об увиденном и пережитом здесь. Вот высшее его переживание, испытанное после обхода Святой Канавки: «Меня вдруг охватила совершенно особенная духовная, тихая, тёплая и благоуханная радость – несомненное убеждение всем существом в существовании Божиим и в совершенно реальном с Ним молитвенном общении. И вот мне стало совершенно очевидно и ясно, что всякая просьба о чём-нибудь земном будет равносильна молитве: Господи, отойди от меня и лиши меня Твоего чудного дара...

И я внутренне горячо обратился к Господу:

“Господи, не давай мне ничего, отними от меня всё земное благополучие, только не лишай меня радости общения с Тобой или если это невозможно сохранить навсегда в нашей жизни, то дай мне память сердечную, дай мне возможность сохранить до смерти воспоминание об этой настоящей блаженной минуте ощущения Твоего Святого Духа!” [1, с. 59]. Всё меняется по этой сердечной молитве, и И.М. Андреевский пишет: «Вся моя жизнь после моего паломничества в Саровскую пустынь изменилась. Господь отнял от меня, по моей молитве на канавке, все блага земные, но сохранил навсегда память о той минуте, когда, по безграничному милосердию Преподобного Серафима, я, грешный, совершенно незаслуженно сподобился пережить в себе тихое, радостное, благое и благоуханное веяние Святого Духа Господня...» [1, с. 65].

Между Вторым и Четвёртым уделами Пресвятой Богородицы существует особая духовная связь. В День славянской письменности и культуры она наиболее ощутима.

О духовной связи России и Греции пишет один из самых востребованных сейчас авторов, выпускник нашего вуза Владимир Николаевич Крупин. Он лауреат первой Патриаршей премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия. И это вполне закономерно. В.Н. Крупин всегда был очень открытым, сердечным, искренним автором. Именно таков он в одной из первых своих повестей, посвящённой нашему институту. Это повесть «Прости, прощай». Здесь живёт атмосфера МОПИ 1960-х годов, студенческий мир того времени, встают образы уже ушедших из жизни, но таких близких и родных преподавателей. Молодая душевность В.Н. Крупина стала залогом его зрелой духовности. В последние годы особо значимой для писателя является православная тема. Его слово востребовано, его проза и публицистика проникнуты надеждой на то, что именно православная вера может спасти нашу страну. Писатель рассуждает о вере, нравственности, о судьбе России и душе русского человека. Он знает, что земная жизнь человека очень кратка, но зато вечна жизнь его души. В.Н. Крупин убеждён, что Россия, по числу своих жертв, по силе своей святости, – последний оплот в мировой схватке добра и зла. Его рассуждения о России и её будущем удивительно созвучны мыслям самого духовного современного русского поэта – иеромонаха Романа (Матюшина):

*Россия-Русь! Куда б ты ни неслась
Оборванной, поруганной, убогой, –*

*Ты не погибнешь! Ты уже спаслась,
Имя столько праведных у Бога [4,
с. 306].*

В 2013 году в московском издательстве «Смирение» вышла книга В.Н. Крупина «Пока не догорят высокие свечи...». Это сборник небольших духовных рассказов писателя. Там есть коротенькое размышление «Всесветлый батюшка» – всплеск писательской души. Здесь присутствует тема необычного паломничества к преподобному Серафиму Саровскому. Вот небольшой отрывок из этого трогательного повествования, где сопоставляются два святых – русский, преподобный Серафим Саровский, и греческий, преподобный Паисий Святогорец: «Православные паломники знают, как отраднo, когда где-нибудь, в дальней поездке, в далёкой от России стране, в церкви, видишь вдруг образ с в о е г о святого. То есть они, православные святые, все н а ш и, все общеправославные, но всё-таки встретить привычный лик русского святого – это как улыбка родины.

Такое чувство испытываешь особенно часто в Греции. Её святые <...> смотрят со стен православных храмов всех греческих церквей. И почти всегда радостно видишь образ нашего милого, сердечного батюшки Серафима и подходишь к нему, как под благословение.

Очень, очень его чтут, молятся ему. Мало того – любимого всей Грецией Паисия называют греческим Серафимом Саровским. Та же в нём простота, отзывчивость, та же любовь к малым деточкам, то же понимание слабостей, прощение и величайшая молитвенность.

Нет лучшего подарка для православных, живущих по воле Божией не

в России, чем образочек, пусть самый скромный, преподобного Серафима Саровского» [3, с. 222–223].

Есть у В.Н. Крупина и ещё одно произведение о Греции, об Афоне и о восприятии этого святого места – книга «Афон. Стояние в молитве». Она вышла в издательстве «Вече» в 2010 году. Здесь Святая Гора названа «главным местом в мире» после храма Гроба Господня в Иерусалиме, потому что, «если бы не молитвы Афона, мир давно бы провалился в чёрные дыры безбожия» [2, с. 5]. И космонавты, видевшие Святую Гору из космоса, свидетельствуют, что «Афон всегда сияет, даже и тогда, когда кругом его облачность». И это при том, что на Афоне не используется во время богослужений электричество.

Пишет о связи России и греческого Афона ещё один современный писатель, имя которого хорошо известно православному читателю, – протоиерей Александр Торик. В книге «Восхождение» из цикла «Флавиан» он говорит о восхождении русских паломников к высшей духовности на

святой Афонской земле. В духовном мире Афона для православного человека возможно всё, даже встреча с Господом и с Игуменьей Афона, Пресвятой Богородицей. Вот фрагмент из эпилога этого произведения, результат духовного восхождения человека на Святой Горе: «Что-то произошло со мной там, на горе, на вершине Афона, какая-то метаморфоза. Вроде бы я всё еще тот, что был до того восхождения, а уже и не тот... Не знаю, как это объяснить, но тот мирный дух, что пришёл ко мне после молитвы в храме Преображения, не покидает меня до сих пор. “Бог – мой! Я – Божий!” – это непоколебимое знание теперь даёт мне силы в любых жизненных ситуациях, проблемах и скорбях» [5, с. 314].

Очень отрадно, что в День славянской письменности и культуры мы вспомнили любимого святого Клавдии Анатольевны Войловой, приведшей этот праздник в стены нашего вуза, – преподобного Серафима Саровского и его великую обитель и поклонились Афону, глубоко связанному с Россией православной верой.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Андреев И.М. К батюшке Серафиму / Путешествие в Саров и Дивеево в 1926 году // В гости к батюшке Серафиму. М.: Паломник, 2007. 512 с.
2. Крупин В.Н. Афон. Стояние в молитве. М.: Вече, 2010. 304 с.
3. Крупин В.Н. Всесветлый батюшка // Крупин В.Н. Пока не догорят высокие свечи... М.: Смирение, 2013. 416 с.
4. Роман, иеромонах. Внимая Божьему велению / Стихи. Духовные песнопения. 3-е изд. Мн.: Издательство Белорусского Экзархата, 2000. 544 с.
5. Торик Александр, протоиерей. Флавиан / Восхождение. М.: Флавиан-Пресс, 2012. 318 с.

REFERENCES:

1. Andreev I.M. K batyushke Serafimu / Puteshestvie v Sarov i Diveevo v 1926 godu // V gosti k batyushke Serafimu [To father Seraphim / the Journey to Sarov and Diveevo in 1926, / / a visit to father Seraphim]. M., Palomnik, 2007. 512 p.
2. Krupin V.N. Afon. Stoyanie v molitve [Athos. Standing in prayer]. M., Veche, 2010. 304 p.

3. Krupin V.N. Vsesvetlyi batyushka // Krupin V.N [Severly father // Krupin V. N.]. Until you burn out the high of the candle., Smirenie, 2013. 416 p.
4. Roman, ieromonakh. Vnimaya Bozhëmu velen'yu / Stikhi. Dukhovnye pesnopeniya. 3-e izd [Novel, the monk. Heed God]. Mн., Izdatel'stvo Belorusskogo Ekzarkhata, 2000. 544 p.
5. Torik Aleksandr, protoierei. Flavian / Voskhozhdenie [Toric Alexander, FR. Flavian / Climbing]. M., Flavian-Press, 2012. 318 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батурова Татьяна Константиновна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской классической литературы Московского государственного областного университета;
e-mail: classikaXIX@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Baturova Tat'jana K. – doctor of Philology, professor, Department of Russian classical literature of Moscow State Regional University;
e-mail: classikaXIX@rambler.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Батурова Т.К. День славянской письменности и культуры – 2016 // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 175-179.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-175-179

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T.K. Baturova Day of Slavic Written Language and Culture – 2016 // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 175-179.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-175-179

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-180-183

РЕЦЕНЗИЯ НА УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ С.М. КОЛЕСНИКОВОЙ «СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. МОРФОЛОГИЯ» (М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ЮРАЙТ, 2015. 297 С.)

Шаповалова Т.Е.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

REVIEW OF THE TEXTBOOK «MODERN RUSSIAN LANGUAGE. MORPHOLOGY» (M.: PUBLISHER YURAYT, 2015. 297 PP.)

T.Shapovalova

*Moscow State Region University
10A Radio St., Moscow, Russian Federation, 105005*

С.М. Колесникова предложила новый учебник по морфологии современного русского языка, который соответствует утверждённым программам и модулям по русскому языку. Книга предназначена для изучающих современный русский язык как основной предмет студентов академического бакалавриата филологических и педагогических профилей высших учебных заведений.

В труде «Современный русский язык. Морфология» С.М. Колесникова чётко определила свои научные и методические задачи, выработала весомую, аргументированную подачу грамматического материала, которая не позволит книге потеряться в потоке появившейся в последние годы учебной литературы и станет полезным и востребованным изданием. Придерживаясь системно-структурного и функционального принципов, автор учебного пособия представила не только общетеоретическое описание грамматического (морфологического) строя современного русского языка, но и отразила закономерности функционирования языковых единиц, объединённых значением качества.

В излагаемом С.М. Колесниковой материале реализовано удачное сочетание критериев научности, глубины осмысления, доступности и ясности интерпретации сложнейших лингвистических проблем, различных научных парадигм, концепций, подходов. Об этом свидетельствуют рубрики: «Ключевые термины и

понятия» (с. 8, 40, 122, 215, 257), открывающие каждую главу; «Научная дискуссия» (с. 23, 33, 64, 87-88, 100, 127-128 и др.); «Проблемы терминологии» (с. 31-32, 82, 83, 102, 109, 131 и др.). Особенно ценно то, что автором предлагается разработанная им методика преподавания этого курса в вузовской практике преподавания русского языка. В списке учебников, учебных пособий и научных трудов по грамматике (с. 295-297) указаны работы, в которых соответствующие вопросы освещены более подробно.

В первой главе «Основные понятия грамматики и система частей речи» раскрыты предмет и задачи морфологии, предложены сведения из истории изучения частей речи в русском языкознании, представлены семантико-грамматические особенности частей речи, обладающих значением качества. Эта глава и каждая последующая завершается библиографическим списком и разделом «Вопросы и задания для самоконтроля», призванным помочь студентам осознанно усвоить основные грамматические понятия и позволяющим ещё раз обобщить и осмыслить предлагаемый материал.

Глава «Именные части речи» открывается разделом «Имя существительное», в котором после характеристики имени существительного как части речи и описания лексико-грамматических разрядов этой части речи приводится компактное и доступное изложение классификационных и словоизменительных категорий имени существительного. Весьма убедительно представлена семантика падежей (с. 73).

«Имя прилагательное» как часть речи раскрывается через описание лексико-грамматических разрядов,

полных и кратких форм, категории степеней сравнения качественных прилагательных и склонение. Вводится понятие функционально-семантической категории градуальности (с. 88) со значением меры, степени проявления признака, процесса, явления.

В разделе «Имя числительное» полно представлены определённо- и неопределённо-количественные слова, собирательные, дробные, порядковые числительные. В рамках научной дискуссии обсуждается и количество выделяемых разными учёными разрядов числительных (с. 100), и характер осмысления счётно-числовых отношений, и результат имплицитного либо эксплицитного градуирования при выражении обобщённого значения количественности (с. 102-103).

Автор не обходит вниманием и важный в лингвистической литературе вопрос о местоимении, о его лексико-грамматических разрядах и классификации по соотношению с другими знаменательными частями речи (с.106), подчёркивается, что «анализ местоимённых слов с их признаками и структурно-семантическими особенностями, а также градуальной семантикой обращён к говорящему» (с. 109).

В третьей главе глагол как часть речи представлен в его спрягаемых и неспрягаемых формах, инфинитив описан как начальная форма глагола. Две формообразующие основы, классы и спряжение, категория вида, способы глагольного действия как выражение лексико-грамматической актуальности, трёхзалоговая интерпретация залога, категории наклонения, времени и лица – все эти вопросы нашли глубокое отражение в излагаемом С.М. Колесниковой теоретическом материале.

В разделе «Причастие» выявлен морфологический статус причастий, описаны их семантика, морфологические признаки, синтаксические функции. Особо оговорено значение и в виде таблицы (с. 180) представлено образование действительных и страдательных причастий, описаны полные и краткие формы страдательных причастий, адъективация и субстантивация причастий.

Раздел «Деепричастие» посвящён выявлению признаков глагола и наречия у деепричастия, временных значений у деепричастий, описаны способы образования деепричастий. Важным является установление норм употребления деепричастий и возможность их адвербиализации (с. 184).

В разделе «Наречие» приведены разряды наречий по значению, охарактеризованы способы образования наречий. Наречия меры и степени квалифицируются как показатели градуальной семантики (с. 192).

В учебнике С.М. Колесниковой ставится вопрос о словах категории состояния, охарактеризованы семантические группы и грамматические особенности слов категории состояния. В этой части пособия рассматривается отличие слов категории состояния от кратких прилагательных среднего рода, наречий на -о, имён существительных, что традиционно вызывает затруднения у студентов.

В четвёртой главе «Служебные части речи» получили описание предлоги, союзы и частицы. Особое внимание уделяется вопросу разграничения союзов и союзных слов (с. 232-234), подчёркивается служебная роль связок (с. 246-250).

В пятой главе «Особые части речи» описанию и анализу подвергаются модальные слова, междометие, гибридные слова (функциональные омонимы).

Несомненно, украшает учебник со вкусом подобранный речевой материал, используемый в качестве иллюстраций важнейших теоретических положений.

Новаторским для учебного пособия такого рода является приведение в его завершающей части практикума «Морфологический анализ слов», в котором представлены, во-первых, порядок морфологического разбора слов каждой из знаменательных частей речи (с. 280-283), во-вторых, образцы морфологического разбора слов (с. 284-294).

Учебное пособие С.М. Колесниковой соответствует актуальным требованиям Федерального государственного стандарта высшего образования и будет востребовано студентами-филологами академического бакалавриата, магистрантами, аспирантами, преподавателями вузов, научными работниками и учителями-словесниками.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаповалова Татьяна Егоровна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры современного русского языка Московского государственного областного университета, академик МАНПО;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

T. Shapovalova – Professor, doctor of Philological Sciences, professor of the department of modern Russian language at Moscow State Regional University, Academician of the ИТТАС;
e-mail: tshapovalova@gmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Шановалова Т.Е. Рецензия на учебное пособие С.М. Колесниковой «Современный русский язык. Морфология» (М.: Издательство Юрайт, 2015. 297 с.) / Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 4. С. 180-183.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-180-183

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

T. Shapovalova. Review of the textbook «Modern Russian language. Morphology» (M.: Publisher Yurayt, 2015. 297 pp.) / Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. 4. pp. 180-183.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-4-180-183



ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г. Выпускается десять серий журнала: «История и политические науки», «Экономика», «Юриспруденция», «Философские науки», «Естественные науки», «Русская филология», «Физика-математика», «Лингвистика», «Психологические науки», «Педагогика». Все серии включены в составленный Высшей аттестационной комиссией Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по наукам, соответствующим названию серии. Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатная версия журнала зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Полнотекстовая версия журнала доступна в Интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), а также на сайте Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
2016. N 4

Над номером работали:

Литературные редакторы Т.Е. Шаповалова, Д.Д. Дрошнев
Переводчик И.С. Шаповалов
Компьютерная вёрстка Д.А. Заботиной

Отдел по изданию научного журнала
«Вестник Московского государственного областного университета»:
105005, г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98
тел. (495) 723-56-31; (495) 780-09-42 доб. 1740
e-mail: vest_mgou@mail.ru
сайт: www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Уч.-изд. л. 11,75, усл. п.л. 11,5.

Подписано в печать: 28.09.2016 г. Дата выхода в свет: 13.10.2016 г. Заказ № 2016/09-03.

Отпечатано в ИИУ МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, 10А